

АНДРЕЙ БОЛОТОВ

A stylized illustration of a goblin with large, pointed ears and glowing yellow eyes. He is wearing a dark red tunic with a fur collar and a grey cloak. He holds a wooden staff topped with a large, faceted green gemstone. The background is a dark, dense forest with gnarled tree trunks and hanging vines.

ИСТОРИЯ ОДНОГО
ГОБЛИНА:
СИМВОЛ ВЕРЫ

Annotation

Молодому гоблинскому шаману приходится бежать из родной деревни, спасаясь от жестокой казни. Судьба дает ему в спутники болтливого призрака и высокомерного минотавра. Сумеет ли герой преодолеть свои страхи, ужиться со спутниками и обрести цель, ради которой можно поставить на кон собственную жизнь еще раз?

Часть 1: Проклятие. Глава 1

Део-Создатель одинокой маленькой точкой скитался в пустоте первичного хаоса. Однажды он случайно столкнулся с другой точкой — Йени. Испугалась Йени появления Део и устремилась прочь, но он догнал Всемать. От союза двух демиургов родился первый мир. И стали они вместе создавать разных существ, дабы населить свое царство. Быстро повзрослели дети Творцов и вскоре перестали во всем слушаться родителей. Не сразу понял Део, что назревает смута, но и после не стал ничего менять, ибо любил детей своих и даровал им свободу воли.

О сотворении мира [1]

Косматые коричневые брови главного придворного свата клином сошлись на переносице.

— Сколько-сколько? — недоверчиво переспросил Бриштамал под ошарашенный шепот помощников.

Увесистая дубина с шипами, висящая на поясе, словно сама попросилась в ладонь, чтобы проломить наглецу голову. Усилием воли царский посланец спрятал лапы за спину и сильно их сжал. Сделал он это аккуратно, чтобы длинные давно не чищенные когти не поранили кожу. Бить нельзя: будущий тесть правителя как-никак.

— Сто баранов и вес невесты золотом, — с достоинством повторил Душняк, нарочито пренебрежительно почесывая лысую макушку.

Отец невесты выглядел лет на сорок, что для гоблина без преувеличения считалось весьма почтенным возрастом. Видимо, он самоуверенно полагал, что пожил достаточно, поэтому может дерзить важному столичному гостю.

— Ты в своем уме, старик? — на всякий случай уточнил сквозь зубы Бриштамал. — За предыдущую царскую жену я платил всего одну корову, двух баранов и пять золотых сверху. Так мне еще сандалии облизали в знак благодарности.

— Ну, иди тогда в той же семье еще одну возьми! — не остался в долгу несговорчивый папаша.

Сват скривился. Этот прохвост прав, ведь других таких же красивых, сочных и непорочных девочек на сотни миль вокруг не сыщется. И силой отнимать нельзя: в подобных вопросах гоблины стоят друг за друга горой. Царь может своевольничать сколько угодно, но покушаться на собственность подданных не имеет права. Сделай он это, и все окрестные деревни тут же возьмутся за оружие. Поди их усмири потом.

Бриштамал вспомнил, как в первый раз пробежал мимо этого покосившегося, но все еще добротного деревянного дома. У распахнутого окна терема на втором этаже сидела юная дева и сияла, подобно свету солнца. Девушка хлопала пушистыми ресницами и вздыхала, словно упрашивая царского посланца забрать ее с собой.

Он так засмотрелся на очаровательную мордашку, что столкнулся с тощим угрюмым оборванцем, коих в этой деревне водится бесчисленное множество. Оба гоблина тут же вскочили с пятых точек на ноги, потирая ушибленные лбы. Царскому гонцу не пристало извиняться перед всякой чернью, но пострадавший начал настаивать. Сначала он просто вымогал денег или хотя бы еды. Получив отказ, стал грязно ругаться и схватился за дубину. Пришлось успокоить метким ударом по голове.

Вернувшись во дворец, Бриштамал пал ниц перед Нагумпохабинбухарином IV и описал ему внешность красотки. Царь сразу воспылал неутолимой похотью и повелел немедленно разузнать, на выданье ли девица и сколько за нее хотят родители. Бриштамал тут же бросился исполнять новое поручение, плюнув на отдых. Крутой нрав самодержца был известен ему слишком хорошо, чтобы хоть немного промедлить.

Как оказалось, родители давно подыскивают своей кровиночке супруга побогаче и готовы отдать ее за достойный выкуп. Однако сто баранов и мешок золота — это перебор.

— Будь же благоразумен, о жаднейший из жаднейших! — начал торг главный сват.

Царь предельно ясно выразился, что хочет видеть девчонку на своем ложе до следующего полнолуния и готов на любые траты. Да только казначей за такой выкуп голову оторвет. Сам ведающий казной сановник стоял позади и многозначительно покашливал, требуя сбить цену до приемлемой. Придется попотеть. Если Бриштамал не приведет невесту, голову ему снесет уже царский палач. Могут даже воргам на растерзание отдать.

— Так ведь не за раба выдаем! — возразил Душняк.

Какой подлый аргумент, однако. Даже возразить нечего. У невесты самого царя и выкуп должен быть царский. То, что другие родители оказались не столь жадны и прозорливы — исключительно их проблемы.

Сват порыскал взглядом в поисках вдохновения и обратил внимание на изможденных детишек с голодными глазами. Ребята робко заглядывали в окна и сразу спрятались, как только заметили чужое внимание. Опытные, значит. Бриштамал уже видел их, роющихся в отбросах в поисках съестного. Тощие, как жерди, со впалыми животами.

— Вижу, неурожай был в этом сезоне, — с хищной улыбкой заметил царский посланец. — Если мы уйдем искать другую невесту, немногие переживут зиму без этого выкупа.

Душняк нахмурился. Старый гоблин сразу понял, к чему клонит царедворец.

— Согласен на пятьдесят баранов и половину веса золотом, если принесете через три дня, — скрипнув остатками почерневших от времени передних зубов, произнес хозяин дома. — Но Тырю отдам, только когда ей стукнет двенадцать. Еще месяц ждать.

Половозрелость у гоблинов наступает значительно раньше, чем у людей, но древние законы довольно строги насчет ранних браков. Молодых девушек обычно выдают замуж не раньше двенадцати-тринадцати лет. Как правило, не по доброй воле.

Крохотырю или Тырю, если по-простому, естественно, никто не спрашивал, хочет ли она замуж за старого, толстого и уродливого царя. Родители заметили в ней будущую красоту еще лет в восемь и с тех пор старательно откармливали. Даже обучили не только умению хлопотать по хозяйству, но и зачем-то грамоте. В целом жилось ей куда лучше остальных братьев и сестер. Только вот выходить из терема строго-настрога запрещалось в отличии от них. Девочка немного завидовала этим вольным, хоть и чересчур стройным птахам, а они отвечали не только взаимностью, но и вполне обоснованной ненавистью голодных к сытой.

Так она и коротала время — за свитком с интересным рассказом о древних временах и дальних странах или в мечтах о принце, который однажды выкупит ее у родителей и уведет в свой дворец.

И вот однажды ее прекрасный принц появился. Невероятно красивый и рослый, с приятными правильными чертами морды, довольно молодой. Только одет он был совершенно необычным для гоблина образом и прошел мимо, даже не взглянув в ее сторону.

Такая мелочь вовсе не помешала бедной девочке влюбиться с первого взгляда.

Крохотыря подговорила младшего брата разузнать все о незнакомце. Юноша оказался новым деревенским ловцом духов и с тех пор еще не раз ходил мимо ее окон, а Тыря все никак не решалась окликнуть его.

Вот уже почти два года девушка мечтала только о нем. Шаман же все это время продолжал демонстрировать редкую невнимательность, напрочь игнорируя тяжелые вздохи и прочие бессловесные знаки внимания, предназначенные специально для него. Сватовство со стороны царя совершенно не входило в планы Тыри. Поэтому прибытие целой делегации из столицы грянуло громом среди ясного неба.

— Надо что-то делать, — решительно сказала девушка сама себе. — Если меня выдадут замуж, Гарб обо мне так и не узнает.

Ее как раз позвали, чтобы предъявить сватам. Крохотыря приготовилась дать решительный, насколько это вообще возможно для гоблина, отпор. И тут в ее голове, как будто кто подсказал, сам собой появился хитрый план.

— Вот она, наша красавица! — представил ее важным гостям отец. — Покрутись-ка, как ты умеешь, доча. Покажи себя.

Девушка одернула на себе красивое бежевое платье в крупный горох, с совершенно прямой спиной спустилась по лестнице и вышла на середину комнаты.

— Папенька, мне нельзя замуж, — пискнула она, повергая в шок всех присутствующих. Храбрость уже оставила Тырю, но любовь не позволяла сдаться.

— Че? — тупо переспросил Бриштамал, предчувствуя недоброе.

Отец только нахмурился, но Крохотыря хорошо знала этот тяжелый взгляд: будет пороть.

— Во сне мне явились духи предков! — упавшим голосом произнесла девушка, но чуть приободрилась при виде отвисших челюстей присутствующих. — Они сказали, что на меня наложено страшное проклятие. Любой самец лишится своего мужского естества, притронувшись ко мне. Проклятие может снять только особый шаман, но предки не сказали, какой именно.

Казначей выпучил глаза, скрывая радость от неожиданного освобождения казны от бремени выкупа.

— С предками шутки плохи, — важно сказал он. — Дело серьезное.

Царский посланник схватился за сердце, молча развернулся и вышел вон.

Сваты явились с повинной к царю и доложили о приключившемся несчастье. Разгневанный государь приказал скормить незадачливых посланцев ручной мантикоре, а сам вызвал верховного шамана и приказал решить проблему, дав на все про все не больше года сроку. Невеста все равно оказалась еще слишком мала.

[1] Здесь и далее цитаты из устных преданий Лумей (прим. авт.)

Глава 2

Люцифер — самый старший и сильный из детей очень хотел быть похожим на отца своего. Возжелал он почестей наравне с отцовскими. Возжелав почестей, возжелал и трона родительского, дабы править братьями и сестрами самому. Йени души не чаяла в первенце, и Люцифер хитростью убедил мать-создательницу примкнуть к нему в борьбе против Део. Когда сил и сторонников у предателя собралось в достатке, он нашел в себе смелость открыто выступить против отца своего. Создатель вначале пытался словами увещевать неразумного отпрыска, но тот стоял на своем.

Между тем, молодой шаман даже не подозревал, какие нешуточные страсти кипели примерно в пяти сотнях футов к югу от его дома. Добротное деревянное жилище стояло на опушке леса на некотором удалении от остальных хижин, хибар и изб. Это давало достаточно тишины для общения с духами. С другой стороны, если кто-то нуждался в помощи по части загробного мира или общения с предками, идти было не так уж и далеко.

Звали юношу Гарбибаквастрэшмусорчак, но ловец духов любил представляться Гарбом. Принадлежность к гоблинам или гобхатам — именно так величает себя этот народ — никогда его так не тяготила, как длинное несуразное имя. Гоблины вообще склонны сокращать сложные слова до двух-трех слогов, но в этом случае шамана не устраивали неудобные ассоциации, которые оно вызывало.

Масла в огонь подливали многочисленные недоброжелатели, обожающие кричать ему вслед:

— Эй, Мусор, чего это ты на себя напялил?

Для Мусорчаков именно такое упрощение считалось самым оскорбительным, но шаман особо не обижался. Правда, поскольку длина имени издревле служила своего рода показателем высоты занимаемого положения в обществе, совсем от этого пережитка прошлого ловец духов отказываться не спешил и всегда показательно грозил зубоскалам посохом. В остальном мнение соплеменников Гарба волновало крайне редко.

Нет никакого смысла обращать внимание на грубоватые попытки издевок со стороны необразованных тупиц. В родной деревне с толковыми собеседниками всегда было сложно. Зато среди обитателей Шеола — загробного мира — порой встречались исключительно грамотные и образованные сущности.

Молодой шаман старался больше времени проводить с духами, а не с живыми, из-за чего приобрел среди односельчан репутацию заносчивого, чванливого и необщительного сына. В результате у Гарба изменились не только поведение и манеры, но и образ мыслей. Он даже говорить стал в основном по-книжному, чем еще больше раздражал остальных гоблинов. Речи шамана им частенько были непонятны, а гобхаты ненавидят все, что не могут понять.

Время, проведенное в мире духов, волей-неволей вынудило Гарба нахвататься знаний из разных областей. Настолько обширных, что остальным и не снилось. Большую часть усвоенного шаман опасался применять на практике, но некоторые вещи вызывали у него неподдельный восторг.

Именно под влиянием полученных знаний ловец духов в конце концов плюнул на традиции и пошил себе элегантный теплый костюм из кроличьего меха. На голову вместо

ритуальной маски он нацепил берет с пером аиста, а взамен кривого зазубренного костяного шаманского ножа заказал гномьему кузнецу изящный стальной клинок и посеребренные ножны.

Новый образ затворника незамедлительно привлек внимание односельчан. Гоблины перешептывались у Гарба за спиной, тыкали в него пальцами, мерзко хихикали. В основном украдкой, потому что несмотря ни на что его ремесло все еще заставляло остальных побаиваться. Шаман об этом знал и только печально улыбался. Он и рад был бы иной раз с кем-то поговорить, но все разговоры живые непременно сводили к жалобам на соседей, сплетням или суевериям.

Не все, конечно, злословили у ловца духов за спиной. Барышни тайком вздыхали вслед красавчику, но заговорить с ним не осмеливались: родовые традиции все так же были сильны, как и тысячи лет назад, и не допускали вольностей для женского пола.

Жертвой красоты шамана пала и Крохотыря. Среди соплеменников он выделялся довольно высоким в четыре с половиной фута ростом. Жесткая копна коротких коричневатых волос ежиком топорщилась на маленькой голове. Чуть менее короткая шерсть того же нежно-орехового цвета ровным слоем покрывала все тело, кроме морды, ладоней и ступней. Большой выпуклый лоб и широкий приплюснутый нос не оставляли сомнений, что это именно гобхат, а не какой-нибудь чересчур волосатый гном.

Как и остальные сородичи, Гарб сильно горбился при ходьбе. Длинные передние лапы доставали юноше почти до колен. Крючковатые когтистые пальцы время от времени сами по себе сжимались, будто норовя что-то схватить. Зато ноги у него в отличие от большинства самцов не были кривыми, и эта особенность Тырю особенно покорила.

И, хотя самки в присутствии красавца теряли дар речи, любой инородец при виде этого существа вряд ли бы смог удержаться от брезгливой гримасы. Правда, до сих пор с живыми чужаками юному гобхату сталкиваться не приходилось. Поэтому насчет своей внешности он никакого мнения не имел.

Все пошло наперекосяк с самого утра.

— Да что ж за день-то такой? — воскликнул в сердцах Гарб.

Поначалу ничто не предвещало перемен. Ловец духов, как должно, раздул в жаровне угли, принес в жертву вкусную жирную курицу с пахучими травами. Благоухание заполнило комнату, зашекотало ноздри, вошло в сознание и понесло гоблина в неведомое после устроенной им дикой пляски с тамбурином в лапах. Танец Гарб исполнял все-таки в традиционном облачении. До соплеменников ему дела не было, но духи предков — совсем иное дело: могут ведь и не понять непристойного вида.

В мире предков царили холод и пустота. Между тем воскуренные благовония и запах курицы уже должны были бы привлечь прорву духов — выбирай не хочу, с кем поболтать. В пустом пространстве возле жертвенника в том числе отсутствовал и привычный Гарбу Мурион — призрачный учитель, обожавший делиться всевозможными секретами. Нисколько не расстроившись, потому что такое уже случалось, Гарб затянул песнь, служащую своего рода дополнительной приманкой для духов. На зов не замедлила откликнуться необычная полупрозрачная тень. Всего одна.

— Здрасьте! — услышал Гарб над ухом и едва не подпрыгнул от неожиданности.

Незнакомый призрак не являлся духом ни одного из предков — Гарб узнавал любого из них по отпечатку шеольного следа. Таких существ гоблину вообще никогда не доводилось

видеть. Не просто полупрозрачный, как все остальные, а с какой-то примесью темноты. Да и его очертания постоянно расплывались так, что рассмотреть внешность толком не получалось.

Гарб считал себя достаточно сильным, чтобы не бояться новых встреч в Шеоле. До сих пор в царстве духов ему не встречался никто, с кем не удалось бы договориться полюбовно или, в крайнем случае, магией. Решив, что незнакомец лучше, чем вообще никого, шаман обратился к новоприбывшему.

— О дух, ответь на мой зов и угостись подношением, дабы не опустели твои запасы энергии Дэ!

Дух молча набросился на дары, в один присест заглотив все, что принес в жертву Гарб.

— Еще пожрать есть? — с едва слышным урчанием спросил призрак, заставив шамана подбирать лапой отвисшую нижнюю челюсть.

Шеольные сущности всегда довольствуются малым, и одной такой курицы могло хватить для утоления голода десятка духов предков или одного сумеречного василиска, иногда забредающего на зов.

— О дух, ты крайне прожорлив! И весьма дерзок к тому же.

— Че есть, то есть. Еще люблю пошалить и поболтать. Симпатишный, шустрый, ловкий — это тоже про меня. Я много всякого знаю и могу быть полезен, если нужно разузнать чего или кому-то сон подправить.

— О дух... — начал было Гарб.

— Бурбалка, зови меня Бурбалкой, а то уже тошнит от слащавости, — подсказал призрак. — Тебя, кстати, как звать-то?

— Гарбиквастрэшмусорчак, — важно ответил шаман.

Призрак взмыл в воздух, сделал пируэт и вернулся на прежнее место рядом с ловцом духов.

— Абалдеть! — изрек он. — Не, это длинно. Буду звать тебя Квас. Или лучше Трэш? Мне так проще, а то от ваших длинных погонял у меня и при жизни-то скулы сводило, а уж после смерти ваще наизнанку выворачивает. Хошь покажу как?

Гарб поспешно отмахнулся лапами от такого предложения и осторожно спросил:

— Послушай, Бурбалка, кто ты такой?

— Мда, тяжелый случай, — дух демонстративно издал звук зевка. — Ты точно шаман? Вроде, маска с бубном имеются, а вопросыки у тебя странные. Я дух! Неупокоенный, бестелесное содержание, разум без плоти... Ты ваще на шамана где учился?

— Учился у учителя, — обиделся Гарб. — Я знаю, что ты дух. Дух кого ты?

— Ишь ты, какой любопытный! Так вот взял и все тебе рассказал. А что я с этого буду иметь, кроме головняка? Я тут типа рискую и все такое.

— Ты отведал подношение, дух, — сухо молвил шаман.

Голова призрачной фигуры на мгновение обрела четкость, и в районе лица проступили скривившиеся человеческие черты.

— Ой, да ладно! Сколько его там было? Одна курица? За такую мелочь с тобой только всякая мелюзга и будет разговаривать, а я профессионал, и расценки у меня соответствующие. Сведения нынче стоят дорого. Так как там насчет еще похавать? Как говорят умники, простимулировать мои энергетические каналы для взаимовыгодного общения?

— Я могу принести завтра еще одну курицу, — колеблясь, сообщил Гарб. — И то

думаю, что завтра ты тут будешь не один и много тебе вряд ли достанется.

— Это навряд ли, — тоном, не терпящим возражений, ответил дух. — Я их всех поразгонял. Разве только явится кто из тех, кого сегодня не было, но этих я беру на себя. И ваще, курица как-то мелкогато. Быка сможешь добыть? У меня последнее время было туговато с харчиком.

Гарбу оставалось только повторно вернуть на место челюсть при помощи лапы, в которой он не держал тамбурин.

— Что же такого полезного ты можешь мне сообщить за целого быка? — приторно сладким тоном, не сулящим наглецу ничего хорошего, уточнил шаман.

Шаман из Гарба за долгие годы сурового обучения получился отменный в отличие от большинства тех, кто учился вместе с ним. С духами он управляться умел и мог в случае надобности защититься от нападения строптивного призрака или даже подчинить его.

— Да много всего! Только не спрашивай больше, кто я и откуда. Надо будет, сам расскажу. Пока в качестве задатка — я ведь слопал курицу — рассказываю: скоро в вашем племени грянут перемены, которые касаются непосредственно тебя.

— Постой, ты имеешь в виду только мое племя Мусорчаков или царство Нагумпохабинбухарина?

— Пфф! — возмутился призрак. — Стал бы я размениваться по таким мелочам. Ваш мелкий царек только один из многих. Все скоро поменяется для всех гоблинов. Ой, чета я много уже наболтал. Мне пора, завтра в это же время еще потолкуем. И найди быка покрупнее. Лучше черного. Хотя можешь и раньше зайти. Я не обижусь.

— Постой, а...

— Иди-иди, — раздался голос со стороны духа, который быстро таял в пространстве. — Тебя там к верховному вызывают.

Дух окончательно растворился в Шеоле. Гарб остался с порядком потрепанными нервами и в полном недоумении. Выйдя из транса, он увидел выглядывающего из-за ограды гонца. Тот терпеливо дожидался, пока на него обратят внимание. Мешать шаманам во время ритуальных плясок и транса строжайше запрещалось, а череп одного чересчур назойливого гоблина до сих пор украшает посох великого ловца. Поэтому гонец особо не торопился, хотя ему и поручили доставить Гарба как можно скорее.

Услышав, куда его зовут, молодой шаман решил, что быка, пожалуй, действительно стоит добыть пожирнее. Переодевшись, чтобы достойно выглядеть, и захватив с собой самые необходимые для ловца духов вещи, Гарб отправился знакомой дорогой к «дорогому учителю».

Тогда разгневался Део и пожелал наказать всех непокорных. Йени вступилась за любимого сына, и Део, ослепленный гневом, обрушил свою ярость на нее. Страшно вскрикнула мать-прародительница и упала замертво. Сильно оплакивал возлюбленную Део, и чем сильнее было его горе, тем сильнее становилось его желание покарать виновных. И придумал он наказание для бунтовщиков, и создал для них отдельный мир, полный жестокости, чтобы страдания их были безграничны, а Люцифера навечно заточил в самом глубоком месте нового мира. Остальным бунтовщикам Део повелел жить над темницей и запретил появляться в своем мире. Так появились дьяволы-жахани.

Великий ловец обладал именем длиннее, чем у самого царя. У гоблинов чем длиннее имя, тем знатнее его обладатель. Сделал что-то полезное для племени — получи пару заветных буквочек к имени. Провинился — и звать тебя уже на пару слогов короче. Особо нашкодивших лишали всего имени без остатка и прогоняли прочь с клеймом на лбу.

Никто не заговаривал с безымянным гоблином. Зато его можно было безнаказанно убить, ограбить или обратить в рабство. Впрочем, гоблинов-рабов с именами тоже хватало. Цари нередко продавали подданных оркам в качестве живых игрушек, мишеней для стрельбы из лука или просто как дешевую рабочую силу. Когда образуется излишек населения, его надо непременно куда-то девать, иначе и до голодного бунта недалеко. Впрочем, регулярные набеги на соседей не только давали добычу, но и решали вопрос с перенаселенностью. Помогала и огромная детская смертность.

— Где его носит? — воздел лапы к небу великий ловец Нунах выглядывая в щелочку своей хижины.

Свое полное имя даже он сам не мог толком выговорить, поэтому охотно отзывался на первые пять букв вместе с титулом.

Верховным шаманом его избрали вовсе не за красивые кривые клыки и бледно-желтые с вертикальными кошачьими зрачками раскосые глаза. Он действительно был лучшим специалистом по загробным делам в племени и мог приручить почти любого дикого духа для своих целей. Гоблины его за это уважали и боялись. Откровенно говоря, Нунах мог бы считаться настоящим владыкой племени, если бы не безумная кровожадность царя, частенько вырывающаяся на волю в виде бешеных вспышек гнева. Владыка племени, впадая в ярость, мог запросто раскроить череп любому, и никакие духи его при этом остановить не могли.

Для верховного шамана выполнение малейших прихотей деспота являлось делом личной безопасности. После очередного совета со своими шеольными информаторами, Нунах пришел в ужас. Все в голос твердили, что великому ловцу угрожает опасность. Однако никакими посулами, заклинаниями и угрозами старик не смог добиться от призраков подробностей.

— Значит, дело в царе, — смекнул он.

Только самодержец мог в достаточной мере навредить Нунаху. Верховный шаман решил во что бы то ни стало выполнить поручение монарха или найти способ избавиться от него.

Раз уж духи не пожелали прояснить ситуацию, оставалось только созвать всех заклинателей племени, чтобы подключить их к расследованию. В деревни и хутора

заспешили гонцы, чтобы как можно скорее доставить к ногам великого ловца его многочисленных учеников. Вот уже прибыли двадцать гоблинов, и только одного все еще не хватало.

Уважаемые и не очень шаманы галдели, шумели и в целом вели себя, по мнению нынешних учеников старейшего, весьма и весьма непорядочно. В основном потому, что отбившиеся от строгих нунаховых лап шаманы вели себя слишком разнузданно. Настолько, что сразу же отобрали у изнывающего от жажды молодняка все запасы прокисшего пива, с таким трудом добытого с заднего двора одной гномьей корчмы.

Сам Нунах терпеливо ожидал появления своего самого способного хоть и немного бестолкового ученика, на которого возлагал большие надежды. Ради него одного старый шаман не собирался пускаться в объяснения повторно. Чтобы не ронять авторитет в глазах остальных, всем было объявлено, что великий находится в трансе и скоро из него выйдет. Ловцы волновались: у каждого из них дома имелась пара неотложных дел, да и пиво уже подходило к концу.

Наконец мудрейший покинул свою тайную комнату, чтобы поприветствовать опоздавшего участника собрания. Все головы дружно повернулись в сторону дороги, на которой появился странно одетый гоблин. Нунах еле признал в прибывшем ученика и неодобрительно хрюкнул. Настолько тактичным оказался только он один. Остальные просто попадали в пыль внутреннего дворика жилища Великого ловца, и принялись гоготать, повизгивая и колотя себя лапами по карманам лохмотьев.

Гарб действительно выглядел слишком комично для гоблина. Будь он человеком или эльфом, то не исключено, что за удовольствие побыть в обществе столь нарядного господина, многие вступили бы в драку. Гобхаты же просто хохотали до упаду. Их собственное повседневное одеяние состояло из коротких кожаных штанов, изредка отороченных грязным крысиным мехом, кожаной жилетки и ритуальной маски. Поэтому чистая и разноцветная одежда на гоблине не могла не вызвать у них истерику.

Нисколько не смутившись произведенным эффектом, Гарб подошел к учителю, чтобы пожать ему лапу. Остальных он поприветствовал лишь легким кивком.

— Эй, Мусор, чего это ты на себя нацепил? — выдавил из себя один шаман, корчась от смеха.

— Это называется костюм, простофиля! — с вызовом ответил Гарб.

— Костю-ю-юм? — гоготнул второй. — Это от слова кости что ли? Слыхали? Он носит кости, вместо того чтобы их обглаживать!

Толпа чуть не захлебнулась от восторга, когда по ней прокатилась волна смеха. Со стороны зрелище было жуткое, если принять во внимание, что собравшиеся могли сообща заклинаниями обратить в прах небольшую армию, если потребуется, а в добром нраве гоблинов упрекнуть сложно. Гарб напрягся, сжав в лапе амулет личного изготовления. В случае чего он мог натравить на обидчика заключенного внутри духа.

— Тишина! — во всю глотку взревел Нунах, сообразив, что собрание может не досчитаться части участников из-за новых приступов гогота. — Я вас не для того собрал, чтобы отношения выяснять. Нравится вам или нет, но именно Гарб будет моим преемником. Как и я, он сильнее всех вас тупиц вместе взятых. Так что первого, кто еще раз разинет пасть в его сторону без моего разрешения, живьем продам некромантам на опыты. А ты... — сказал он, обращаясь к Гарбу. — Я тобой недоволен. Позоришь звание ловца, вырядился Курак знает во что!

Прочие шаманы снова насмешливо загалдели, услышав имя великого духа всезнайства. Курак среди гоблинов издавна считается выскочкой и часто поминается в бранных выражениях. Не любят таких, ведь тяга к знаниям уподобляет любого порядочного гоблина эльфам с их вечной заумью и высокомерием. С племенами остроухих у мелкого народца с давних пор отношения складывались не лучшим образом. Поэтому любое сходство с эльфами — признак дурного тона. Гарбу стоило бы показать, что он никакого отношения к Кураку не имеет, но юный шаман казался возмущенным вовсе не сравнением.

— Так нужно, учитель, — насупился он. — Эти вещи делают меня сильнее.

— Эти вещи делают тебя похожим на наших врагов! И хватит об этом! — раздраженно пресек попытки оправдаться Нунах. — Я собрал вас здесь, чтобы сообщить неприятнейшее известие: вы все в опасности.

Собрание зашумело, и каждый подумал, что зря не остался дома. Когда галдеж немного утих, великий ловец продолжил.

— Разумеется, не все из вас достигли того уровня мастерства, чтобы уже знать радостную весть. Наш дражайший самодержец опять влюбился и хочет жениться. На его невесту наложено какое-то проклятие, и только мы шаманы можем его снять. Вернее, это сможет сделать один из нас.

— Нужно лишить невесту невинности? — гоготнул плюгавый гоблин в потрескавшейся маске, из-под которой разило смрадным перегаром.

— С этим проклятьем наш царь и сам прекрасно справится, — сдержанно улыбнулся клыкастой пастью Нунах. — Проблема в том, что я не знаю, кто его наложил и что оно из себя представляет. Вам поручаю выяснить все у ваших доверенных духов. Кто первый справится — награжу. Остальным не поздоровится. Свободны! А ты, Гарбуша, задержись немного. Разговор есть.

Когда лишние уши удалились, Нунах строго отчитал Гарба за ношение неправильной одежды:

— Ты хоть понимаешь, — говорил он, — что, когда займешь мое место, подобные вольности сослужат тебе дурную службу при дворе. Тебя там станут держать за шута, а я в мире духов умру от позора.

Гарб молча ждал, пока поток порицаний иссякнет. При этом он кивал, делая вид, что согласен со всем. Его наряд был расшит гномьими рунами и вязью восточных колдунов, что делало запасы магической энергии молодого ловца духов практически неиссякаемыми. К тому же костюм защищал от огня, холода и прочих неприятных шпучек, которые враги гоблинов обожают швырять во все, что хотя бы отдаленно походит на шамана. Клинок у него тоже был не простой, а заговоренный особым образом для убийства всех неприятелей выше ростом, чем Гарб.

У гоблинов насчитывается множество недругов, включая людей, эльфов и прочих существ, убийство которых является делом весьма сложным, а бегство от большинства из них — бесполезным. Имея в запасе козырь в виде шпаги, которая сама направляет лапу в нужную сторону, Гарб нисколько не сожалел о своем проступке. Он только пообещал себе впредь быть осторожнее и не метать бисер перед всякими замарашками.

Наконец учитель подобрел ровно настолько, чтобы перейти к сути.

— Как ты уже наверняка знаешь, на меня лично свалилась очередная прихоть нашего лучезарного самодержца. Он хочет жениться на смазливой девчонке, которая и слышать о

нем не желает, поэтому выдумала какую-то чушь про проклятие. В ее словах меня смущает упоминание некоего шамана, который сильно отличается от остальных. Собрав тут своих учеников и осмотрев их, могу сделать только один вывод: этот шаман ты.

— Я? — искренне удивился Гарб.

Ему было странно, что какая-то самка могла обратить на него внимание.

— Она еще и в твоей деревне живет, что прямо указывает на твою персону. — продолжил Нунах. — Ты влип даже больше меня. Если наш старый похабник-царь узнает, что свадьба откладывается из-за тебя, готов биться об заклад всем, что имею — не пройдет и дня, как твоим черепом будет играть в скаллинг какой-нибудь тупой орк.

— Скаллинг? — переспросил Гарб.

— Ты меня иногда поражаешь, — старый шаман непроизвольно утопил морщинистую морду в ладони. — Вроде знаешь много, а элементарных вещей... Это игра такая у равнинных орков! Они ставят десять больших черепов пирамидкой и швыряют в них череп гобхата с тридцати футов.

Молодой шаман скривился от таких подробностей.

— А почему именно гобхата? — все равно уточнил он из любопытства.

— Потому что он, видите ли, подходящий по размеру и в дырки от глаз им удобно пальцы совать. Держать сподручно. Если за три броска счет равный, то победителя определяют поединком на боевых топорах. Черепа у нас довольно хрупкие, поэтому спрос на них большой...

— Да понял я, понял! — взвыл юноша, живо представив себе, как его череп хватает своей грязной зеленой лапищей здоровенный любитель спорта.

Нунах, кажется, удовлетворился произведенным эффектом.

— Ты должен снять это так называемое «проклятие» любой ценой, — сказал он уже спокойнее. — Делай что хочешь, но полюбить она должна нашего государя. И сделать это придется быстро, если не желаешь потерять голову.

— Кто хоть эта особь женского пола? — перебил учителя Гарб. — Я всех в своей деревне знаю, и ничего такого за ними не замечал.

— Я понимаю, ты самками не интересуешься. Это очень правильно и похвально для нашего ремесла, но надо все же посматривать по сторонам иногда! Ее зовут Крохотыря. Знакомое имечко?

— Крохотыря? — молодой шаман щелкнул языком. — Припоминаю... Юная Тыря? Да она же еще совсем детеныш!

Гарб имел некоторое представление о традициях своего племени, но не понимал, какое это может иметь к нему отношение.

— Ну, не такая уж и маленькая, раз царским сватам приглянулась. Хотя ты прав. Скорее всего, только поэтому царь до сих пор не приказывал силой привести ее в свои покои. С родителями-то о выкупе уже договорились. Так что советую поспешить, и не делай ничего, о чем потом пожалеешь.

— Благодарю, учитель! — поблагодарил его Гарб вслух, а мысленно принялся искать подвох.

Двойного дна у предупреждения не обнаружилось даже по дороге домой, хотя чувство тревоги продолжало смущать разум молодого шамана. У гоблинов иерархия строгая: кто сильнее, тот и главный. Перемещение по иерархической лестнице обычно происходит путем физического устранения конкурента. Желательно кривым отравленным ножом в спину и

непреренно тайком.

Если верховный заговорил о преемнике, значит, он либо себя очень плохо чувствует, либо задумал избавиться от потенциального претендента на свое место. Заподозрить наставника в искренности намерений Гарб не смог, как ни старался.

Ученик ушел, а старый учитель еще долго стоял, опершись на посох, и смотрел ему вслед стеклянным взглядом выцветших глаз. На его потрепанной временем морде не дрогнул и мускул. Старик искренне переживал за парня, которого когда-то совсем маленького спас от верной смерти и считал почти сыном, но не желал никому об этом рассказывать.

— Да благословят тебя духи, мальчик, — прошептал он. — Не зря же они направили меня к тебе в тот день.

Долго горевал Создатель. Наконец он решил, что не в силах видеть и остальных своих детей. И создал он множество миров, и расселил в разные миры тех, что остались ему покорны. Так появились старшие боги.

Взгляд упал на еще не остывший жертвенник.

— Вот незадача! — сквозь стиснутые зубы прошипел гоблин, чтобы не ругнуться по-настоящему.

Быка-то для вымогателя Бурбалки он так и не купил. Пришлось снова топтать в столицу.

Гарб шел, ругая свою забывчивость. Можно ведь было спокойно завернуть на рынок по дороге от Нунаха, но новости вытеснили все остальные мысли из головы шамана. Наверняка всю хорошую скотину уже разобрали, и придется потратить не один час на поиски подходящего для жертвы животного.

По мере приближения к цели ноздри уловили тошнотворный запах огромной застарелой мусорной кучи. Больше десятка тысяч лачуг, собранных из подручных материалов, и сотни более надежных строений гнездились плотно друг к другу прямо на культурном слое, оставленном другими обитателями Лумеи.

В незапамятные времена боги дали этому месту другое название — Первичный мир, но оно теперь использовалось только учеными мужами. И только чтобы подчеркнуть, мол, наш мир — первый из известных миров материи.

Шаман вспомнил об этом и скривился, как от боли. Гобхаты о таких сложных понятиях никогда не задумывались, но о достаточном количестве «материи» всегда заботились. Кушать-то что-то надо. Поэтому, как только куча переставала быть эффективным источником продовольствия и развлечений, царь собирал племена, и все дружной толпой мигрировали к другой большой мусорке. Отбросов в округе — наследия прочих разумных рас — всегда хватало. Если удавалось найти эльфийскую свалку бытовых отходов, устраивали праздник, ведь в такой куче зачастую попадаются не просто редкие, а уникальные для гоблинов предметы. Деликатесов подобное месторождение тоже дает в избытке.

Впрочем, не мусором единым жив средний представитель подлого или трусливого народца, как презрительно именуют длиннолапых прочие разумные расы. Набеги, периодически совершаемые на соседей, приносили немалый доход. Также отряды вольных гоблинов устраивали засады на неосторожных путников, рискнувших путешествовать по Большому тракту без должной охраны.

Возле самого рынка к мусорным миазмам начала примешиваться ни с чем не сравнимая смесь из свежего навоза, пота и страданий.

Здесь можно купить что угодно от стеклянных бус до скота и невольников. Рабами обычно выступают обедневшие или провинившиеся гоблины. Прочих пленников держат только ради выкупа, а некоторые диковинные экземпляры даже выставляют на потеху толпе.

Мальчишки, как и гоблины мужского пола постарше, с удовольствием корчат беспомощным существам в клетках рожу, бросают в них объедками и всячески оскорбляют. Самки охают и ахают, глядя на срамоту и не забывая прикрывать глаза любопытным дочерям.

Всегда можно прикупить также яка, корову, вола и прочую скотину. Особенно ценятся козы и овцы за свой потрясающий запах и вкус сыра, который делается из их молока. Правда, редкое домашнее животное выживает у владельца-гоблина больше месяца.

Гобхаты умеют обрабатывать землю, но делают это скверно и неохотно. Еду предпочитают добывать в набегах, поэтому запасы провианта в основном зависят от удачи. Голодных ртов много, и, когда счастье обходит добытчиков стороной, в пищу идет все, что можно съесть.

В настоящий момент племена обитали в районе стоянки орков-скотоводов. С этим племенем зеленокожих завязались тесные торговые отношения, вылившиеся в весьма выгодное предприятие — торговлю живым товаром. Гоблинов и прочих рабов охотно покупали и продавали. Сами орки чурались физического труда, предпочитая захватывать или покупать прислугу, чтобы та работала за них. Кроме того, на рынке хватало и вполне обычного скота.

— Бык, мне нужен упитанный жирный бык, — пробормотал Гарб, удостоив кивком головы охрану на входе.

Шаман долго бродил между рядами выставленных животных пока не наткнулся на недотепистого орка, нервно крутящего в лапах большой боевой топор-лабрис и веревку, которой был привязан за рог довольно невзрачный бычок черной масти с белым треугольным пятном на лбу.

Ловец духов присмотрелся и очень обрадовался. Скотинка оказалась как раз подходящей для голодного духа: молодой и упитанной. Бока просто лоснились от жира. Остальные покупатели не рассмотрели такой самородок за свалывшейся грязной шерстью и бледно-сапфировыми огромными глазами, полными вселенской скорби. За беднягой явно никто не ухаживал. Будь он свиньей, быть бы ему давно окороком и прочими мясными блюдами, а такого быка брать никто не хотел. Кому нужна пухнущая с голоду скотина? Орк с надеждой уставился на остановившегося Гарба.

— Беры бык! — заревел он так, что его товар от неожиданности плюхнулся на землю. — Беры, нидорага дам!

Языки орков и гоблиноидов относятся к разным языковым семьям, поэтому между собой они обычно общаются на всеобщем языке, по легенде некогда дарованном смертным богами. Гарб, в совершенстве владеющий несколькими наречиями и диалектами, поморщился от такого сильного акцента зеленокожего продавца. «Чудище необразованное», — с легкой брезгливой усмешкой подумал гоблин. Вслух он, разумеется, презрения выказывать не стал.

— Недорого, говоришь? — прищурил глаз шаман. — И сколько же ты хочешь за этот бесполезный кусок сала?

— Пять золотых давай! — гаркнул орк.

— Сколько-сколько? — присвистнул Гарб. — Да за эти деньги я могу купить быка в два раза больше и не такого истощенного.

— Беры за четыры! — уже не так уверенно сказал продавец. — Кароший скидка даю.

— Нет, ну сам посуди! — воскликнул Гарб, воздев лапы к небу. — Зачем мне такой недокормленный бык? Косточки пообгладывать? Мои гости любят полакомиться мясом.

Верзила помрачнел и насупился. Постепенно на его клыкастую физиономию напознала растерянность, смешанная с отчаянием.

— Слушай, радной, сколько дашь за бык? Вазьми бык, кароший! — заскулил он.

— Готов дать один золотой, — сказал Гарб и сделал вид, что готов уйти, если продавец окажется настолько глупым, что не согласится на его щедрое предложение.

Орк с самого утра стоял на рынке и очень хотел есть и пить, а быка оставлять без присмотра было нельзя. Однако жадность не позволяла продавцу отдать товар за такую небольшую сумму — не зря же он отстоял целый день на солнцепеке!

— Не атдам! — орк яростно завращал глазами и, перехватив топор поудобнее, сделал несколько выпадов для демонстрации решимости.

Один из взмахов оказался столь неудачным, что топор с жутким свистом отсек бычку ухо. Обезушенное животное страшно заорало и бросилось наутек, потащив за собой растерянного орка, который не догадался или не захотел выпустить веревку из рук.

Гарб грустно посмотрел на быстро удаляющееся облако пыли, вздохнул и побрел дальше. У него с собой имелось ровно три золотых, а быков, как назло, предлагали не дешевле пяти. Сторговаться удавалось до четырех, а потом все продавцы упирались и больше не уступали ни медяка. Гарб шел и думал, что толку от почти бесконечной магической энергии никакого, раз в кошель от этого не становится тяжелее.

Когда шаман вконец отчаялся, его кто-то похлопал сзади по плечу. Обернувшись, он увидел знакомую некогда зеленую морду орка — теперь серую от пыли с пятнами запекшейся крови. Самым важным было лишь то, что ручищи недотепы надежно сжимали веревку с быком. Животное затравленно смотрело в землю и головы не поднимало. Орк довольно ухмылялся и явно горел желанием продолжить торг.

— Беры бык, для тебя ловил!

— Сколько? — буднично, не показывая радости, спросил Гарб.

— За три дам!

— За два возьму!

— За два беры, но без башка. Тупой башка с собой понесу.

Гарб струхнул, что орк и правда преждевременно снесет голову быку, которому еще надо своим ходом дойти до жертвенника.

— Ладно, договорились! Моя окончательная цена два золотых и одна серебряная.

— Эх, я хотеть башка, ну ладно. Башка стоит серебро. Беры! — согласился зеленокожий.

Курс серебра к золоту на Лумее не постоянная величина. Жадные дворфы, добывающие металл и занимающиеся чеканкой, часто пересматривают соотношение, но в среднем за один золотой дают от пяти до двенадцати серебряных монет. Сделка начала становиться выгодной.

Гарб радостно отсчитал орку два золотых, после чего возникла заминка с поиском разменной монеты, потому что сдачи у продавца не нашлось. Как назло, курс у менял оказался на редкость невыгодным. Даже недалекий орк согласился, что разменивать один золотой на четыре серебряных монеты глупо.

После часа безуспешных поисков зеленорожий верзила стал настойчиво предлагать купить у него еще что-нибудь — топор или волшебную торбу. За топор, конечно, можно было бы выложить несколько серебряных монеток, но боевая секира весила столько, что у Гарба вряд ли хватило бы силенок поднять ее даже обеими лапами. К тому же ржавчина местами насквозь проела металл, что оставляло сомнение в его боевой пригодности.

С торбой дело обстояло иначе: шаман решительно не понимал, как обычная котомка может стоить столько денег. Гарб исследовал мешок на предмет наличия в нем хотя бы следов зачарованности, но ничего не обнаружил. Однако орк настаивал на своей цене, а

сделка грозила сорваться.

— Хорошо, Шамбалын тебя заведи! Продай мне быка и мешок за три золотых.

Продавец криво усмехнулся при упоминании орочьего рая. В Шамбалын попадают лишь павшие в бою орки. На этом сходство с дворфийским царством бесконечных самоцветов заканчивается, потому что ни веселых попоек, ни пышногрудых валькирий зеленокожим их бог никогда и не обещал. Впрочем, незавидная участь тех, кого не взяли даже в царство Одноглазого, заставляла орков во что бы то ни стало умирать с оружием в руках.

Скрепя сердце, Гарб отдал орку всю сумму, забрал веревку, торбу и потащил быка за собой. Продавец же, довольно рыча какую-то боевую песнь, направился к ближайшему заведению, в котором можно наполнить желудок всякой гадостью за свои же монеты.

Новые миры были очень разными. Со временем каждый из старших богов изменился под влиянием того места, в которое его поместил Создатель. Оставшиеся дети Део мудро покорились воле отца и не особо горевали по поводу утраты родного мира, ведь теперь каждый из них был сам себе властелином. И принялись они плодиться и размножаться. Так появились средние боги.

Покупка покорно плелась за новым хозяином и не выказывала беспокойства по поводу места назначения. Можно было даже подумать, будто бык обрадовался, что его забрали и уводят подальше от живодера с топором. Прогулка жертвенного животного через всю деревню по пыльной тропинке, гордо именуемой центральной улицей, вызвала нездоровый интерес односельчан.

В последнее время провианта в деревне водилось немного. В одиночку шаман столько съесть никак не мог, поэтому соседи не на шутку взволновались.

— В кои-то веки решил угостить всех по-царски! — раздавался то тут, то там радостный шепоток. — Ай да Мусор!

— Вот молодчина, не иначе разбогател! Наш парень! — слышалось в ответ.

К исходу дня перед домом Гарба собралось все взрослое мужское население — двадцать восемь морд. Гобхаты выжидающе толпились за оградой дома. Они разочарованно водили носами, тщетно пытаясь учуять запах жаркого. Его не было. Значит, еще придется тратить время, разделявая тушу, а солнце уже почти село.

Входить без приглашения никто не рисковал. На ограде висели черепа разных животных. Это должно было предупредить об опасности вторжения и придавало жилищу шамана достаточно зловещий вид, чтобы предостережение работало.

— Может, сам позовет? — потирая урчащий живот спросил один из гоблинов.

— Может, — неуверенно буркнул второй, старательно вглядываясь в плотно занавешенные окна дома.

Ничего не подозревающий шаман мирно дрых без задних ног, утомившись от длительного хождения по рынку. Бычок с радостью бы делал то же самое, но его сутки не кормили, а Гарб в своем дворе, как назло, магией выкорчевал даже намеки на зелень. Апатичный настрой рогатого от голода сменился беспокойством. Он стал тревожно перебирать копытами и мотать головой. Наконец одноухий не выдержал и призывно замычал, подсказывая новому хозяину, что не мешало бы подкрепиться. К тому же мнению склонялись все длиннопалые по ту сторону ограды.

Исключительную готовность вкусно поужинать всем своим видом демонстрировал деревенский вожак — необычайно рослый для гоблина детина высотой пяти с половиной футов от пяток до макушки. Услышав мычание быка, он потерял терпение и решительно шагнул во двор. За ним несмело последовали все остальные. Незамедлительно сработали волшебные ловушки, которые всякий предусмотрительный работник магического труда оставляет заряженными на время собственного сна, чтобы незваные визитеры не застали его врасплох.

Вожак взвыл нечеловеческим[1] голосом, когда его огрело по голове невидимой дубиной, а потом подвесило в воздухе вверх кармашками. Та же участь в разных вариациях

ожидала еще троих односельчан Гарба, успевших войти в охраняемую зону. Остальные тут же дали деру на предельных скоростях. В первые секунды они могли бы потягаться с породистыми воргам — дикими полуразумными волками, которых гоблины часто используют в качестве скакунов во время боевых действий.

Проснувшийся от шума Гарб вышел на крыльцо, вдоволь похихикав, щелкнул пальцами и отпустил незадачливых нарушителей своего спокойствия. Обычно бледно-розовая кожа вожака побелела от переполнявших его чувств. Не лучше выглядели и остальные.

— Что это значит? — со злобой в голосе поинтересовался глава племени.

— Это значит, что вы вторглись на мою территорию без разрешения, — спокойно ответил шаман. Уровень вашего везения зашкаливает. Переместись вы на пару шагов дальше, и вы приобрели бы снаружи цвет жаркого от огненного заклинания.

— Ну все, брат, ты нарвался. С тебя теперь точно причитается угощение.

Гарб рассмеялся в ответ:

— Вы про это полорогое парнокопытное животное? То-то я думаю, что вас сюда обычно невозможно заманить, а тут вы собрались в избыточном количестве. Эта туша не для вас. Это подношение для духов.

— Кого ты хочешь обмануть? — с вызовом в голосе крикнул из-за спины вождя седовласый гоблин лет сорока на вид. — Духам не приносят в жертву ничего крупнее кур!

— Да, — поддержал его вожак. — Что-то ты темнишь, брат!

— Слушайте меня внимательно! — рассердился Гарб. — То, что ты мой брат и главный в деревне, еще не дает тебе права чего-то от меня требовать. Остальные вообще никто. Еще раз тут увижу без важного дела — применю суровое наказание. А сейчас пошли прочь!

Для пущего эффекта ловец духов нашарил в полумраке сеней шаманский посох и потряс им перед скривившимися мордами. Посетителей как ветром сдуло. Хотя, убегая, братец крикнул что-то обидное и добавил, что Гарб еще пожалеет. Как обычно не придав значения его словам, шаман подошел к быку и сочувственно посмотрел на него. Бычок, завидев внимание к своей особе, радостно мыкнул, требуя корма.

— Ну что, пострадавший от орочьего произвола, пошли.

Гоблин вывел беднягу за ограду и стал ждать, пока тот пощиплет травы и утолит голод. Жертве голодать не следовало, ведь Бурбалка просил именно жирного быка. Конечно, вряд ли бы животное отошало до утра. Только Гарб не был опытным скотоводом, так как обычно имел дело только с жертвенной птицей, и рисковать не имел никакого желания. Сторожить бычка пришлось до темноты. За время ожидания шаман успел с пользой провести время: перезарядил ловушки и провел пару магических обрядов. Уже стало смеркаться и на небе возшла полная луна, когда насытившийся бык решительно направился обратно во двор.

— Э, нет! Нам с тобой не сюда! — воскликнул шаман, когда животное попыталось прилечь прямо возле ограды.

Бык повернул голову и — Гарб был готов в этом поклясться — посмотрел на него разумными глазами, в которых застыло вопросительное выражение. Гоблин опрометью бросился в дом. Идеальное время для жертвоприношения приходится на полночь, и шаман не хотел упустить возможность. Он похватал шаманские причиндалы, затолкал их в недавно приобретенную торбу и повел быка к жертвеннику. Бычара с трудом протиснулся в узкий для него проход, ведущий к алтарю. Подталкивающий его Гарб утер струящийся по морде пот и перевел дух. Еще предстояло многое сделать, а до полуночи времени оставалось всего ничего.

Сложно ли опытному гоблинскому шаману принести в жертву быка крупных размеров? Достаточно, если вспомнить, что рост первого не превышает четырех с половиной футов, а высота второй в холке навскидку составляет почти шесть.

— Чтоб тебя, — буркнул Гарб, почесав затылок.

Он решил сначала приготовить все для жаровни, а уже потом думать, как зарезать подношение духам. Пошарив лапой в торбе, гоблин сделал удивленные глаза. Они еще больше округлились, когда увидели, что внутри сумки ничего нет. Маска, тамбурин, ароматические травы, запачканный запекшейся кровью старый шаманский балахон — все исчезло. Пять минут назад вещи были на месте, а теперь в недрах сумки царила пустота.

Дырявой торба не выглядела, поэтому выпасть из нее ничего не могло. Гарб зажмурился, ущипнул себя, взвизгнул от боли и еще раз заглянул внутрь — отвратительно пусто.

— Требуется чар! — пробормотал шаман, все еще не веря своим глазам.

Подскочив, будто его ужалила песчаная гадюка, Гарб побежал в дом за посохом. Прибегать к помощи чаров, как коротко называют зачарованные магические предметы, — нормальная практика для колдунов, не до конца доверяющих внутреннему зрению. Этот посох зачаровывали куда более опытные мастера, и шаман не стеснялся им пользоваться в сложных случаях. Однако сейчас даже волшебный предмет не помог выявить в торбе или возле нее следы магии.

— Появись! — скомандовал гоблин сумке.

Эффекта это не возымело, как, впрочем, и команды «отдай!», «верни, пожалуйста!», «эй!», «дрянь!», «скотина!» и другие, менее цензурные. От безысходности и волнения Гарб вошел в транс без всяких приспособлений. Мир духов поприветствовал шамана обычным пронизывающим холодом. Если раньше от стужи спасала жаровня, то теперь никакого источника тепла поблизости не было. Удивленный гоблин огляделся. Пустынный пейзаж, отдаленно напоминающий окрестности дома Гарба, по-прежнему не радовал глаз. Вокруг ни души. Если не считать, конечно, величественного минотавра, появившегося на месте жертвенного животного.

Гигант стоял, опираясь на боевой топор, а на его морде застыло пресловутое презрительное выражение, всегда возникающее у минотавров при виде незнакомого представителя другой расы. У великана отсутствовало одно ухо, а секира подозрительно напоминала ту, которую орк настойчиво пытался всучить Гарбу. Мышцы под коричневой кожей рогатого бугристо перекачивались, внушая мысль о бесполезности сопротивления.

— Ну, колись, портовая крыса, за каким морским чертом ты меня сюда притащил, — молвила громадина.

Жесткое, даже грубое произношение сонорных согласных звуков всеобщего языка выдавало, что родным для говорящего является кутарский — язык минотавров. Но молодому шаману вдруг стало не до подобных языковедческих тонкостей.

От страха у Гарба душа ушла куда-то пониже спины. Он мягко осел на землю, колотясь словно припадочный. Зубы сами собой принялись отбивать походный марш одного легендарного клана дворфов. Те бородатые коротышки научились делать до ста сорока шагов в минуту во время дневных переходов, так что челюсть гоблина шелкала довольно интенсивно.

— Я помогу тебе, козьявка, — сказал минотавр, увидев, что толку от трясущегося шамана не добиться. — Ты меня привел сюда, чтобы скормить какому-нибудь прожорливому

гоблинскому демону. Я считаю, что это будет не совсем правильно. Ты со мной согласен, малек несмышленный?

Гарб сейчас был готов согласиться на что угодно, поэтому робко кивнул.

— Это уже радует, — доверительным тоном сообщил минотавр. — Обожаю, когда со мной соглашаются по доброй воле и без пыток. Уясни себе: я, вообще-то, против, когда меня, прославленного капитана королевских кровей, вот так запросто пытаются зарезать, как обычного барана. Усек, кальмарий корм?

Шаман активно закивал. В этот момент пространство сбоку от полорогой особи королевских кровей слегка сгустилось, чтобы через секунду рассеяться в виде уже знакомого беспокойного и очень голодного духа.

— Вот те раз! Каввель Исс-Брестон! Какими судьбами в этом захолустье?

— Что здесь делает эта тварь? — игнорируя духа, спросил минотавр у гоблина.

— Ну, он... то есть, Бурбалка... Это самое... Пришел и... — замялся Гарб.

— Ты что, собирался принести меня в жертву ему? — ужаснулся минотавр.

— Ты что, собрался принести мне в жертву его? — почти в тон минотавру отозвался Бурбалка.

Гарб сообразил, что терять уже нечего, потому что он влип по уши. В таких случаях у гоблинов принято либо убегать, либо драться до последнего.

— Ты просил быка, я и купил быка! — на остатках храбрости пискнул шаман, выбрав второй вариант.

— Опять хотел съесть быка? — недобрым тоном уточнил минотавр у духа.

— Ты ж знаешь, мне постоянно не хватает хавчика. Олифантов в этих краях не водится, вот я и заказал, че покрупнее, — дух явно оправдывался, и Гарб подумал, что шанс на спасение еще есть.

— Проклятье! Если бы я не был скован некоторыми условностями, кое-кто уже не досчитался бы черепа, — заявил Каввель. — А кое-кто другой почувствовал бы себя очень неудобно. — Минотавр недобро посмотрел на духа, но гoblin тоже на всякий случай вжал голову в плечи.

— Да ладно тебе! Хорош дуться! — примирительно заговорил Бурбалка. — Нам сейчас все равно нечего делить, так зачем ругаться? Заморочку разрушили, резать твою тушку никто не будет, шаман найдет мне другую скотинку помельче...

Каввель еще раз скорчил мину, полную презрения.

— Ты считаешь, что я могу простить тебе желание съесть одного из священных животных моего народа, не говоря уже о прошлых обидах? — строго спросил он.

— Ну да! — без тени смущения отозвался дух. — Ты же типа благородный тауросу, а я типа прошу прощения.

Гарб откуда-то вспомнил, что минотавры называют себя этим словом, и почему-то еще больше испугался.

— Быть может, — с сомнением в голосе ответил рогатый гигант. — Хотя вас обоих стоило бы протащить под килем, чтоб неповадно было. С тобой, дух, я поговорю отдельно, а ты...

Тут уже Гарб бухнулся на колени и стал умолять не убивать его. Бурбалка взирал на эту сцену с интересом, а Каввель с открытым презрением.

— Вставай, кальмарья печенка! Я не трону тебя, потому что ты принесешь мне освобождение. Это и будет твоим наказанием, ведь дело предстоит непростое.

Перепуганный гоблин всегда готов убежать, спрятаться или подчиниться. Шаманы не являются исключением из общего правила, поэтому Гарб тут же поклялся, что сделает все возможное, чтобы помочь.

— Чем такой недостойный гоблин, как я, может быть полезен господину Исс-Брестону? — спросил он, ползая по холодной траве Шеола.

— Выслушай сперва мою историю, юнга, потому что простым приказом тут не обойдешься.

[1] Ничего удивительного (прим. авт.)

Средние — дети старших — уже не ведали про дела давно минувшие и стали осваивать новые миры. Они нашли дороги к соседям и принялись навещать друг друга. Так появились младшие боги.

Рассказ гиганта длился недолго, зато отличался красочностью. Сопровождался он бурной жестикуляцией и сочными морскими ругательствами.

Брестонские минотавры обитают на острове Мирас, что лежит в южных пределах Лунного моря. Сам же Каввель оказался прямым наследником королевства, подданные которого — первоклассные мореходы и бойцы. Не удивительно, что все море считается вотчиной их быстроходных кораблей.

— Когда-то на Мирасе мне не было равных, — с печальным вздохом сказал Каввель, пытаясь нащупать отсутствующее ухо свободной рукой. — Мой флот пару лет наводил ужас на соседей, и я готовился возглавить королевство Брестон. Так бы и случилось. Только на одном из взятых на abordаж кораблей я встретил прекрасную Могару. Приятные изгибы ее рогов и нежные мускулистые руки взбудоражили мою кровь. Тогда я и нарушил морской кодекс.

— Не поделился? — бестактно хмыкнул Бурбалка.

— Хуже, — повторно вздохнул минотавр. — Я ничего не мог с собой поделаться. Это было каким-то наваждением. Беда в том, что Могара из королевства Фарукон, с которым мы, брестонцы, крепко не ладим. Я должен был ее бросить за борт, а вместо этого потащил в каюту. Мой старший помощник и брат... Аином его звали. У него всегда кодексы стояли на первом месте. Он и помощником со мной пошел, чтобы я чего не нарушил. Вот он и пришел мне мешать и от имени экипажа объявил, что не потерпит нарушения. Это бунт. Я разъярился и схватился за Минари.

— Че? — недоуменно переспросил Бурбалка.

— Гром-секира по-нашему, — ответил Каввель. — Так я зову этот чудный топорик. На стороне Аина был кодекс, и команда его поддержала. Меня же ослепили страсть и гнев. В тот злополучный день Минари отведала крови брата. Больше никто не рискнул мне перечить. Никто, кроме Могары.

Минотавр задумался, заново мыслями окунаясь в те события.

— Она оказалось дочкой самого Му-Кирина, нашего бога справедливости. Кто бы мог подумать?! — произнес тауросу и задумчиво добавил. — До сих пор не пойму, приемной или родной? Кто этих богов знает. Я успел только дотронуться до ее волос, и Могара воззвала к отцу.

— А дальше? — заинтересованно спросил Гарб.

Страх, хоть и неохотно, уступил место любопытству, и гоблин преобразился. К тому же убивать его, похоже, не собирались. Это вселяло надежду.

— Му-Кирин откликнулся и перенес мой флагман в свое царство. Ну, мне показалось, что это его царство. Там он вершил надо мной суд. Я стал обычным неразумным быком, и мой дух теперь обречен плыть за телом в Шеоле до самой моей смерти. Матросов он оправдал, а меня отправил сюда на материк в какие-то пустоши. Тут куча орков и прочих дикарей. До сих пор не возьму в толк, как выжил.

— Складно чешешь, — прокомментировал Бурбалка своим замогильным голосом. — Это же не конец байки?

— Не байки, а истории моего падения, — отрезал минотавр, а потом усмехнулся. — Счастье пришло, откуда не ждали. Надо мной сжалился Великий Двурогий — бог воинов и отваги Торгарон. Он сказал, что когда-то сам поплатился за схожий проступок и тайком от Му-Кирина дал мне возможность возвращать себе истинный облик на три ночи в месяц, когда полная луна всходит на небосклоне. Еще он открыл мне, что я обречен прожить неразумную жизнь. Но если сумею найти покровителя, который сжалится надо мной, спасет и совершит ради меня три подвига, то ко мне на год вернется прежний облик. Если же я за этот год помогу своему благодетелю исполнить предназначенное тому богами, то в награду получу свое тело назад в целостности и неизменности на веки вечные.

Тауросу закончил рассказ и исподлобья посмотрел на слушателей, ожидая какой-то реакции.

— Во дела! — нарушил тишину Бурбалка, когда минотавр умолк. — Вот что бабы-то с людьми делают!

— Молчи, презренный! — грустно ответил Каввель. — Она того стоила!

— Отличная все-таки компашка подбирается, — пробормотал дух, проигнорировав замечание пирата. — Надо нашу группу отщепенцев как-то назвать. Банда? Не, это уж слишком... Скитальцы? Как-то пафосно. А может, мы так и будем зваться компаньонами?

— Компания — компаньоны, — повел уцелевшим ухом минотавр, отгоняя фантомное насекомое. — В самый раз для сухопутных крыс. Команда была бы лучше, но это для морей.

— Решено, — обрадовался призрак. — Приветствую вас, компаньоны! Каввель — ты будешь мускулами, я головой...

Гарба возмутило, что эти двое что-то решают за него.

— Простите, что прерываю, но что должен делать в компании я? — осторожно обозначил гоблин свое присутствие.

— Якорь мне в глотку, разве не ясно? Я думал, гоблины поумнее орков будут... Нужно спасти меня и совершить для этого три подвига.

— Мы, гоблины, народ трусливый и жалкий. Я и на один-то единственный подвиг при всем моем желании не способен. Даже чисто теоретически.

— Надо себя пересилить! — угрожающим тоном заявил Каввель, нависая над вновь перепуганным шаманом.

Бурбалка увидел побледневшего гоблина и решил спасти положение.

— Ну вот, опять ты хочешь все испортить, — вмешался призрак. — Давайте так: я вдохновлю этого недоростка на подвиг-другой и дальше буду помогать советами, ты вернешь этот свой истинный облик и поможешь ему исполнить, че там предназначено, а я все это время буду сыт и доволен жиз... э-э-э, существованием. За ваш счет, ясен свет.

— Меня это устраивает! — гордо объявил минотавр.

— А меня... — заикнулся шаман.

— А тебя никто не спрашивает! — разом отреагировали оба собеседника на попытку гоблина высказаться.

— Значится, план такой. Сначала вы найдите мне че похавать, а то тут в мире духов нужна уйма Дэ, чтобы не раствориться, — начал Бурбалка.

— Потом мне понадобится моя Минари! — проревел минотавр.

Как оказалось, то, что он держал в руках в шеольном мире, было всего лишь проекцией. Настоящий топор остался у орка, который сейчас мог быть уже на полпути куда угодно.

— Ну да, без секир-башка будет тяжело, — подтвердил дух. — Но это потом. Вам свои мягкие части щас спасать надо. Пока мы тут совет держим и тройственный союз заключаем, дом окружают мордвороты местного царька. Чемпионами их зовут, да? У них приказ доставить пред светлы очи самодержца живого или дохлого шамана, проживающего в этом доме. Говорят, лучше дохлого. Линяйте-ка вы оба от этого шухера подальше, пока вас тут не замочили.

Гарб против бегства ничего не имел. Возражения возникли со стороны минотавра. Он отказывался «позорно» бежать от противника и пожелал размять кости — в основном чужие — после месячного нахождения в теле быка. Тогда и шаман вдруг вспомнил, что вокруг дома полно ловушек, и атакующих ждет неприятный сюрприз.

— Вам виднее, — сказал Бурбалка, — но я предупреждал.

— Лучше скажи мне, дух, с чего бы это вдруг царю захотелось меня увидеть? — спросил шаман.

— Бурбалкой меня звать, напоминаю, — хмыкнул призрак. — Помнишь беспредельщиков, которых ты так здоровски подвесил в воздухе?

— Допустим, — осторожно ответил Гарб.

— Так один из них был папашкой той самой девчушки, из-за которой сыр-бор, а вторым ее брательник. Пока ты дрых, они вернулись домой злющие. И тут соплячке как раз стукнуло в головушку признаться, что не было никакого проклятья, а просто она жить без тебя не может. Ей товарный вид портить не стали, а вот на тебя царьку стукнули и выкуп за невесту сразу приняли. Жрать-то охота, а ты их не покормил и обидел еще. Теперь, если не хочешь, чтобы тебя пытали пару дней перед тем, как пустить на котлеты, я бы советовал делать отсюда ноги.

Гарб протяжно застонал, чувствуя, что жизнь больше никогда не будет прежней, если даже получится ее сохранить.

— Я не могу вот так все бросить! У меня даже мои ритуальные принадлежности пропали! — запричитал гоблин.

— Ой, ты про ту требуху, которая попала в мою бездонную торбу? — неожиданно вмешался Каввель. — Я все выбросил к морскому дьяволу.

— Бевакуф раам ка бета! — в ярости заорал на человекобыка Гарб, презрев обычную гоблинскую трусливость.

— А ты все-таки храбрый малыш! — раскатисто хохотнул минотавр. — Пошутил я. Потом отдам. Тебе пока этот хлам все равно не нужен.

— Ну-ка бегом обратно в свои тела! — голос Бурбалки звучал взволнованно, утратив свою обычную напускную веселость. — Они уже из всех щелей лезут! Потом встретимся, когда сможете. И не забудьте про хавчик!

Выйдя из транса, Гарб обнаружил возле жертвенника настоящего живого минотавра. Тот упражнялся, разминая мышцы, делал ложные выпады рогами, уклонялся и контратаковал невидимого противника. Короткий хвост с пушистой черной кисточкой на конце потешно болтался сзади, заставив гоблина на секунду улыбнуться.

Минотавра, похоже, не смущало отсутствие на нем одежды. Гарба тоже, зато ему стало интересно, все представители вида Каввеля так разгуливают или только брестонские

тауросу. Раздумывать над этим любопытным вопросом долго не пришлось. Снаружи раздались крики, возвестившие, что чемпионы пошли на штурм.

Через пару секунд сработали первые ловушки — вопли переросли в панические, но голос командира ревом перекрыл их все. Избежавшие действия подвешивающих заклинаний вжали головы в плечи, бросили товарищей и продолжили наступление. Гарб извлек из ножен свою шпагу, а минотавр низко наклонил рогатую голову и стукнул правым копытом об землю.

Между тем криков стало больше: через пару секунд сработали огненные мины, обдав волной пламени шеренги атакующих. Не готовые к такому повороту событий, те, кто еще был в состоянии передвигаться, ретировались за ограду, хотя от заветной цели их больше ничего не отделяло.

— Эти мальки позорные что-то задумали, — сообщил Каввель и оказался прав.

Минут через пять осажденные почувствовали запах дыма — это чемпионы решили больше не рисковать своим здоровьем и подожгли соломенную крышу, закидывая на нее из-за ограды зажженные факелы.

— Прорываемся с боем! — крикнул минотавр. — Прикрой меня!

С этими словами он заревел и бросился напролом через ряды ошеломленных царских телохранителей. Их предупреждали о коварстве и силе шамана, но к атаке существа значительно крупнее себя они не готовились.

Бушующий ураган рогов и копыт разметал по сторонам всех, кто оказывал сопротивление, и скрылся в лесу. Чемпионы еще не успели прийти в себя, как из горящего дома выбежал искомый шаман. По пути он полоснул клинком по подвешенным в воздухе беспомощным телам врагов, обезопасив тыл. Не насмерть, но так, чтобы не смогли сражаться. Сила ловушек вот-вот должна была иссякнуть, и нападение сзади пришлось бы нехстати.

— Жаль, что руны на шпаге помогают только против больших противников, — подумал Гарб, прежде чем разбросанные рогами Каввеля чемпионы развернулись к нему и выхватили кривые сабли.

В среднем телохранители царя уступали шаману в росте с полголовой, но зато носили прочные доспехи и были куда шире в плечах. Гарб всегда гордился прозвищем «долговязый», а теперь высокий рост грозил обернуться неприятностями.

Ловец выбросил вперед лапу с амулетом, пробормотал заклинание, и двоих бойцов из первой шеренги повалило на землю. Сегодня им уже не было суждено подняться: выпущенный дух вытянул в шеольном мире все жизненные силы из незадачливых головорезов. Остальные, видя перед собой одинокого врага, просто перешагнули через упавших и с улюлюканьем бросились в атаку очертя голову. Непростительная ошибка: минотавр редко уходит с поля боя, пока остаются враги, способные самостоятельно передвигаться.

Каввель налетел на них сзади и сразу насадил на каждый рог по гоблину. Затем он принялся расшвыривать противников направо и налево, упиваясь битвой.

Чемпионы обычно выше и крепче своих сородичей. Ежегодные кровавые турниры за право стать царским телохранителем выявляют около десятка достойных бойцов. Только даже самые плечистые из них значительно уступали семифутовому Каввелю в габаритах. Однако гобхаты в бою никогда не полагаются исключительно на силу и мастерство. Почетное первое место в арсенале чемпионов во все времена занимала тактика «бери

числом, а не умением».

Вот и теперь, придя в себя от первого потрясения и осознав, что противников всего двое, они оравой набросились на минотавра со всех сторон и облепили его, как мухи банку с вареньем. Гарба оттеснили от основной схватки три чемпиона. Они выкрикивали оскорбления, не забывая при этом активно махать саблями. Шаман, израсходовавший все амулеты, перешел на фехтование. Будь в запасе хотя бы секунд двадцать, он бы уложил всех заклинаниями, но времени ему никто давать не собирался. Колдовать на ходу не хотелось. Если заклинание сплести неправильно, можно пострадать самому.

Сразу с тремя опытными противниками Гарбу еще не приходилось сражаться. Но этой троице не повезло: шамана обучал мастерству клинка один из самых известных фехтовальщиков древности — дух, которого ловец подкармливал особенно часто и качественно.

Гарб ловко отражал сыплющийся на него град ударов и даже иногда успевал пощекотать врагов кончиком шпаги. В какой-то момент он краем глаза заметил, что у неудавшейся жертвы ритуального ножа дела идут гораздо хуже.

Будь у минотавра в руках лабрис, уши чемпионов уже украшали бы шею гиганта, а так перевес оказался не на его стороне. До поры до времени пирату удавалось спасти горло и живот от настойчивых попыток противников засунуть туда что-нибудь острое, но чувствовалось, что долго он так не протянет.

— Пора худеть! — подумал Каввель, натужно пыхтя и пытаясь скинуть с себя цепкие лапы ловкой мелюзги.

— Поубиваю, — раздался дикий крик где-то неподалеку.

Каввель его не понял, потому что крик прозвучал на гоблинском языке, но узнал голос мелкого шамана. Врагов разбил внезапный паралич, и они, как спелые яблоки от яблони, стали отваливаться от рук тауросу. Пират повернул голову и увидел довольного Гарба, которому впервые в жизни удалось массовое парализующее заклятие направленного действия, да еще сплетенное безупречно в такой спешке. Всего-то потребовалось, чтобы все посмотрели на заклинателя. Гоблин был чертовски доволен собой.

— Отчаливаем, пока я снова не стал быком! — проревел минотавр.

Шаман согласился, и странная парочка понеслась прочь от места недавнего побоища.

Когда к главарю чемпионов вернулось сознание и ему доложили о потерях, из его глаз потекли слезы. Только шестеро из двадцати еще как-то могли считаться годными к строевой службе. У остальных чего-то не хватало — лап, ног, а то и голов... Придя в себя окончательно, командир решительно поинтересовался у выживших, готовы ли они вернуться к царю и понести заслуженное наказание за провал. На дружное «нет», он ответил «вот и славно». Всемером они добились менее удачливых сослуживцев, очистили карманы трупов от лишних пожитков и денег, разграбили жилище шамана, сожгли его дотла и припустили в сторону Большого тракта в поисках лучшей доли.

Увидели это старшие боги и поняли, что если так дальше пойдет, то станет богов превеликое множество. Устрашились они, что не смогут удержать в подчинении всех своих потомков, и взмолились к Део. И пожелали, чтобы от союза двух богов больше не рождались дети, и внял Део этой просьбе. Тогда младшие боги назло старшим принялись создавать смертных существ по образу и подобию своему, называя их детьми своими. Так появились разумные расы.

Компаньоны бежали еще минут пятнадцать, прежде чем Гарб начал выдыхаться.

— Ты спас мне жизнь, — не снижая темпа заявил Каввель. — Я обычно такого не говорю низшим расам, но... прими мою благодарность, гоблин. Предлагаю тебе свою дружбу!

— Не за что, это было нетрудно, — задыхаясь от бешеной гонки по пересеченной местности вежливо ответил шаман. — За дружбу благодарствую, но лучше верни маску и остальное, пока можешь.

— Да, уже можно остановиться, — сказал минотавр, резко тормозя.

Гоблин пролетел еще несколько шагов и тоже остановился. Пока он оборачивался, Каввель успел извлечь из торбы все, что туда положил шаман, и кое-что еще. На земле оказался недурной завтрак, несколько монет разного достоинства и происхождения, связка превосходных метательных ножей, кожаные доспехи размера «богатырь», какое-то орочье тряпье и целая куча мусора.

— Как ты это сделал? — спросил Гарб. — Я проверял торбу, она не волшебная!

— Сама по себе нет, лопни моя селезенка! — усмехнулся Каввель. — А вот нутро у нее волшебное. Я шепчу заветные слова, и в торбе появляется окно, которое отправляет любой балласт, что туда положишь, на хранение в особый склад. Кладовка эта в потайном месте в другом мире. Если со стороны смотришь, то кажется, что балласт просто пропадает, когда торба закрывается. И никаких тебе следов ворожбы. Очень сподручно, когда нужно с собой перенести много денег или тяжелый груз. Это я у той бестелесной крысы научился, которая кличет себя Бурбалкой.

— А как же достать все обратно?

— Для этого есть слова, которые окно наизнанку выворачивают. Раз — и все здесь, хотя можно, наверное, просто рукой пошарить, но мне обычно боязно. А вот той зеленой харе, которая придумала в торбу весь свой мусор кидать, я что-нибудь оторву при встрече. Заодно за ухо воздам. Тоже мне, выискался умник! Хотя представляю себе эту рожу, когда из котомки в первый раз все пожитки пропали.

— Вот, я хотел спросить. Ты говоришь, что нужно волшебные слова прошептать, чтобы портал начал функционировать. Как же тогда мои вещи пропали сами?

Каввель недоуменно посмотрел на гоблина своими бледно-сапфировыми глазами и наморщил лоб.

— Как, говоришь? Фулки..? А, работать? Штормит иногда торбочку, сама включается. Я же не колдун какой-нибудь, а воин. Поэтому оставлять ее нужно, чтобы окно внутрь всасывало. Если наружу оставить, она все выплюнет со временем.

Для завтрака время еще не подошло, но минотавр прислушался и, не обнаружив погони,

предложил перекусить, пока он не стал быком. От травы воина уже тошнило. Еда была свежая: сочное жаркое, овощи, словно только снятые с грядки, бутылка молодого вина — словом, все, чтобы накормить голодного человекобыка и вызвать легкую тошноту у порядочного гоблина. О вкусах, как известно, не спорят, а о кулинарных пристрастиях тем более. Для гобхата изысканным лакомством стало бы вяленое мясо с легким душиком, овощи с гнильцой и буза с непременно́м слоем благородной голубой плесени.

— Я бы и рад тебе, спаситель мой, какой тухлой селетки предложить, но в торбе свежее всегда остается свежим, — пояснил Каввель, явно цитируя более осведомленного в таких вопросах духа. — Закон пространства без времени.

Гарб не расстроился и, пока тауросу в одиночестве наслаждался едой, с энтузиазмом принялся рыться в мусоре, который минотавр брезгливо отпихнул копытом в сторону. К превеликому удовольствию шамана, там нашлось, чем перекусить.

Когда с едой закончили, компаньоны вернулись к обсуждению планов.

— Минари нужна, — констатировал Каввель, пристально глядя на гоблина.

Шаман мог только догадываться, что творится в голове силача, и опустил взгляд, чтобы не провоцировать. Кто его знает, что там тауросу имел в виду под дружбой. Может статься, что в его понимании Гарбу теперь следовало все время что-то добывать для минотавра.

Гоблин поразмыслил и пообещал разыскать ту самую секиру.

— Пойдем после на юго-восток, там места знакомые. Там безопаснее, — потягиваясь, заявил удовлетворенный ужином и ходом беседы пират.

— Для тебя, может быть, — подумал шаман. — А для маленького гоблина там огромный мир, полный разных опасностей.

Вслух он говорил совсем другое, потому что побаивался перечить грозному рогатому убийце. В итоге решили, что Гарб привяжет быка-оборотня в скрытом от посторонних глаз месте, где его никто не найдет, а сам он не убежит и не помрет с голоду. Затем шаман проникнет на рынок, разузнает, где можно найти орка, унесшего секиру, и, если повезет, купит козла, чтобы покормить союзного призрака. Напоследок условились, что разговаривать будут в шеольном плане, в котором проекция Каввеля находилась всегда независимо от его состояния на Лумее.

С наступлением рассвета минотавр застонал, упал на четвереньки и за полминуты принял облик ходячего жаркого с рогами. Гарб, как и условились, отыскал глухую ложбинку, в которую живое существо крупнее зайца отродясь не забредало, и там надежно привязал своего подопечного.

Чтобы бык не скучал, шаман нарвал травы и сложил ее к ногам скотины. Парнокопытное с удовольствием принялось уплетать подношение, а Гарб понаставил вокруг отпугивающих и защитных ловушек и со спокойной совестью отправился в столицу.

Острым ножом в мозг впивалась мысль, что не мешало бы как-то изменить облик, ведь вездесущим шпионам царя сейчас не составит труда узнать его. Гарб во всех подробностях мог представить свою судьбу в случае провала и вовсе не горел желанием соваться в пасть к воргам. О них он в первую очередь и беспокоился.

Эти дальние родственники обычных волков обладают всеми преимуществами диких зверей, имея при этом почти гоблинский разум, нешуточные размеры и почти полную неуязвимость к магии. Царь всегда держал в столице парочку, чтобы они, свободно разгуливая по городу, по запаху узнавали замаскированных чужаков.

Для соглядатаев Гарб сначала нарядился в то, что Каввель извлек из мешка. Получился типичный гоблинский шаман. Таких в столице пруд пруди. Немного пораскинув мозгами, он решил, что искать будут в первую очередь шамана, прячущего морду, поэтому маску снял, а одежду вывалял в грязи. Затем обмазал грязью и морду с лапами, став совсем обычным, абсолютно неприметным и ничем не выделяющимся из толпы гоблином с именем из трех-четырёх букв. Завершающим штрихом маскировки стали свежие бычьи фекалии, позаимствованные рядом. Их Гарб применил для маскировки своего запаха от чутких носов воргов. Обоняние всех остальных его мало заботило.

Завершив приготовления, гоблин отправился на вылазку в сторону столичного рынка. Чем ближе становилось место назначения, тем больше душа уходила в пятки. В конце концов он остановился в нерешительности.

— А вдруг узнают? — шепнул внутренний голос. — Страшные пытки и бессмысленная смерть в муках. А главное из-за чего? Из-за какой-то девчонки, которую ты даже толком не знал, и минотавра, способного легко тебя раздавить в приступе плохого настроения!

— У меня никогда не было друзей, — вступил гоблин в диалог и неспешно побрел дальше. — Дружба этого огромного воина — вещь стоящая.

Неожиданное предложение Каввеля всколыхнуло в душе противоречивую гамму чувств. С одной стороны, над шаманом довлело происхождение и воспитание в лучших традициях гобхатов: никому не доверяй, нанеси упреждающий удар исподтишка, нападай на слабых и убегай от сильных, отбери, убей, укради. С другой — Гарбу всегда хотелось иметь друзей, с которыми можно поделиться хорошими новостями, не опасаясь завистливой мести. Друзей, которые не донесут на тебя, чтобы получить в награду лишний кусок мяса от царя.

Про такие отношения ему рассказывали духи, и втайне шаман всегда мечтал, что однажды он встретит достаточно наивного гоблина, чтобы сделать его своим другом. Представить, что на такое согласится кто-то еще, у Гарба не получалось. Поэтому возможность дружеских отношений с существом гораздо крупнее, чем он сам, льстила самолюбию маленького ловца духов. Так, терзаемый страхом и неуверенностью, подгоняемый амбициями и мечтами, молодой шаман вплотную приблизился к рынку.

На каждом входе сегодня стояла стража. Постовые не трогали крупных существ, вроде орков или богилей, зато останавливали и обыскивали каждого проходящего гоблина. На глазах Гарба одного парнишку, попытавшегося возмутиться, немедленно изрубили на куски. Потом начальник караула осмотрел труп и отрывисто бросил:

— Не тот.

Шамана подмывало немедленно убежать, а внутренний голос шептал, что маскировка никого не обманет, и его тоже зарубят. Сделав над собой усилие, Гарб зашагал вперед. Он сильнее обычного горбился при ходьбе, чтобы казаться ниже и не выдать себя из-за роста.

— Стой! — скомандовал начальник поста. — Кто таков?

— Хуз меня звать, господин, — низко кланяясь и изменив голос, ответил шаман. — На рынок иду.

Наряд Гарба успешно гармонировал с именем, которым шаман назвался. В переводе на всеобщий — Жалкий. Легкая усмешка тронула морды постовых, но бдительности они не утратили.

— Выворачивай карманы! — приказал старший.

Гарб послушно показал карманы, показав, что в них есть только несколько мелких медных монет. Начальник сгреб лапой половину из них, сунул себе в карман, поморщился от

запаха едва засохшего навоза и сказал:

— Пшел! И чтоб вел себя тихо!

Шаман торопливо собрал оставшиеся монеты, обрадовавшись, что его не стали обыскивать тщательнее. Основной золотой запас, чудом спасенный от жадных лап чемпионов, он спрятал в обуви и частично во рту. Быстро проشمыгнув мимо стражников, уже занятых обиранием следующего бедняги, Гарб прямой наводкой рванул в таверну.

Питейное заведение на весь рынок было одно. Строение конкурентов прошлым летом предали огню, так что как таковой выбор, где справиться об орке, отсутствовал.

На входе у шамана возникли сложности с проверкой клиентов на «вшивость». Вышибала, втянув носом воздух, наотрез отказался пускать вонючего проходимца внутрь. Что бы ни говорили о гоблинах, запах свежего дерьма им тоже неприятен. Серебряная монета, однако, произвела на привратника магическое действие. Он вежливо распахнул дверь и пропустил Гарба внутрь, хотя ворчать не перестал. Из его бормотания шаман уловил, что посетители сами разберутся.

Таверна встретила вошедшего густыми клубами дыма — гоблины, склонные к копированию чужих вредных привычек, переняли обычай курить у пленных гномов. Если сначала дым пускали, чтобы подурачиться, то теперь втянулись и смолили исключительно ради удовольствия. Едкая атмосфера больно защипала Гарбу глаза, так что пришлось зажмуриться и потерпеть. Когда зрение нормализовалось, он увидел, что если орк тут и был, то уже покинул гостеприимное заведение.

Прикинувшись дурачком, шаман направился к стойке, дабы выведать все про зеленокожего. Эльфы бы назвали профессию разливающего напитки гоблина таверньё. Однако эльфийский говор тут не жаловали, и он сам представлялся наливайкой.

Слабоумных гоблины любили, чувствуя свое превосходство над ними, поэтому обижали обычно только словесно. Вот и сейчас наливайка, немного поглумившись над умственно отсталым, рассказал, что заходил вчера такой здоровый зеленомордый с топором. Топор у него отобрали, когда буянить начал, хлебнув лишнего. В итоге ему начистили рожу и вышвырнули вон.

— А чего с топором случилось? — рискнул спросить Гарб, стараясь выразиться как можно проще и копируя манеру общения своих односельчан.

— Тебе он, недотепа, зачем? — подозрительно спросил наливайка. — Ты ж его даже не поднимешь!

— Дык эта, я у него сторговал вчера этот топор, дрова рубить хотел. Сегодня забирать надо, а он вона чего выкинул.

— За сколько сторговались? — уточнил наливайка.

— За золотой.

Работник стойки прыснул в кулак, но сделал вид, что просто закашлялся. Ржавый топор за целый золотой — будет что рассказать друзьям за кружкой бузы.

— За золотой, так и быть, отдам, — важно заявил таверньё, всем своим видом демонстрируя, какой он добросердечный и жалостливый.

— Ой, спасибо, добрый господин! — Гарб обрадованно полез в ботинок за деньгами, едва не совершив смертельную оплошность.

За разговором с интересом следил огромный разбойничьего вида богиль. Эти покрытые серой шерстью мускулистые верзилы достигают шести с половиной футов роста и утверждают, что гоблины им — младшие братья. Так это или нет, проверить сложно. Однако

родной язык этих длинноносых существ имеет несомненное родство с многочисленными гоблинскими наречиями. Ведут же они себя с гоблинами скорее как хозяева, хотя редко осмеливаются наглеть в крупных поселениях «братишек».

Когда шаман нагнулся, бандит молниеносно выхватил шипастую дубину и сделал попытку нанести удар по голове беспечному, но зато обеспеченному гоблину. К счастью последнего, наливайка оказалась куда более бдительным. Бандит еще заносил дубину, а у него в руке уже торчал болт, пущенный из легкого и явно трофейного самострела.

— Охрана! — завопил работник стойки.

На зов вбежал вышибала с улицы, и еще двое выскочили откуда-то из подсобки.

— У нас клиента чуть не убили! Надо наказать.

Охранники уставились на нарушителя спокойствия, прикинули свои шансы против раненого богиля, ухмыльнулись и, обнажив короткие изогнутые мечи, двинулись на него с трех сторон. Громила подобрал упавшую дубину здоровой рукой и попятился к выходу. Вышибалы оттеснили клыкастого подальше от заведения, потом ловко обезоружили, отдубасили, отобрали всю наличность и приказали проваливать и больше не появляться в приличном заведении. Постанывая и изрыгая проклятия, избитый заковылял прочь, поклявшись страшно отомстить.

Тем временем Гарб спокойно извлек монету из тайника, протянул ее наливайке, а тот указал Гарбу на секиру, прислоненную к прилавку. Посмотреть на потеху собрались все посетители таверны. Придурковатый и щуплый на вид недотепа-гоблин за золотой купил боевую секиру, которой даже предыдущий владелец размахивал с трудом. На это стоило поглазеть!

Гарб и правда был не самым большим силачом. Однако же лучшим учеником верховного шамана его называли не просто так: в список умений любого ловца духов входит помимо прочего обращение с травами. Из лесных и болотных травок и корней Гарб варил зелья разного действия. На всякий случай при себе у него всегда имелись склянки с набором снадобий собственного приготовления.

Вот и сейчас шаман откупорил зелье силы и быстро его выпил. Мышцы тут же раздались вширь, нервы успокоились, а в голове прояснилось. Добавлять корень драпежника и экстракт золотого цветка акурции к стандартному рецепту он придумал сам. Поплевав на руки, «простачок» покрепче ухватился за рукоять тяжеленного топора и поднял его высоко над головой. Конечно, не без усилий, но сам факт вызвал бурю восторгов у той малочисленной части аудитории, которая поставила один к десяти, что вонючка сможет каким-то чудом унести топор без посторонней помощи.

Наливайка уважительно посмотрел на героя-крепыша и крикнул, чтобы дорогому гостю расчистили дорогу.

— Не хочешь у меня вышибалой работать? — подмигнул он, но шаман уже спешил к выходу.

Гарб беспрепятственно покинул заведение под бурные аплодисменты. Задержись он чуть дольше, и трезвым ему бы уйти не удалось, а привлекать еще больше внимания не хотелось.

Отойдя подальше от таверны, шаман сунул секиру в торбу. Разумеется, целиком она туда не вошла, но буквально за секунду исчезла в бездонной глотке планарного портала. Избавившись от веса, Гарб облегченно вздохнул, потому что действие зелья вскоре сошло на нет, а тащить такую тяжесть он не согласился бы даже ради дружбы с минотавром.

Бурбалка заявил, что цвет, как и размер, имеют значение. Так что предстояло купить большого козла непременно черной масти. Шаман направился к мясным рядам, где животных продавали на вес.

Еще издали он заметил необычное оживление. Подойдя ближе, Гарб понял, что сделал это совершенно напрасно: между рядами прогуливалась парочка воров, очевидно выбирая себе обед. Вся скотина тревожно орала, чувствуя рядом диких зверей. Продавцы старались заслонить собой товар, не пытаясь, впрочем, хоть как-то разозлить и без того злобных тварей. Сами зверюги, похоже, никого не боялись и вальяжно шли, сверкая угольно-черной шерстью. Неожиданно более крупный ворг остановился как вкопанный и обратился к товарищу:

— Ты это чуешь?

— О да, еще как чую!

Гарб понял, потому что очень хорошо знал их грубоватый гортанный язык. Оба зверя, не сговариваясь, одновременно повернули головы в сторону выставленного на продажу великолепного черного козла. Шаман раздосадовано подумал, что опоздал. Ворги жадно втянули воздух носами, потом менее крупный пристально посмотрел на продавца.

— Скор-р-ко? — спросил он на всеобщем языке, заменяя неудобные для своей глотки звуки рычанием.

У гоблина отнялся язык от ужаса, но жадность пересилила, и он назвал цену.

— Дор-рого, — сказал ворг, и нанес продавцу страшный удар лапой.

Бедняга кубарем покатился, смяв своим телом несколько прилавков, и остался недвижимо лежать.

Второй ворг издал хриплый лающий звук, видимо, означавший смех. Затем он занес лапу над отчаянно блеющим козлом, но вдруг его чуткие уши уловили стон. Это Гарб не сумел сдержаться при виде готового исчезнуть в пасти ненасытной твари идеального ужина для союзника.

— Кажется, не все нами довольны, — заявил матерый.

— Пойдем, еще немного развлечемся перед обедом, — предложил второй.

Так же медленно они направились в сторону Гарба. Гоблин осознал, что если он сейчас побежит, то его в два счета догонят и убьют, а если не побежит, то сначала помучают, а потом все равно убьют. Как назло, зачарованный клинок остался возле привязанного быка, и больше оружия, кроме бесполезных сейчас заклинаний, у шамана при себе не было. Магия же на воров действует слабо, за что их гоблины и ценят в первую очередь.

Ноги налились свинцом и стали совсем непослушными. Очень хотелось убежать или спрятаться, но не получалось. Звери подошли еще ближе и, когда шаман уже был готов на все, лишь бы провалиться сквозь землю, повели носами.

— Чуешь, кажись он обделался от страха! — раздраженно сказал один.

— И правда, воняет, но почему-то быком. — Уверенно подтвердил второй. — У меня, кажется, аппетит пропал.

— И у меня. Накажем?

— Ты хочешь, чтобы от тебя потом так же разило?

— Нет!

— Тогда просто пошли, разорвем кого-нибудь еще.

С этими словами ворги повернулись к Гарбу задом и сделали несколько резких движений лапами, как обычно делают собачки, закапывая результаты своих прогулок на

свежем воздухе. Шаман быстро приобрел пепельно-серый цвет от потоков грязи, обрушившихся на него.

— Ничего, это я отмою. Зато живой и никем не узнанный! — обрадовался гоблин.

Ворги неспешно удалились, а Гарб быстренько отвязал козла, пока у того не нашлось нового владельца, и припустил к выходу со своей добычей.

Без проблем миновав пост охраны, у которой был приказ обыскивать только входящих, шаман отправился к своему новому и единственному другу.

Глава 8

И принялись младшие боги соревноваться, у кого дети получатся лучше, умнее, одареннее и красивее. Творили всех по своему образу и подобию, и детки получались подобные богам, которые их создавали.

Бычок спокойно пасся там, где Гарб его оставил. Гоблин привязал козла, соорудил из подручных материалов жаровню, приготовил все для обряда и наточил нож. Затем намазал морду жертве особой мазью, чтобы та не сопротивлялась. Кровь животного оросила раскаленные камни жертвенника, и Гарб начал очередную дикую пляску с бубном.

— О духи! — молил он. — Пустите гостя в свой таинственный мир, откройте мне в него доступ и не лишайте вашей милости!

Через какое-то время духи смилостивились и шамана увлекло знакомое ощущение погружения в нереально огромное пространство шеольного плана. Ощущение собственного тела никуда не делось. Только теперь Гарбу стало казаться, что его брэнная оболочка весит не больше пылинки и может улететь от легкого дуновения ветерка. В действительности физическая оболочка отсутствовала, а была только ее ментальная проекция. Да и шгиль в этот раз там царил мертвый.

— Здравствуй, старый пройдоха! — поприветствовал шамана Каввель. — Я вижу, ты добыл для меня секиру. Еще одно дело, за которое я благодарен тебе.

— Не могу сказать, что это было намного сложнее, чем моя предыдущая услуга, друг, но попотеть пришлось, — ответил Гарб.

— Наговаривает на себя, — материализовался сбоку от них Бурбалка. — Это был самый настоящий подвиг. Хавать уже можно?

— Приступай к трапезе, призрак! — согласился гоблин. — Для тебя ведь добывал.

В мире плоти пламя стремительно пожирало принесенную жертву. В это время в мире духов творился акт чревоугодия на одну персону. Дух вскоре насытился, слопав подношение.

После обеда составили новый план. Бурбалка не терял времени даром и принес с собой кучу полезных сведений. Ему удалось узнать, что кланы орков готовятся выявить самого сильного и свирепого вождя, чтобы тот возглавил союз орочьих племен и повел их на земли людей. Набег задумывался крупным, поэтому старейшины орков хотели доверить это дело только самому могучему воину. Такого никто не посмел бы ослушаться, нарушая тем самым единство объединенной армии.

Эльфы пришли в движение на далеком западе. Никто не знал, что именно они замышляют, но их воины активно упражнялись в стрельбе из луков. В болотах к северу поднялась нежить. По слухам, некроманты были не при делах, поэтому значить это могло что угодно. Дворфы тихонько продолжали копаться в своих подземных убежищах. На Большом тракте объявилось несколько новых банд грабителей. В ближайшем королевстве людей продолжалась гражданская война, из-за чего орки и решились на вторжение.

В общем ничего принципиально нового и интересного не происходило.

— Ну, боцман, — вопросительно наклонил рогатую голову минотавр, — куда двинем для дальнейших подвигов?

Гарб клыкасто улыбнулся. Возвращаться домой ему теперь точно не было никакого резона. Весь мир открыт перед ним, но соваться к любому из перечисленных Бурбалкой

народов опасно. Зато сам факт, что кто-то всерьез интересуется его мнением, очень польстил и поднял настроение.

— Эльфы стреляют в гоблинов без предупреждения, — задумчиво сказал он. — Дворфы презирают, хотя и известны случаи их сделок с моим племенем. Нежить лучше вообще стороной обойти. Неупокоенные бросаются на все, что движется, если ими никто не управляет. А уж если управляют — жди подвоха. Люди самые терпимые. Только они с недоверием относятся ко всем, подозревая инородцев в шпионаже. Если идти к ним, придется долго доказывать, что я не опасен. Гномов я просто побаиваюсь. Орки обычно не нападают на гобхатов сразу, но относятся к нам, как к прислуге, а бесплатно чистить кольчуги мне что-то не хочется. Можно, конечно, примкнуть к какой-нибудь банде с Большого тракта, но ты Каввель в виде быка на фамильяра не похож.

— Кого? — переспросил озадаченный минотавр.

— Фамильяра, — повторил Гарб. — Колдуны обычно призывают проекцию какой-нибудь зверушки из других миров, чтобы она шпионила для них или другие поручения выполняла.

— А-а-а, — понятиливо тряхнул головой тауросу, от чего его черная шерсть волной взметнулась над рогами. — Точно не похож.

Бурбалка сделал вид, что чешет свой несуществующий затылок.

— К другим гоблинам не желаете податься? — как будто всерьез предложил призрак, но что-то в его замогильном голосе выдавало издевку.

При одном упоминании остальных племен гобхатов у Гарба сильно расширились зрачки.

— Ни в коем случае, — отчеканил он. — Ты что не видел, с каким гастрономическим интересом на него смотрели даже в моей деревне?

— Тогда... — сделал многозначительную паузу Бурбалка. — Остается одно. У меня есть один знакомый... был при жизни. Большой любитель исследовать малоизученные людьми расы. Твое племя для него представляло бы огромный интерес, учитывая его, так сказать, отличия от всех остальных гоблинов.

— А чем это мы отличаемся? — спросил удивленный Гарб.

— Ой, да много чем! Взять хотя бы тебя. Ты одновременно шаман и колдун, знаешь эльфийские руны, умеешь ловко махать шпагой, языками владеешь. Много других таких гоблинов видел?

— Я не видел, но это не значит, что их нет. К тому же это только мои особенности.

Гарба обеспокоили слова призрака. Он почему-то никогда не задумывался, как живут гобхаты за пределами его родного царства.

— Ладно, дома ваши? Ты хоть знаешь, что остальные гоблины живут в пещерах?

— Да ладно? — удивился шаман.

— Точно тебе говорю. А еще они почти все дикие и на всеобщем ни бельмеса не понимают. Они даже не все умеют огонь добывать. И за главных у них часто даже не гоблины, как у вас, а хобгоблины или даже богили, потому что они сильнее, а гоблины трусливые и подчиняются силе — это у вас общее.

Гарб призадумался.

— И сколько таких диких племен живет на Лумее?

— Ну, я их не считал, но где есть пещеры, там и гоблинов ищи. Тыщи тыщ, наверное. Че-то я отвлекся. Так вот, мой знакомец с распростертыми объятиями примет тебя с

бычком, надо только добраться до его обиталища без потерь.

— Понятно, — задумчиво произнес Гарб. — Значит, пойдём искать гостеприимства у людей. Боязно мне что-то.

— И правильно боязно, — прервал молчание минотавр. — Люди — очень коварные твари. Они могут прикидываться друзьями, а потом предают в самый неудобный момент.

— Только люди? — иронично спросил Бурбалка.

Минотавр пренебрежительно фыркнул.

— Да, остальные или не притворяются, или не хотят дружить, — гордо ответил Каввель. — Только мы, минотавры, всегда живём по кодексу чести воина. Предательства нет у нас в крови. И мы всегда держим слово.

Гарб сделал в уме пометку, что не мешало бы проверить это утверждение Каввеля насчет кодекса. Бурбалка в свою очередь не стал напоминать минотавру, за что его превратили в быка. В понимании самого тауросу, наказали его из-за женских капризов, а не за какие-то нарушения, ведь на корабле законом может считаться только слово капитана. И уж тем более он не нарушал своего кодекса чести.

По итогам совета постановили двигаться в сторону Алвара — города, в котором жил любитель неизученных рас. По сведениям Бурбалки, он все еще мог быть жив, а его богатство и влияние в городе обеспечили бы надежную защиту от недругов.

Вернувшись в свое тело, шаман обнаружил, что уже за полночь. Каввель давно извлек из торбы секиру, изменившуюся до неузнаваемости. Ржавчины как не бывало. В руках минотавра грозное оружие светилось чуть заметным голубоватым светом. Не иначе волшебное.

Пират нежно прижимал двуручный лабрис к себе, полировал лезвия, гладил, приговаривая нежные слова. Гарб сходу усомнился, что со своими женщинами бывший пиратский капитан обращался хотя бы вполовину также нежно. Минотавр, что с него взять. Культ оружия у них в крови, и даже богов они ставят ниже, чем свои огромные топоры и мечи. Хотя размерам оружия можно и не удивляться, поскольку для самих минотавров оно впору и в бою движений не сковывает.

Какое-то время шаман молча наблюдал за священнодействием, потом ему это прискучило. Он предусмотрительно не стал отдавать козла духу целиком, и сейчас снова разжег потухший костер, чтобы приготовить оставшееся мясо. Когда аромат жаркого привлек внимание минотавра, было уже довольно поздно. Гарб отчаянно зевал, и только сила воли не давала ему заснуть. Каввель подошел, отведал мяса и высоко оценил кулинарные способности шамана.

В конце концов сон сморил уставшего за волнительный день гоблина. Укрыв спящего пледом, извлеченным из бездонной котомки, Каввель стал на страже, закинув топор на плечо, со словами:

— Спи и ничего не бойся, друг. Я не подведу.

Перед рассветом он спрятал оружие обратно в торбу, разбудил Гарба и снова превратился в бессловесную скотину. Шаман чувствовал себя разбитым, но, невзирая на ломоту в теле, пошел по условленному маршруту, ведя за собой на веревке большого друга. С бычком, как и с минотавром, у него складывались хорошие отношения. Гарб что-то рассказывал ведомому, а бычок делал вид, что внимательно слушает, хотя в действительности его интересовала только сочная зелень под копытами. Обе стороны такой

«диалог» устраивал.

За беседой незаметно миновали несколько миль. Пополнить запасы продовольствия получилось у странствующего торговца, для чего шаману потребовалось применить искусство убеждения. Проще говоря, охрану пришлось обездвижить, а улепетывающего торговца остановить магией, а потом минут десять демонстрировать отсутствие дурных намерений.

— Куда же дальше? — неуверенно потирая приплюснутый нос пальцем, подумал Гарб вслух.

Шаман смутно представлял себе дорогу, а Бурбалка не удосужился предоставить карту с маршрутом. Пришлось идти, опираясь на свои скудные познания в географии и топографии, а также сведения, почерпнутые у торговца. Доверять им следовало с большой осторожностью, и Гарб собирался проверить данные у кого-нибудь еще.

Через приличный отрезок пути по бездорожью, друзья вышли к небольшому проселку. Все указывало на присутствие поблизости какого-то поселения. Дорога или скорее тропка, петляя, скрывалась за густыми зарослями орешника. По тропинке идти было в разы удобнее, чем по густой траве, хотя бычок против зелени совсем не возражал.

Близость чьей-то зоны обитания, могла бы натолкнуть Гарба на мысль о засаде, но он слишком уверовал в свою удачу после благополучного рейда на рынок.

Засада не замедлила себя проявить, но оказалась несколько своеобразной. Из кустов, перегородив дорогу шаману с быком, неторопливо вышли два полурослика. Оба недомерка были ростом почти на фут ниже Гарба, но выглядели более массивными. Они являлись обладателями больших по сравнению с телом рук, что, несомненно, указывало на их принадлежность к племени прихватов. Неопрятная рванина заменяла обоим одежду. Короткие до колен штаны, свисающие вниз бахромой, сквозь дыры которых виднелись интересные части тела, некогда белые рубашки, теперь серые от грязи, и потертые кожаные жилеты с многочисленными карманами, набитыми морковкой, свидетельствовали о недавнем набеге их владельцев на чужой огород. Дополняли образ желтые шестигранные кепки, лихо сдвинутые набекрень.

— Так-так, Тук, гляди-ка, что тут у нас! — сказал один из недомерков, присаживаясь на корточки.

Второй полурослик вразвалку подошел к Гарбу и заговорил.

— Слышь, пацанчик! Я вижу, ты совсем не местный, идешь по нашей дороге, дорожные сборы не платишь.

От такой наглости у гоблина перехватило дыхание. Что эта мелюзга себе удумала? Тем временем Тук, не видя сопротивления со стороны долговязого, продолжил:

— Эта, значит, типа, наша дорога. Надо как-то решать этот вопрос.

— Что? — смог выдавить из себя Гарб.

— Эй, кореш, чувак не врубается, что с него бабло за безопасный проход! — повернулся к собрату маленький вымогатель.

Кореш Тука кряхтя поднялся с корточек и также вразвалочку подошел к месту разборки, разминая пальцы рук и беря ведение переговоров на себя.

— Слышишь, парниша, кароче, лавэшки у тебя есть?

Гарб неплохо владел литературным всеобщим, но с большим трудом ориентировался в жаргоне. Поэтому он подумал, что его спрашивают про какие-то неизвестные ему предметы.

— Такого у меня нет.

— А если найду? — не сдался полурослик.

— Ну, поищи! — добродушно ответил Гарб.

Недомерок удивился, но предложением воспользовался прежде, чем гоблин успел ему сказать, что нехорошо тянуть руки к чужим вещам. В мгновение ока шустрые ручищи ощупали карманы одежды шамана. Обнаружив несколько монет, грабитель издал торжествующий вопль:

— Тук! Фраер хотел нас надурить!

— Тебе разве не говорили, что вола водить запаadlo? — снова включился в разговор второй вымогатель. — Мы твои бабульки себе возьмем, чтобы ты знал, как реальным пацанам в натуре по беспределу фуфло толкать!

Из его речи Гарб понял только то, что у него собираются отнять деньги, которые еще потребуются на дорогу.

— Верните деньги, пожалуйста, — решил договориться по-хорошему с грабителями гоблин.

В ответ он услышал дикий рогот. Тук смеялся так, что растерял из карманов все содержимое. Морковка красными каплями попадала в дорожную пыль, заставив шпаненка усесться на корточки и начать собирать выпавшее. При этом он не перестал издавать короткие смешки.

— Ты че, совсем не врубаешься? — задал вопрос его напарник.

— Вы хотите меня ограбить, и мне это не нравится! — стал раздражаться шаман, привыкший дома если не к уважению, то к тому, что подобные личности от него старались держаться подальше.

Тук перестал ржать, выпрямился и, глядя Гарбу прямо в глаза, со злобой в голосе бросил:

— Проваливай, фраерок, пока по рогам не получил и копыта не отбросил!

Шаман обиделся. Он знал, конечно, что другие расы предвзято относятся к его виду, но за инсинуации насчет рогов, а, следовательно, и принадлежности гоблинов к демонам, надо наказывать. Гарб выкинул вперед руку и прошептал самое безопасное заклинание, которое смог придумать. Тука подхватил порыв ветра и макнул лицом в лужу. Затем шаман пристально посмотрел на второго гопника. Под взглядом ловца духов тот сник и сильно уменьшился в размерах. Шаман демонстративно щелкнул пальцами.

— Предупреждать надо! — икнул от испуга горе-грабитель, быстро вытряхнул деньги из карманов и бросился удирать со всех ног, оставив товарища лежать носом в грязи.

Тук лежал в канаве и мелко дрожал, его одежда приобрела совсем неприглядный вид, а кепка пропиталась содержимым лужи. Найти в себе силы для бегства он не мог, а просто встать и посмотреть в глаза колдуну не смел.

— Долго еще валяться будешь? — спросил гоблин.

Тело в канаве издало булькающие звуки, но не двинулось с места. Гарб подошел, взял недомерка за шкурку и рывком вытащил наверх. Грязь смачно чвякнула, с сожалением отпуская добычу.

— И не стыдно? — строго спросил шаман.

Коротышка шмыгнул носом, стер рукавом с лица излишки грязи и запричитал:

— Дяденька, не бейте! Я больше не буду! Правда-правда!

— Сколько лет-то тебе?

— Двадцать четыре весной было.

— Стало быть, малолетка еще[1]. Тебя разве родители не научили, что нехорошо приставать к незнакомым дядям?

— Я сирота, — громко шмыгнул носом паренек.

Гоблину при этих словах стало его даже немного жалко. Сам Гарб мать тоже помнил весьма смутно, а отца никогда и не знал.

— Ну что, сирота ширская, где тут у вас деревня, чтобы я ее мог стороной обойти?

Подросток показал пальцем чуть в сторону от тропы.

— А как лучше миновать ее? — спросил Гарб.

Хулиган популярно объяснил, что на дороге завал из камней, поэтому лучше идти через поле.

— Смотри, если обманул, — погрозил ему шаман. — Если обманул, вернусь и накажу. А теперь беги общаться с товарищем, который тебя бросил.

[1] В давние времена один человеческий исследователь упомянул в своих сочинениях, во сколько лет полурослики празднуют вступление во взрослую жизнь. 33 года — преклонный возраст для гоблина, но юный для полурослика. (прим. авт.)

И началась первая великая война. Драконы возомнили себя самыми могучими среди богов и потребовали почитать их наравне с Део. В очередной раз гордыня привела к падению, ибо остальные боги объединились и вместе легко победили недругов. Великих драконов уничтожили, а остальных лишили божественной искры. Так драконье племя утратило своих богов.

Полурослик все-таки обманул, дрянь такая. Гарб его не упрекал, потому что на его месте, вероятно, поступил бы также. С другой стороны, очень хотелось вернуться и заколдовать пару розг, чтобы паршивец надолго запомнил, у кого нельзя даже в мыслях пытаться отобрать деньги. Поле, через которое маленький негодяй послал шамана, оказалось довольно топким, а под конец превратилось в самое настоящее болото. Издалека этого видно не было, а когда ноги начали проваливаться в трясину, стало поздно.

Если гоблину топь не доставила неудобства, — он соорудил себе мокроступы и спокойно шагал по болоту — то бык провалился почти сразу же, как только под ногами закончился твердый торф. Пришлось вытаскивать ревущего перепуганной белугой подопечного на более прочную почву заклинанием левитации. От спешки у Гарба оно сразу не получилось, так что у полорогого вся жизнь успела пронестись перед глазами.

Уже стемнело, и идти стало совсем тяжело. Пришлось искать участок потверже, разводить костер и ждать превращения быка в минотавра. С первой частью гоблин справился успешно — костер получился на славу из нескольких собранных веток, мха и старого верного огнива. Только времени на ожидание неожиданно не оказалось.

На свет костра из окрестных кустов повылезала целая туча прямоходящих ящеров с копиями в чешуйчатых лапах. Гоблину не оставили ни мгновения на сопротивление: шаман едва успел задуматься о дежурном заклинании или шпаге, как уже оказался крепко связан и с кляпом во рту покачивался на колышке. Двое ящеров взвалили его на плечи и потащили, пыхтя от натуги, в непроглядную ночную темень.

Краем уха Гарб услышал, как затоптали костер. Потом — мычание упирающегося быка. Полорогий брыкался, наотрез отказываясь двигаться с места. Затем кому-то из рептилий, видимо, пришла в голову блестящая идея подбодрить животное каменным наконечником копья. Ящеры никогда не видели человеческого изобретения — корриды, иначе были бы куда осторожнее с выбором методов воздействия на крупнорогатого.

До связанного шамана донеслись греющие душу звуки топтания и бодания всего живого в досягаемости рогов и копыт. Носильщики тоже слышали рев озверевшего быка, но только ускорили шаг. Спустя минуту звуки сменились рассерженным голосом минотавра. Голос был громкий, из-за чего слышался на большом расстоянии.

— А, тритоньи внуки! — заорал пират. — Я вам покажу, где кальмары линяют!

Каввель еще выговаривал противникам, что неосторожное обращение с оружием до добра не доводит. Доводы перемежались с глухими ударами, сопровождавшимися громовыми раскатами — топор добавлял к силе удара еще и неслабую молнию, которая гарантированно добивала врага, рискнувшего скрестить оружие в неравном бою с пиратским капитаном. Слышно было, как минотавр звал Гарба по имени, как бросился его искать в болоте.

Впрочем, найти что-либо в трясине, освещаемой только яркими искрами, периодически пробежавшими по поверхности секиры, и болотными огоньками, было сложно. Ящеры двигались бесшумно, а топь надежно скрывала следы их перемещений.

Каввель несся по болоту, не теряя при этом бдительности. Периодически приходилось прыгать с кочки на кочку, но кое-где попадалась и твердая почва.

С его копытами и массой провалиться было делом плевым. Куда именно минотавр бежал, он и сам не знал. При нем торба с припасами, верная боевая секира и часов шесть времени до рассвета на поиски компаньона. Потерять такой шанс на спасение из-за глупого гоблина, который завел его в трясины, а сам попал в дурацкую ловушку? Ни за что!

Пират происходил из очень знатного рода и всегда с высокомерием относился даже к своим сородичам. Про остальных и говорить нечего. Он привык добиваться в жизни всего, что пожелает. Ведь можно просто пойти и взять все, что хочется. Если надо — силой. За это его боги и наказали.

Торгарон даровал тауросу лазейку. Пират точно знал, что кто-то должен совершить ради него несколько подвигов — это и будет путем к спасению, пускай временному. Гарб оказался подходящим существом для такого свершения. Минотавр проникся тем, что маленький червячок начал становиться весьма полезным. И настолько заужал, что предложил ему свою дружбу. А вот при малейшей оплошности со стороны «друга» вспомнил старые замашки и сейчас был готов его спасти, а потом придушить своими же руками. Как посмел этот мозгляк ставить под угрозу спасение легендарного Морского Палача?

Сколько он пробежал, и не бегал ли кругами, Каввель не осознавал. Потихоньку пират смягчился и успокоился — ландшафт не располагал к длительному кипению эмоций. Минотавр остановился и осмотрелся: в свете секиры из темноты выступали смутные очертания зарослей камыша, мох-сфагнум ковром устилал берег, кое-где проглядывали похожие на миниатюрные елочки побеги кукушкиного льна. Никаких следов похитителей. Превращение произошло уже после того, как гоблин унесли, так что даже примерного направления он знать не мог. Будь тауросу опытным следопытом, от него не ушли бы и болотные ящеры, но Каввель был морским быком и не заметил характерных примятостей мха.

Минотавр тяжело вздохнул и втянул воздух ноздрями — непривычные ароматы сразу наполнили легкие. Не благоухал соленый морской бриз, не пахло водорослями, потом моряков и ромом. Вокруг смердело тиной, торфом, гнилью, недавно пролитой холодной кровью и гнусными ящерами. Последний запах был слабым, но отчетливым. Как ищейка, Каввель наклонил голову к земле, еще раз втянул воздух и уловил направление.

— Попались! — довольно произнес он, приготовившись к погоне.

Сделав шаг в ту сторону, он всем телом ощутил за спиной присутствие постороннего. Потустороннего. Черная шерсть между рогов встала дыбом, предупреждая об опасности. Минотавр резко развернулся, отпрыгнул и махнул секирой в месте, где только что стоял сам. Топор со свистом прошел сквозь воздух и темную полупрозрачную фигуру. Существо издало жутковатое шипение и потянуло к минотавру отростки, напоминающие руки.

Топор еще раз рубанул тень, не причинив ей никакого вреда. Страх на секунду попытался парализовать волю Каввеля, но был с позором выгнан из подсознания. Однако этой секунды хватило, чтобы бесплотная тварь успела коснуться руки пирата. Конечность немедленно плетью обвисла вдоль тела и онемела.

Опасность противника теперь не вызвала сомнений. Перехватив здоровой рукой секиру, тауросу принялся танцевать вокруг тени, лихорадочно пытаясь сообразить, как отделаться от нежити. Пока смекалки хватало только, чтобы больше не давать к себе прикасаться. Существо оказалось немного медлительным в нападении, зато передвигалось почти с той же скоростью, что и минотавр. Жуткий танец с тенью продолжался до тех пор, пока Каввель не почувствовал отсутствие твердой почвы под копытами. Безмолвный силуэт встрепенулся и рванул к увязшей и лишенной мобильности добыче.

Тауросу изо всех сил пытался высвободить ноги из топи. Неподвижная рука оказалась в этом деле серьезной помехой. Если бы она могла двигаться, выбраться из трясины не составило бы труда, а так ноги уходили все глубже. Каввель только и мог, что здоровой рукой всадить секиру в берег и пытаться этой же рукой подтянуться ближе к твердому месту. Тень была уже совсем рядом. Она нависла над Каввелем, протягивая к нему мерзкие обездвиживающие отростки.

— Проклятье! — выругался минотавр.

Впервые в жизни двурогий оказался в ситуации, в которой сила не могла ему помочь в борьбе за собственную жизнь.

В тот момент, когда уже стало казаться, что вот он конец, позади тени образовался портал, выплюнувший в ее сторону светящийся протуберанец. Фантом дернулся, попытался освободиться, но захват оказался крепким. Секунд тридцать порталный щуп просто держал тень, потом стал потихоньку втягивать ее в себя. Каввель наблюдал, не прекращая при этом попыток подтянуться поближе к твердому участку почвы.

Едва тень полностью затянуло в портал, онемевшая рука обрела способность двигаться, а из пространственного окна с тихим шипением воздуха вырвался другой дух. Присмотревшись, Каввель узнал Бурбалку.

— Уф! — обрадовался минотавр, вылезая на берег и отряхиваясь от грязи. — Благодарю, а то я чуть концы не отдал!

Бурбалка дал ему отдышаться и сказал:

— Пошли, нам еще гоблина выручать.

— А как ты...

— Лучше тебе не знать, чего мне стоило сюда выбраться, но козел очень пригодился.

— Ладно, — минотавр вспомнил, что времени осталось в обрез, и спросил. — Мы успеем? И куда вообще идти? Я след потерял.

— Иди за мной, горе-следопыт. Успеем! Туда где-то час ходу.

Если бы у Гарба в этот момент спросили, чего ему хочется больше всего на свете, он бы замешкался с ответом. Ловцу духов хотелось слишком многого. Например, освободиться от веревок, вернуть шпагу и долго втыкать ее в тела ящеров, бросивших его в пропахшую плесенью деревянную клетку. Особенно много нехороших вещей он желал своему коллеге по ремеслу из числа чешуйчатых гадов.

Эта мерзкая тварь потыкала своим грязным посохом по одежде Гарба и, видимо определив, что она волшебная, приказала раздеть пленника. Теперь шаман-ящер с восхищенным шипением старался напялить на себя хоть что-то из гардероба почти голого гоблина. У него это получалось с большим трудом. Все-таки четырехфутовый гоблин и шестифутовый ящер — это разная размерная категория.

Издрав все в лоскуты, от чего одежда потеряла большую часть магических свойств,

ящер раздраженно бросил ее в костер. Внимание рептилии переключилось на шпагу. Рассмотрев ее со всех сторон, гад удовлетворенно взялся за навершие, пораскачивал из стороны в сторону и отпустил, потом поднял и еще раз повторил процедуру. Немного поиграв с оружием, он потерял к нему интерес, но не выбросил, а приладил к поясу. Шпага была для него коротковата, но ящеры в хорошем оружии не разбираются.

По всем признакам этот гад был главным. Во всяком случае, его приказания и капризы исполнялись беспрекословно. Дюжина приближенных с копьями и посохами преданно следила за каждым движением вожака, а заодно охраняла его.

Сначала произошел осмотр трофеев, и только потом шаман захотел услышать доклад о произошедшем. Сперва он спокойно внимал, а затем стал громко шипеть на разные лады, перебивая докладчика. Под конец схватил свой посох и огрел каждого из приспешников по голове — не очень больно, но чувствительно. Подчиненные стояли, виновато опустив головы, и терпеливо сносили гнев повелителя.

Наконец главарь успокоился до той степени, чтобы перестать лупцевать сородичей и начать прохаживаться туда-сюда перед их строем. Он заложил одну лапу за спину, наверняка воображая себя полководцем перед штабом. Смерив всех взглядом, вожак снова зашипел, и в его интонациях проявились поучительные нотки. Когда он закончил, подчиненные засуетились и куда-то помчались со всех лап. «Главкомандующий» посмотрел им вслед, затем подошел к клетке с Гарбом, устрашающе навис над ней и сказал на удивительно правильном всеобщем:

— Мое имя Ссашкиш. Я великий повелитель этого болота и окрестностей. Ты, жалкий теплокровный, вторгся в мои владения и за это будешь наказан. Мои подданные с удовольствием тебя съедят, но сначала ты мне расскажешь, как сделать волшебную накидку моего размера. Откажешься, и я испробую на тебе тысячу способов сделать больно. Покажешь — умрешь быстро.

Гарб изобразил полнейшее безразличие на морде, хотя в действительности очень трепетно относился к физической боли.

— Ты сделаешь, что я вежливо попросил, или нет? — почти зашипел чешуйчатый, нервно постукивая набалдашником посоха по клетке с пленником.

На голове гада раскрылся большой гребень, начавший наливаться красным. Не дождавшись ответа, ящер стукнул посохом так, что на связанного гоблина сверху посыпались прошлогодние сухие листья, устилавших верх клетки в большом количестве. Сообразив, что пленник отказывается говорить из-за заткнутого рта, он отпер клетку и вытащил кляп. Гоблин с наслаждением вдохнул полной грудью тяжелый болотный воздух.

— Говори, не молчи! — угрожающе сказал холонокровный шаман.

Гарб подышал немного, чтобы еще позлить собирающегося полакомиться гоблином каннибала, и сказал:

— О да, могучий ящер, я покажу тебе, как сделать волшебные вещи, но сначала тебе придется меня развязать. Я даже готов вышить для тебя руны для двух комплектов волшебной одежды, если мне дадут иголку с ниткой.

— Хорошо, что ты согласен. Я развяжу тебя, а ты сделаешь все очень осторожно. Только запомни. Если мне покажется, что ты хотя бы подумал о побеге, я начну втыкать в тебя иголки болотного дикобраза.

Гарб дал согласие вести себя хорошо и не пытаться сбежать, а сам думал, что главное — освободить руки и рот, а там кривая выведет. Ящер развязал затекшего гоблина, терпеливо

подождал, пока конечности пленника придут в норму, а потом потребовал приступить к работе. В голове у гобхата к этому времени уже созрел план бегства, имеющий только один недостаток: отсутствие одежды.

Холоднокровный принес две накидки с двумя парами штанов, подходящих ему по размеру, иголку и разноцветные нитки. Гоблин взялся вышивать на одеяниях знакомые руны, попутно заговаривая гаду зубы. Дескать, одно одеяние защитит могучего повелителя рептилий от огня, холода, стрел врагов и так далее, а другое дарует ему силу и смелость.

На самом деле одних рун для такого было мало, ведь нужно еще провести сложнейший обряд. Об этом хитрый гоблин умолчал, потому как сами символы, которые он вышивал, имели совсем другое предназначение. Гарб закончил с вышивкой обоих комплектов, затем, пользуясь отсутствием помощников шамана, выпалил простое замораживающее заклинание, не требующее больших запасов Дэ.

Ящер застыл с раскрытой пастью. Гоблин кое-как напялил на него нужную рубашку. Руны сразу же засияли цветами ниток, которыми были вышиты. Глаза чешуйчатого под слоем льда беспокойно забегали, и было от чего. Руны выкачивали из него Дэ в ускоренном темпе. Будь у Гарба в запасе хотя бы полчаса, рубашка высосала бы шамана досуха, навсегда лишив его возможности колдовать. Ловец духов осознавал, что жизнь дороже, и ждать не стал, хотя жажда мести и требовала наказать обидчика сильнее.

Пока рубашка работала, гобхат торопливо подгонял второй комплект под себя. Руны на этой одежде давали какую-никакую защиту. С остальным возиться не было времени. Закончив, гоблин напялил на себя пошитое на скорую лапу. Получилось почти в самый раз, хотя пришлось кое-что отпороть, а местами костюмчик сидел вкривь и вкось. Это уже не имело никакого значения. Гарб сорвал с пояса ящера свою шпагу, отсалютовал ледышке, снял с начинающего оттаивать шамана рубашку, полную энергии, сломал его шаманский посох, ткнул пару раз шпагой в мороженое мясо «на память», и дал деру.

Драконы поклялись отомстить и хитростью разрушили единство разумных рас, посеяв раздор между ними. И поссорились сначала тивада со всеми остальными. Потом гобхаты начали враждовать с лусидами, а затем переругались и все прочие.

Бурбалка загрустил. На Лумею-то он попал, но почти ничего от этого не выиграл. Когда первый приступ эйфории прошел, дух задумался над тем, что делать дальше. Чем больше призрак думал, тем отчаяннее ему виделось собственное положение.

— Вот дерьмо! — проскрежетал он все еще замогильным голосом и зарядил бесплотным кулаком по стволу дуба, невесть откуда взявшегося посреди болота.

Дерево в ответ издевательски зашелестело листвой. Только не от удара, а от налетевшего дуновения ласкового летнего ветерка. Бестелесная конечность просто прошла насквозь.

Минотавр сосредоточенно шел вперед, высматривая в ночи врагов.

— Трави помалу! — бросил он призраку, не оборачиваясь.

— Че? — смутился Бурбалка.

— Рассказывай, кто ты, откуда и чего хочешь, — сказал Каввель. — Я же про тебя толком ничего не знаю, а хочется. Ты мне жизнь спас, надо отблагодарить как-то.

Дух уже почти жалел о своей вспышке. Тауросу теперь не уймется и будет доставать расспросами. И тут призрака словно прорвало.

— Хочешь все знать? Так слушай! — выпалил он, совершенно позабыв, что с посторонними разговаривает совсем другими словами. — Я как бы не совсем дух. Когда-то меня звали... а, впрочем, это не важно. Я теперь Бурбалка. Пузырек. Как выгляжу, так и назвался. Я это дурацкое прозвище выбрал, чтобы еще больше наказать себя за глупость.

Призрак все говорил, а минотавр внимательно слушал здоровым ухом, не забывая следить за окрестностями. Они еще не прошли и половины пути до лагеря ящеров, но бдительности терять не стоило. Духа он не перебивал, чтобы случайно не спугнуть этот робкий пока словесный ручеек, вот-вот грозивший превратиться в фонтан красноречия.

Давно, когда я еще не был таким, мое видение мира сильно отличалось от нынешнего. Раньше я был человеком, учеником и помощником большого ученого Адриана Велмсли. Учитель считался непревзойденным знатоком истории, культуры и языков почти всех народов, населяющих Лумею. Он также занимался алхимией, магией, демонологией и некромантией. О последних двух его увлечениях знали только я и второй ученик.

В подвале дома учителя находилась лаборатория, в которой мы проводили увлекательнейшие из экспериментов. Днем он принимал людей, ищущих его мудрости, и помогал им, чем мог, за хорошую плату. Вечером его деньги шли на опыты с материей, пространством и плотью. Подобные изыскания обычно требуют редких и дорогих ингредиентов, которые к тому же надо добывать с осторожностью, чтобы не привлечь к себе пристальное внимание служителей Пресвятой инквизиции.

Мы, два верных ученика, через воровские гильдии покупали нужное сырье, а кое-что даже добывали сами. Частенько нам приходилось проводить время не в компании юных обольстительниц из «Шаловливой Мэри», как подобало бы молодым людям нашего

возраста, и не в кабаке за шумным спором под кружечку темного эля. Вместо развлечений мы обычно торчали на старом городском кладбище с лопатами в руках по пояс в сырой могиле. И все ради пары пальцев скелета эльфа-лусида или щепки из гроба человеческой женщины, умершей до сорока лет. Мы жили в городе, в котором, как в огромном котле, варились представители большинства дружественных рас. Так что проблем с нужными ингредиентами не возникало. Достаточно не попадаться на глаза кладбищенскому зрителю.

Эксперименты шли с разными результатами. Успешнее всего получалось вызывать демонов. Призыв небольших импов и ифритов давался легко. Эти демонята были глупыми, и мы легко их подчиняли. Однако даже под своим присмотром учитель не давал нам вызывать более крупных существ. Зато часто делал это самостоятельно. Наверное, он опасался, имея на то все основания, что нашего ума попросту не хватит, чтобы распознать уловки, которыми призванные твари сбивают с пути истинного неопытных демонологов.

Некромантия лично у меня всегда вызывала отвращение, но учитель и второй ученик придерживались иных взглядов на этот счет. К концу третьего года обучения, мой коллега легко поднимал скелетов и зомби и даже превзошел в этом учителя. Учитель Адриан добился более скромных успехов, а я и вовсе отказался принимать участие в работе с мертвецами. Господин Велмсли не стал меня принуждать, за что я ему до сих пор благодарен и молюсь всем богам за его грешную душу в надежде, что он будет избавлен от вечных мук в загробном мире.

Наверное, самые интересные опыты мы проводили с пространством. Захватывающие, но до поры неудачные. Мы хотели создать стабильные порталы для путешествий на другие материки. Так можно было бы организовать успешное и прибыльное дело по переправке путешественников из нашего города в любое место в мире. К сожалению, единственный работающий портал размером с чердачное окошко получился у меня. И то, расчеты учителя показали, что он вел не в заданную точку на карте, а в один из других планов бытия.

Не оставляя остальные эксперименты, мы решили сосредоточиться на демонологии. В тот злополучный день учитель вызвал при нас страшную тварь из нижних миров. Демон был жутким, хоть и не очень крупным. Словами не описать, каким вежливым он оказался, поняв, что из круга ему не вырваться. Говорил с ним учитель, а мы стояли и слушали.

Наставник спросил, чем демон может быть ему полезен. Тварь в круге перечислила, загибая отвратительные когтистые пальцы, что в состоянии убить всех указанных врагов, разрушить город, проклясть кого-нибудь до третьего колена с определенным набором неудобств для проклиняемой личности и еще кое-что по мелочи. Адриан спросил, может ли демон чему-нибудь его научить. Тварь согласилась передать нам знания по порталной магии в обмен на свою свободу, но сказала, что ей надо собраться с мыслями и отдохнуть до завтра. Учитель поверил и, как оказалось, напрасно.

Ночью, пока все спали, я услышал, как существо меня зовет. Я явился на зов сонный, слабо соображая, что делаю. Наверное, в каком-то смысле демон управлял мной, но это слабое оправдание. Он предложил разрушить круг и выпустить его на волю, а взамен пообещал мне власть над порталами. Я спросил, почему он хочет отдать знание только мне, а не всем троим, как договорились раньше. Демон уклонился от прямого ответа. Хитрец сказал, что не волен всех подряд учить тому, что им знать не положено.

Мне бы тогда позвать учителя, но одержимость знаниями оказалась сильнее осторожности. Я был уверен, что сделка никому не навредит, и погасил пламя в одном из

треножников, удерживающих демона в круге. Тварь обманула меня. Она сдержала свое обещание лишь затем, чтобы поглумиться надо мной. Чудовище действительно передало мне умение управлять порталами после своего освобождения. Но оно не обещало мне личную безопасность. Сейчас я думаю, что тварь просто освободила меня от внутренних пут, которые не давали моему смертному уму правильно концентрироваться на задаче. Способности же к порталной магии были во мне изначально, хотя это ничего не меняет.

Стараниями твари, я был затянут в Умбру — мир теней, где постепенно стал превращаться в то, что представляю собой сейчас. Этот мир быстро вытягивает силы у всех неспособных ему сопротивляться. Я не умел и стал немедленно слабеть, фактически растворяться. То же самое происходит со всеми духами в Шеоле, если их не кормить, но значительно медленнее. Я был все еще жив и достаточно силен, когда сообразил, что нужно спастись.

Как и в шеольном, время в теневом мире не имеет большого значения. Эти планы бытия находятся как бы вне привычного обитателям Лумеи временного потока, но обладают особым внутренним течением событий. Там время одновременно существует и не существует.

Если не усложнять объяснения, то обычный временной поток распространяется на всех живых существ, что попадают туда извне, а местным на него наплевать, потому что для них все события происходят почти одновременно. Хорошо хоть в разных местах, поскольку и шеольный, и теневой планы копируют Лумею с точки зрения географии. Вот и я, оказавшись там, за каждую секунду терял часть жизненных сил, являясь пришельцем.

Не берусь утверждать, что смог бы выжить, если бы не появление одной противной мелкой тени. Она стала насмехаться надо мной. Я слабел, и в тот момент, когда уже не мог двигаться, моя воля сконцентрировалась на создании портала в иной мир. Энергию для него я взял у тени. Ее сила вошла в меня и воплотилась в портал, в который я нырнул сломя голову, лишь бы подальше от ненасытности Умбры. Так я оказался в мире шеольном.

— Значит, ты тень, а был человеком? — наконец осмелился удивиться вслух минотавр, внутренне содрогаясь, припомнив недавний бой. — Да уж. Меня с детства учили не верить демонам. Теперь понимаю почему.

— Тень и не тень одновременно, — горько ответил Бурбалка. — От теней я взял энергию Тэ, а душа при этом никуда не делась. Душа — это же чистая Дэ, даром что за ней демоны так охотятся. Вот и получилась из меня помесь дельфина с акулой, если так понятнее.

— Так это ж невозможно! — возразил Каввель. — Я про акул, если что.

Бурбалка только рассмеялся жутковатым замогильным хохотом, распутив всю живность в округе.

Минотавр освежил в памяти свои скудные познания по части магии и космических энергий. Дэ назвали в честь Део-Создателя. Она пронизывает весь мир незримыми потоками, и простые смертные ее просто не замечают. Иное дело маги. Они чувствуют потоки Дэ. Некоторые даже способны видеть их завихрения. Больше всего Дэ находится в душах смертных, за что души так нежно любимы разного рода нечистью. Хватает ее и в природе, но добывать ее прямо оттуда по своему желанию способны только смертные, да и то немногие. Вот Каввель, например, не мог, хотя заветными словами для секиры и волшебной торбы пользоваться умел.

— У меня появилась проблема, — продолжил призрак. — Я вообще без сил остался. Все ушло, чтобы продраться через этот чертов барьер между мирами, а здесь их взять попросту негде. В Шеоле поглощение Дэ — это как дыхание у смертных, а тут все в твердом виде, так сказать. Много не надышишься.

— Гоблина спасем, и он что-нибудь придумает, — сказал минотавр. — Он головастый.

— Да, я как раз на него и надеюсь, — согласился Бурбалка. — Помнишь, ты мне рассказывал про способы обрести плоть?

— А, ту ерунду, которой я в Шеоле научился? — вспомнил Каввель. — Ну да, мне-то это ничем не помогло. Может, для тебя сгодится.

— Я чуть не воспользовался вторым способом, — признался дух. — Как раз на нем.

Тауросу аж остановился, чтобы пристально посмотреть на черное пятно, висящее перед ним в воздухе.

— Ты хотел вселиться в гоблина? — ужаснулся он.

— Ну, я тогда подумал, что остальные расы жалко, а до этих мелких дикарей никому дела нет. Они же жестокие и кошмарные твари. Да и с колдунами других рас я бы и не справился, а шамана подловить во время путешествия в Шеол — плевое дело. Одним больше, одним меньше — никто и не заметит. Порвал бы связь с телом и занял бы его место, как ты научил. Только меня черт дернул начать следить за ним. Остальные были слишком уродливые или старые, а Гарб такой молодой, полный сил, хорошо сложенный, талантливый. Я почти в него влюбился, когда узнал получше.

— Это точно, — хмыкнул минотавр и продолжил движение. — Признаться, я и сам уже как-то привязался к малышу.

— Да, интересный он, — добавил Бурбалка. — Знаешь, я за другими гоблинами долго наблюдал, пока на его племя не наткнулся. Те на самом деле почти как звери. Эти хоть более-менее цивилизованные, а Гарб даже среди них выделяется. Ты-то его мало знаешь, а я насмотрелся. Он все время учится, представляешь? Такое даже у гномов нечасто бывает. Еще он честный, благородный и достаточно смелый, чтобы перебороть страх. В общем я сперва решил изучить его, а там уже не смог заставить себя причинить ему вред.

— Насчет страха это я тоже заметил, — кивнул минотавр и яростно топнул копытом. — Только он за каким-то морским чертом завел меня в болото!

Бурбалка быстро облетел пирата вокруг, обдав холодком, от которого у Каввеля шерсть сама собой вздыбилась на затылке.

— Все ошибаются, уж тебе ли не знать, — укоризненно сказал призрак. — Гоблин для твоей же безопасности старался, а ты неблагодарность проявить хочешь.

Тауросу обиженно засопел. Некоторое время он шел молча, и только чавкающая под копытами грязь нарушала болотную тишину.

— А тебе я еще быка припомню, каннибал, — наконец придумал он, что сказать.

Благодарность за спасение жизни не испарилась окончательно, но как-то сразу из искреннего чувства перешла в разряд долга.

— Уже ж тысячу раз извинялся за ту досадную оплошность, — тут же без тени смущения парировал дух. — Ты сам-то веришь в одушевленность животных? Я точно нет. В Шеоле ни одного духа домашней скотины не видал. Даже ты там в виде тауросу был, а не как бык. У вашего брата с ними общего только то, что вы рогатые и с копытами. Не думаешь же ты, что вас сотворили из животных?

— Тебе не понять, — нахмурился Каввель. — У нашего народа есть легенда про

священного быка, который однажды станет богом. Поэтому жизни всех быков священны.

Бурбалка даже не стал это комментировать, опасаясь вступать в религиозный спор. Так они и продолжили путь в молчании.

Призрак успокоился и сообразил, что успел наболтать лишнего, едва не проговорившись о своих планах. Гарбу все еще в них отводилась значительная, если не ключевая роль.

В отношениях с гоблином он тоже не был до конца искренним. Даже про духов призрак соврал, когда говорил, что просто отогнал их от жертвенника. Он их попросту попытался поглотить ради запасов Дэ. Вот только тогда произошло нечто, вселившее в Бурбалку суеверный ужас. Энергия ему досталась почти вся, но в последний момент остатки всех духов прямо у него из-под носа утащила неведомая сила. Что это было, он так и не понял. Больше эта сущность себя никак не проявила, и призрак постепенно успокоился.

В любом случае малыш гоблин бы смертельно обиделся, узнай он судьбу своих предков. Поэтому Бурбалка собирался и дальше держать его в счастливом неведении.

— Пришли, кажется! — сказал он. — Значит, план такой...

И началась вторая великая война. И стали враждовать все со всеми, но не могли уничтожить друг друга, ибо силы народов были равны, а в союзы с врагами никто вступать не желал. Неизвестно, сколько бы так продолжалось, если бы не нашлись герои, сумевшие побороть ненависть и подружиться между собой.

В лагере ящеров появление минотавра с большущим топором вызвало панику. За его спиной маячила расплывчатая фигура привидения, еще больше нагоняющая страху на непривычных к таким противникам пресмыкающихся. Шаман, успевший оттаять, жестоко страдал от ран и еще больше от унижения, нанесенного ему теплокровной закуской. Немудрено впасть в панику от появления нового страшного врага, явившегося в сопровождении духа предков.

Огромное существо с секирой медленно продвигалось к центру лагеря, снося головы с плеч глупцам, взявшим оружие в руки.

— Здесь я его не вижу, эти креветки недобитые уже могли его слопать сотню раз! — обратилось оно к духу предков на глупом всеобщем языке.

Дух что-то прошелестел в ответ, и существо пожало плечами. Потом подошло к шаману, который приготовился униженно лизать незваному гостю ноги. Чудовище взяло ящера за шкуру и рывком поставило на задние конечности. Лапы шамана норовили подломиться, но пришелец заявил, что если тот опять упадет, то может уже не подняться. Пришлось стоять, глядя гиганту в район груди, потому что выше поднять глаза было слишком боязно.

До ящера не сразу дошло, что вопросы великана обращены к нему. После небольшой встряски, он сразу стал сообразительнее и начал говорить, что никакого гоблина не видел и вообще не понимает, по какому праву его поднимают с удобной травяной постели посреди ночи. Великан криво усмехнулся, и шаман, поняв, что сейчас будет жестоко бит, закрыл голову лапами и вжался в землю.

— Подожди, — услышал он загробный голос предка, от которого и без того холодная кровь застыла в жилах. — Посмотри, в костре разве не его вещи тлеют?

Шаман понял, что влип, но лап от головы не оторвал. Волшебная сила пропала насовсем. Подлый гоблин выкачал ее всю без остатка. Без нее в племени Ссашкиш теперь мог бы занять от силы место собирателя болотной падали, узнай кто о таком несчастье. Сейчас он думал, как бы повернуть ход событий в свою пользу. Через секунду чешуйчатый разлепил глаза и увидел перед собой лезвие топора.

— Говори! — от грозного рыка душонка ящера ушла в кончик хвоста.

Шаман выложил все, что знал по поводу бегства гоблина и показал направление. Потом робко поинтересовался, сохранят ли ему жизнь.

— Я бы тебе башку оторвал, если бы с боцманом что-то случилось, — сказал рогатый здоровяк. — А так живи пока, якорь тебе в глотку!

Он закинул топор себе за плечо и потопал в сторону, указанную ящером. За ним беззвучно поплыл дух. Шаман долго смотрел обоим вслед, не смея двинуться с места. Его сильно впечатлил этот гигант. Настолько, что в голову даже закралась мысль, не аватар ли это какого-нибудь бога. Это подданные Ссашкиша верили в духов. Он-то знал, что у других рас есть боги, и нисколько не сомневался в их существовании. Наконец нарастающая жажда

мести окончательно позволила ящеру прийти в себя.

С трудом оторвавшись от бесцельного созерцания пустой тропинки, окаймленной зарослями осоки, Ссашкиш позвал помощников. На зов явилось лишь четверо — остальные пали смертью храбрых. Стараясь не показать своей слабости, ящер спросил про ловушки, которые до этого посылал их установить. Западни оказались уже расставлены, и он удовлетворенно потер лапы — мечь никуда не уйдет, ведь из болота к Большому тракту есть только одна тропа. Либо они пойдут к ней и угодят напрямиком в ловушку, либо утонут в трясине. Простым смертным оттуда никак не спастись.

Гарб несся без оглядки. Оставаться на одном месте нельзя, но куда податься в полной темноте, чтобы сильно не удалиться от минотавра, которому скоро опять менять облик? Началась игра, главным призом в которой была жизнь. Гоблин мчался, путая и замечая следы. Отбежав на достаточное, по его мнению, расстояние, он прикинул по звездам направление и отправился на место старой стоянки, где его застали врасплох ящеры. Там он обнаружил множество тел рептилий, затоптанный костер и уйму следов копыт.

— Должно быть, Каввель бегал и искал, куда меня понесли, — подумал Гарб. — Запишем ему в актив.

Цепочка следов удалялась прочь от лагеря, хотя и не по направлению к стоянке ящеров. Гарб пошел в ту же сторону и обнаружил следы борьбы. По следам выходило, что минотавр сошел с ума и долго прыгал, уклоняясь от несуществующего противника, пока не свалился в болото. На берегу виднелись следы его возвращения на твердую землю.

— Значит, хотя бы не утонул, — обрадовался Гарб.

Цепочка следов повернула от первоначального направления. Осторожно направившись в ту же сторону, гоблин выяснил, что идет прямо в лапы кровожадного коллеги, от которого недавно смылся. Остановившись обдумать, что делать дальше, ловец духов подпрыгнул от неожиданности, когда над ухом раздался голос Бурбалки:

— Эй, Квасок! Прекращай прохлаждаться, надо одного минотавра быренько из ловушки вытащить!

— Как, ты же... — промямлил гоблин, даже забыв с перепугу обидеться на Кваска.

— Потом подробности, но знай, что козел был хорош, — категоричным тоном прервал его дух и устремился напрямиком в сторону лагеря рептилий. — За мной!

Духам не полагается находиться в мире плоти, поэтому Гарб так и удивился. Даже ночью можно встретить разве что какую-нибудь призрачную нежить на кладбище. Но настоящий дух? Это не укладывалось в голове. Бурбалка не оставил шаману времени на раздумье, поэтому гоблин просто помчался за своим проводником. Он очень надеялся, что у того есть план безопасного прохода через стоянку ящеров.

Одна задумка у духа действительно была, и, когда он о ней рассказал, Гарб согласился, что такое может сработать. Их появление в лагере не прошло незамеченным. Трудно не заметить исполинских размеров гоблина и не менее крупного духа предков. Гарб, по совету Бурбалки, воспользовался простеньким, но очень впечатляющим заклятием иллюзии.

Можно было бы применить заклятие роста, но оно действовало только кратковременно, да и гоблин наотрез отказался повторно появляться у холонокровных гадов без одежды. В общем две гигантских фигуры произвели на ящеров, у которых день и без того был полон впечатлений, добивающее воздействие. Их желание драться окончательно испарилась. Все попадали ниц и принялись громко звать к предкам с мольбами о защите.

Старательно всех игнорируя и ни с кем не встречаясь глазами, гобхат быстро прошмыгнул мимо рядов распростертых рептилий. «Дух предков» эффектно прошел сквозь окоченевшего от ужаса смельчака, рискнувшего поднять голову и посмотреть, куда направляются визитеры. Раздался сдавленный вопль, и храбрец повалился на землю, дрожа каждой чешуйкой на теле. Больше никто не поднимался.

— А ты заметил, что их стало больше? — спросил шаман у Бурбалки, когда они отошли на приличное расстояние.

— Твоя правда. Видать, позвали соседей в гости. Не обращай внимания.

Они двигались по болоту, свернув с проторенной тропы, поросшей по краям осокой. Эту тропку вытоптали лапы десятков поколений болотных жителей, и вела она к выходу из топей. Каввеля угораздило свернуть с правильного пути, когда он купился на приманку, оставленную специально для любопытных путешественников.

Любопытство такого рода наказуемо, и болтающийся в подвешенном вниз головой состоянии минотавр стал тому наглядным подтверждением. Топор валялся на земле, и висящий только беспомощно раскачивался, наивно надеясь за что-нибудь зацепиться. Глаза крупнорогатого покраснели, и он натужно сопел. Возможно, от прилива крови к голове, хотя Бурбалка вполголоса предположил, что от уязвленного самолюбия. Заметив друзей, спешащих ему на помощь, Каввель призывно замахал руками и замычал.

Начинало светать, и вот-вот должно было начаться превращение двуногого в четвероногого. Не успел Гарб подойти на пятнадцать шагов, как из болота со смачным «хлюп» выполз очень милый лупоглазый зверек. Телом он напоминал мокрицу, только крупнее в пару сотен раз, а его клешни забавно раскачивались из стороны в сторону на тонких шнурочках, соединяющих их с телом.

Лупоглазка внимательно посмотрела всеми глазами, коих насчитывалось не менее десятка, сначала на Гарба, потом на висящего минотавра. Было почти физически слышно, как в малюсенькой голове многоножки вертится нелегкий выбор между беззащитным кормом и возможностью поохотиться. Судя по тому, что тварь развернулась к Гарбу задом, выбор был сделан в пользу немедленного утоления голода. Минотавр с достоинством и презрением посмотрел прямо в глаза тварюге, которая, ничуть не смутившись, засемила в его сторону.

— Спасай его, пока не поздно! — крикнул Бурбалка.

Гарб выхватил шпагу и угрожающе заорал. На тварь это не произвело ровным счетом никакого впечатления. Она только ускорила движение. Шаман произнес заклинание, с его левой ладони сорвался лучик желтого цвета и попал монстру по панцирю. На толстой шкуре остался след, запахло горелым, но голодный зверь и не подумал останавливаться.

Гобхат схватил один из камней, которых на тропе валялось в изобилии, и запустил его в голову зверюги. Снаряд попал прямехонько в тело... минотавра. Потoki отборной морской брани заставили даже многоножку на секунду опустить клешни и остановиться. Она удивленно вылупилась на висящий матюгальник, а потом развернулась передом к шаману, который бросил еще два камня и попал-таки в стык между панцирем и одной из лап мокрицы.

Наверное, это было больно. Лупоглазка, слегка прихрамывая, пустилась в нелегкий путь за своим обидчиком. Шаман продолжал швырять камни, ничуть не облегчая тварюге задачу преодоления разделяющего их расстояния. Спотыкаясь, многоножка кое-как достигла того места, где стоял гоблин. К ее разочарованию, он переместился дальше и снова начал метать

увесистые булжники. Из-под панциря послышалось возмущенное рычание, затем чудище изогнулось, покряхтело и разделилось надвое. Из второй части сразу показались такие же точно глаза и клешни. Гоблин присвистнул.

— Чую, камнями тут не отделаться! — услышал он голос духа. — Придумай что-нибудь!

Шаман нашел реквизированное у ящеров огниво, высек искру и снова стал колдовать. На этот раз с его лап сорвался большой огненный шар и устремился к мокрицам. Обе особи немедля свернулись клубочками. Когда огонь накрыл их, последовала яркая вспышка, раздался грохот и все затянуло облаком сизого дыма. За дымовой завесой послышалась возня, и через мгновение на Гарба выползли уже четыре огромных мокрицы с клешнями наперевес. Двигались они на удивление быстро, хотя по размерам вчетверо уступали первому экземпляру.

— Ой, — сказал гоблин и побежал, попутно удобнее перехватывая шагу.

Бег по болоту может быть весьма увлекательным занятием, если, конечно, забыть про грязь, комаров и трясину. Безумная гонка по кочкам с преследователями на хвосте вообще не поддается описанию по остроте испытываемых ощущений. А если они бегают быстрее вас? Минуты не прошло, как маленькому гоблину ничего не оставалось, кроме как отчаянно отбиваться шагай от четырех пар клешней, прижавшись спиной к чахлому деревцу. К счастью, мокрицы оказались не очень сообразительными и пытались наседать одновременно, мешая друг другу. Догадайся хотя бы одна из них зайти сбоку, и у шамана не было бы ни единого шанса на спасение.

— В скворечник лупи! — подсказал Бурбалка, не в силах помочь чем-то еще.

— Куда? — пыхтя, переспросил Гарб.

— Откуда глаза торчат, в стык между створками панциря!

За пять минут яростной схватки гоблин, последовав совету, успел ткнуть шагай в три глаза, отрезать одну из клешней и не получить при этом ни царапины. Твари хрипели, задыхаясь от взятого темпа, но не прекращали попыток ухватить наглую добычу за мягкие места. Вдруг разом все четыре особи отползли на небольшое расстояние, давая Гарбу передохнуть. Он не успел удивиться такой щедрости, а существа уже сплелись в клубок, снова обнаружив на выходе одну большую многоножку. Не тратя времени попусту, Гарб бросился бежать. Шагов за ним не было.

— Берегись! — услышал он предостерегающий окрик Бурбалки.

Гоблин на бегу пригнулся, вжал голову в плечи и вильнул всем телом в сторону. Рядом с ним плюхнулся зеленый комок слизи. Скользящая дрянь отвратительно воняла, а ее цвет наводил на мысли о яде. Неожиданно в голову шаману пришла идея. Он развернулся, выхватил из-за пояса рунную рубаху, пропитанную энергией. Скомканную одежду, шаман обернул в магический кокон, чтобы утяжелить снаряд, и швырнул заклинанием в чудовище. Мокрица отбила рубашку клешней с оглушительным «Бум!». Гоблина сбило с ног ударной волной.

Взрыв образовал в тропе огромную воронку, разметав грунт в разные стороны на добрую сотню футов. Возникшая яма немедленно заполнилась водой, а Гарб почувствовал тошноту и слабость. Теряя сознание, он увидел, что его левая лапа измазана в той самой густой зеленой слизи.

Часть 2: Перерождение. Глава 12

Несколько младших богов разных рас объединились, чтобы остановить бессмысленное противостояние. Нашлось место во вселенной, где божественная воля оказалась бессильна. Это была Лумея — Первичный мир. Там другие боги не смогли бы навредить их смертным детям. Туда и решили переправить всех до единого.

Гарба пришлось долго выхаживать. Каввель нес его на руках и ласково называл малышом, пока тот не слышал. Нес так же бережно, как переносят сосунков, у которых еще не выпали молочные рожки. Когда приходило время, минотавр мазал его гадостью, которую посоветовал сделать из разных трав и корешков Бурбалка. Время от времени ноша стонала, и тауросу тут же останавливался, чтобы облегчить страдания бедняги. Если бы пирата в этот момент увидел бы кто-нибудь из старых морских быков, не поверил бы глазам.

— Значит, он все-таки сумел исполнить пророчество? — спросил призрак во время одной из стоянок, не особо надеясь на ответ.

Каввель наконец вполне осознал, что имеет дело с человеком, хоть и в несколько измененном виде, и теперь предпочитал высокомерное молчание. Вот уже неделю он говорил только по делу, бросаясь быстрыми, как выстрелы из корабельной баллисты, фразами. Именно сейчас, пока руки отдыхали, тауросу все-таки снизошел до беседы. Видимо, его действительно пронял искренний рассказ призрака, и он решил отплатить той же монетой. Хотя, он мог просто привыкнуть к мысли, что Бурбалка не простой человек, а все же союзник, спасший ему жизнь. Дух не стал допытываться до правды, боясь спугнуть удачу.

— Пока салага дрался за мою жизнь, я преспокойно висел себе на дереве кормой вверх, будь прокляты эти подлые чешуйчатые негодяи! — начал минотавр.

— Я как бы тоже тебя спас, — тихо напомнил призрак, но Каввель как будто и не заметил его слов.

— И тут рассвело. Будь я проклят, если бы я уже не был проклят и не превратился в быка с первыми лучами солнца! Веревка обрывается, и я как есть всем водоизмещением несусь с высоты своего роста прямиком на палубу! В этот самый момент сижу я в треклятом Шеоле, вижу, как тело мое бычье сейчас вот-вот шмякнется, а меня что-то хватает за шкуру, как кок трюмного котяру на камбузе, и тащит на Лумею.

Минотавр прервался, чтобы поменять холодный компресс на пылающем лбу Гарба, и вернулся к костру.

— О чем это я? А, точно. В полете, значит, успеваю обратиться в самого себя и легко швартуюсь, как летучая рыба ныряет в волну. Как есть клювом вниз, зато в своем теле. И ты ж помнишь, как эта армада чешуйчатых мошенников появилась? Небось ловушку проверять пришли. Знатно я с ними якорями тогда сошелся, аж устал. Зато пустил ко дну почти всех.

— Так ведь...

— Да, точно! Малыш-то уже в отключке лежал тогда. Это ж такое геройство! Вот я и решил, что это оно самое и есть пророчество. Он два раза мне жизнь спасал и секиру вернул. В тот раз он тоже головой рисковал. Его ж наверняка искали. Я, конечно, поначалу посомневался. Думал, что ошибка случилась, а на второй рассвет понял: пророчество Торгарона сбылось. Тысяча чертей, я снова могу видеть солнце! Теперь у меня есть год,

целый год в запасе, чтобы отплатить за добро добром. Скорей бы он проснулся!

Под конец рассказа гоблин вдруг застонал и потянулся лапами к голове. До этого он все время лежал пластом и не двигался, поэтому Каввель немедленно бросился проверять состояние друга.

Гарб между тем вовсе не горел желанием просыпаться. Может, и хотел бы да не мог. Он долго метался в горячечном бреде, в котором видел исключительно неприятные вещи, заставляющие его переживать снова и снова ужасные годы обучения искусству общения с духами. Шаман заново испытывал боль от битья палками, питался помоями, подвергался унижениям и оскорблениям. Его тщедушное тело ослабло и исхудало до такой степени, что минотавр нес его без каких-либо усилий. Слизь болотной твари долго не отпускала разум, хотя тело уже оправилось и приготовилось жить дальше.

Очередной страшный сон-видение грубо прервали похлопываниями по щекам. Боль была невыносимой: каждый хлопок отдавался тяжелым гудением в голове. Однако именно она помогла шаману разлепить веки, и еще немного затуманенным взором он посмотрел вокруг. Болотный пейзаж уступил место бескрайним зеленым лугам, желтым полям и бездонному синему небу. Хотелось есть и пить, но особенно хотелось прекратить шлепки по морде. Шаман протянул лапу с целью пресечь издевательства над своей особой и сразу пожалел об этом, потому что тут же оказался оглушен радостными воплями Каввеля.

— Да тише ты, увалень! — шикнул на минотавра Бурбалка. — У парня голова, небось, тяжелее чугунного колокола, а ты разорался тут.

Минотавр притих, и Гарб благодарными глазами узрел призрачную фигуру, которая кружила в воздухе, выписывая замысловатые пируэты, бесшумно обозначая таким образом свою радость.

— Долго я находился в бессознательном состоянии? — слабым голосом спросил он.

— Порядком, — вполголоса поспешил ответить за Каввеля дух. — Главное, что очнулся, а то мы уже надежду потеряли.

Гарб перевел взгляд на широко улыбающуюся морду минотавра.

— Рад снова видеть тебя здоровым, старый пройдоха! Я уж думал, ты совсем концы решил отдать! — весело поприветствовал минотавр Гарба, наплевав на то, что до полного выздоровления гоблина, как до северного океана.

У минотавра имелись свои причины торопить события — ему не терпелось узнать, для какой высшей цели боги предназначили Гарба.

— Открой же мне, боевой товарищ, чем я могу тебе помочь, чтобы полностью освободиться от проклятия! Какое у тебя божественное предназначение?

— Боги мне ничего такого не говорили, — поспешил разочаровать Каввеля шаман.

Однако отрицать было глупо: полноценный двурогий минотавр без каких-либо намеков на обратное превращение в обычного быка стоял среди бела дня перед своими спутниками, горделиво выпячивая черную шерсть на мускулистой волосатой груди вперед. Это могло означать только то, что пророчество наполовину сбылось.

— Значит, воля богов скоро себя проявит, — сделал вывод минотавр.

— А давайте просто сгоняем в Алвар к моему учителю? — предложил Бурбалка. — Глядишь, там и узнаем. Мне кажется, я тоже с вами не просто так встретился. Может, что-то и в моей судьбе поменяется.

Когда окончательно решили и дальше путешествовать втроем, пришел черед духа

отвечать на неудобные вопросы. Каввель молчал пока нес на руках бессознательного гоблина, но теперь его и шамана мучил вопрос, как Бурбалка сумел появиться в пределах материального мира.

Пока компания двигалась в сторону Алвара, Бурбалка по большей части молча оценивал возможности, открывшиеся перед ним на Лумее. Появление духа в материальном мире — вещь немислимая. Однако его персона явно опровергала все существовавшие до этого теории.

Призраки не самые частые гости в этом мире, но теперь точно нельзя сказать, что их тут вообще быть не может. Иной ученый муж бы возразил, что Лумее рождает достаточное количество теней, но даже Бурбалка понимал, что это ничего не доказывает.

Тени — это осколки душ злых людей. В момент смерти дьяволы или демоны часто являются за своей законной добычей — душой грешника. Иногда между охотниками завязываются стычки, потому что сильные духом смертные притягивают множество существ из нижних миров. Победитель бывает настолько ослаблен, что не в состоянии унести всю душу целиком. Тогда он отслаивает от нее ненужную шелуху, своеобразный налет из грехов — сгустки темной энергии, называемой Тэ. Этот налет и образует полуразумные сущности, которые бродят по ночной Лумее, пытаясь обрести покой.

Экзорцисты знают, какую опасность таят в себе подобные порождения тьмы. Тени высасывают жизненные силы живых существ, становясь сильнее и приобретая новую безумную жажду покоя. И ничто не может дать им желанное. Боятся они только яркого света и служителей богов, а обычное оружие и заклинания не могут причинить им существенного вреда, разве только ослабляют самую малость.

Бурбалка откуда-то знал, что в теневой мир попадают самые сильные из таких сущностей, откликаясь на зов Умбры. Может, это и есть их покой, хотя призрак в этом сильно сомневался. Очень уж неприятной оказалась прозорливость мира теней, которую он испытал на своей шкуре.

Выходит, тени — хоть и случайные порождения Лумее, но все же ее неотъемлемая часть. Их появления вряд ли можно отнести к чему-то из ряда вон выходящему. Иное дело — дух. Настоящий мыслящий дух принадлежит Шеолу. Туда попадают души всех умерших, которые не заслужили при жизни участи быть дьявольской добычей, но и не были в достаточной степени добродетельными, чтобы попасть в один из благословенных миров в соответствии со своими верованиями. Миры богов для каждой расы свои, а вот Шеол общий, хоть и разделен какими-то перегородками. Это Бурбалке удалось выяснить, странствуя по его просторам.

— Все-таки нас очень интересует, как ты попал в мир живых? — озвучил вопрос Гарб всего через полчаса после того, как смог самостоятельно встать на ноги. — Если я все правильно понимаю, ты единственный, кому удалось сломать барьер между мирами.

— Ну, типа... — начал Бурбалка, но под строгим взглядом шамана желание сочинять небылицы куда-то улетучилось.

Слишком уж пронизательным оказался этот гоблин.

— Я очень долго копил силы и знания, — наконец честно сказал призрак. — Я и раньше открывал порталы, но это первый, в который я смог протиснуться. Наверное, раньше сил не хватало. В этот раз очень помогла тень, которая с Каввелем воевала. Я ее слопал, и меня сразу выпустило. Только все силы из меня как испарились и пополнить нечем.

— Ага, — потирая подбородок, сказал шаман, — значит, теория сохранения энергии работает даже в планарном масштабе. Как интересно мир устроен.

Каввель недоуменно посмотрел на чересчур умного гобхата, но тот уже требовал продолжения и даже не подумал пуститься в объяснения.

— Да, говорю, ваше досуха меня высушило, — согласился Бурбалка, переходя к своей обычной манере разговора. — Подкормиться бы не мешало, но нечем.

— Мы поможем, — пообещал за обоих Гарб. — Ты феномен, и я собираюсь тебя как следует изучить. Может быть, нам даже удастся вернуть тебе тело.

— Ура! — неподдельно обрадовался призрак.

Если гоблин действительно вызвался помочь и не соврал, то это существенно упрощает задачу. Впрочем, Бурбалка не спешил слепо доверять ни Гарбу, ни тем более Каввелю, поэтому и не стал открывать им всей правды.

Тень он не уничтожил, а втянул через портал внутрь, поменявшись с ней местами. Получилось как-то само собой. За время пути он не раз пытался обмозговать случившееся и пришел к выводу, что это был единственный шанс вернуться домой. Законы вселенной не допускают свободного перемещения между мирами. Во всяком случае для духов.

Пытаясь попасть в другой мир, Бурбалка создавал дисбаланс в потоках энергии, как сказал бы его учитель. Сразу появлялся энергетический ураган и затягивал узника Шеола обратно, как бы он ни упирался. Идея заменить себя на существо из чистой энергии с Лумей возникла внезапно, когда он увидел в окошке портала неравный бой рогача с тенью. Ураган стих, стоило Бурбалке втянуть ее внутрь. Поднатужившись, он сумел выскочить наружу чуть живой, зато довольный до чертиков.

Была еще одна причина, по которой призрак страшился рассказывать о подробностях. Гарб, дорвавшись до новой информации, наверняка бросился бы ставить эксперименты с пространством, а это могло плохо для него кончиться. Бурбалка не желал парнишке своей участи и решил, что от таких знаний смертных, и этого любопытного в особенности, надо старательно оберегать.

Прояснив для всех явление живого духа миру, компания двинула дальше по намеченному маршруту. Каввелю все же пришлось нести гоблина. Гарб сумел встать, но не прошел и пары шагов, как его ноги подломились.

Бурбалка между тем продолжал думать и оценивать свое состояние. Получалось, что он почти невидим. Компаньоны сказали, что днем в воздухе угадывается лишь неясный прозрачный силуэт. Дух мог принимать любую форму и легко проходил сквозь любые препятствия. Работа мысли привела его к довольно очевидному решению: если большая часть энергии на Лумее находится в твердой и недоступной для его призрачных зубов форме, то нужно найти более удобный источник.

— Интересно, получится ли зачерпнуть из горящего костра? — подумал он и улыбнулся невидимыми губами.

Понемногу они начали выводить своих детей в новый мир. Только не все боги хотели жить в согласии. Многие находили упоение в жестокости битвы и сражались ради самого сражения. Эти злые боги впервые объединились, чтобы не позволить другим уйти с их последователями в открытый мир. Так наступил День Исхода.

Гарб еще не успел толком восстановиться, когда в пределах видимости возник человеческий город. Флаги на башнях его крепостных стен горделиво развевались, а вымушгрованная стража сменяла друг друга с завидной регулярностью, вызывая определенные опасения у троих путников желающих попасть внутрь для пополнения припасов. Слишком уж подозрительными для людей выглядели гоблин с минотавром. А вот Бурбалка при свете дня почти никак не выглядел, поэтому его и послали на разведку.

За время пути Каввель наловчился добывать пропитание охотой. Когда прицельное метание боевой секиры и ножей в пробегающую живность не давало результата, что происходило почти каждый раз, минотавр просто искал птичьи гнезда на деревьях и срубал стволы одним взмахом своего грозного оружия. Потом собирал выпавших птенцов, битые яйца и регулярно нарывался на праведный гнев пернатых родителей.

Неоднократно воину с позором приходилось отступать под градом снарядов, которыми пичужки помельче щедро поливали его на бреющем полете. Более крупные пернатые норовили выклевать минотавру глаза, и, если бы не кошачья грация, вернувшаяся к пирату после тренировок на свежем воздухе, у Каввеля могло бы недоставать не только уха. Правда пичуги преуспели в вырывании шерсти, так что теперь у него на затылке красовалась изрядная проплешина.

Диета из птичьих яиц еще ни у кого благотворно не сказывалась на пищеварительном тракте, и как минотавр, так и гоблин мучились животами. Сразу после отбытия духа Гарб пожелал более сносной еды. Желание маленького шамана с некоторых пор стало законом для его большого друга. Не то чтобы минотавр был рабски услужлив, но в разумных пределах всегда был готов выполнить просьбу компаньона.

Костер из еловой хвои? Пожалуйста! Сбор из листьев и корней шалфея, люцерны, медуницы и страстоцвета? Расскажи, как они выглядят, и я их добуду!

Бурбалка, разумеется, скептически смотрел на такие задержки в пути, но помалкивал, надеясь, что шаман понапрасну не гоняет минотавра, а все заказы делает в целях своего скорейшего исцеления. Сам Гарб тоже по большей части молчал, отдавая слух во власть шума ветра, залиvistого птичьего клекота и стрекотания насекомых. Впрочем, эти шумы мало его занимали. Он просто пытался вычислить, на кой ляд он сдался своим странным спутникам.

С минотавром все более-менее понятно — глупое проклятие, но Бурбалка... Гарб терпеть не мог, когда его гениальный мозг чего-то не понимал, и всегда начинал тихо злиться по этому поводу.

Отправив минотавра в очередной раз за провиантом подальше, он решил потренироваться в практической магии и вспомнить былые навыки без нежелательных свидетелей. Телесная боль на самом деле давно прошла, но притворяться немощным было удобно.

Произведя несколько манипуляций с магическими потоками, шаман вобрал в себя столько энергии, сколько смог. Получилось значительно меньше, чем в волшебной одежде, бесцельно сгоревшей в костре у ящеров. Про себя Гарб решил, что при первой возможности смастерит костюм лучше прежнего. Сделав еще несколько магических упражнений, гoblin принялся фехтовать.

За этим занятием его застал вернувшийся разведчик. Бурбалка какое-то время беззвучно висел, слегка искажая солнечный свет, затем не выдержал и кашлянул, чтобы привлечь внимание. Кашель в исполнении призрака заставил шамана подпрыгнуть.

— А чтоб тебя! — буркнул Гарб. — Духам не положено кашлять, да еще за спиной!

— Ну, прошу прощенья. Призракам вообще много чего не положено, но я не большой охотник до крайностей, — парировал дух и уронил из воздуха к ногам гоблина книжку.

Шаман удивленно поднял тяжелый фолиант, сдул с него пыль и прочитал название, написанное на малопонятном ему древнечеловеческом. Название гласило «Сіє єсть съ Божією помістю пісаний трудъ о тваряхъ дикихъ».

Ниже мелким шрифтом было добавлено «Размышленіє о сравнительномъ достоинствѣ въ отношеніи нелюдей разныхъ срѣдствъ і способовъ убіѣнія».

— Что это? — спросил он у Бурбалки.

— О, это офигительное чтиво. Глянь на досуге. Особенно интересные там странички о твоих родичах.

Гарб полистал книгу, наткнулся на иллюстрированную статью про гоблинов, и углубился в чтение, с трудом разбирая непонятные фразы. Сначала он побледнел, потом посерел и захлопнул книгу.

— Дикость какая-то! — выдавил шаман из себя.

— А то! — обрадовано поддакнул дух. — Полюбуйся, как тут любят вашего брата.

— Вижу, — глухо отозвался шаман. — А как ты ее принес? Книгу.

— Это самое интересное! — с энтузиазмом начал Бурбалка. — Помнишь, на днях костер погас ночью? Каввель тогда еще ворчал, что за хворостом надо опять идти.

— Ну, помню. Спать мне не давал, топал своими копытищами. Это ты к чему?

Гoblin задрал голову и попробовал рассмотреть у почти прозрачного силуэта черты лица. Они стали видны чуть больше, чем раньше. Человеческие, кажется, но это все, что удалось разобрать. По большому счету, призрак никогда не говорил, кем был при жизни. Он мог оказаться как эльфом, так и гномом.

— Это я костер погасил. Зачерпнул из него энергии, он и погас. Ее было маловато, но я малек восстановил силу. И тут же зацепился за дерево.

— Чего? — не поверил Гарб.

— Того! — ответил Бурбалка. — С дерева листья посыпались. Я стал как бы немного плотным. То есть, сквозь предметы еще прохожу, прозрачный пока, но могу трогать и даже переносить вещи, если немного постараюсь. Иногда, правда, цепляюсь за что-то.

— Думаешь, есть теоретический шанс полностью вернуть тебе материальное тело, если использовать достаточное количество разных источников энергии? — задумчиво почесал подбородок шаман.

— Не знаю, — печально ответил дух. — Я пробовал то же самое на других кострах, но ничего не вышло. То ли в месте было дело, то ли еще в чем, но тогда получилось, а сейчас нет.

— Ты главное не переживай! — искренне попытался утешить его Гарб. — Первый шаг

уже сделан, а дальше будем ставить эксперименты и найдем способ сделать тебя материальным.

Бурбалка сделал в воздухе кульбит, и Гарба обдало легким ветерком.

— Вот это меня и пугает. Учитель так всегда говорил, когда начинал самые ужасные опыты над живыми и не очень, — призрак еще раз перевернулся за отсутствием возможности иначе выразить свои чувства.

— Кого тут на опыты сдать хотят? — возникший неподалеку Каввель возмущенно фыркнул, выражая негодование.

Как посмели обсуждать без него что-то важное!

Минотавр держал в руках освежеванную тушку енотовидного скунса. Толстый слой грязи покрывал тауросу с копыт до головы. Вероятно, животное пришлось выковыривать из норы, и оно не сдалось без боя, оставив следы острых зубов на кожаном налядвеннике[1] гиганта.

— Пока никого, если ты не будешь упорствовать, и дальше добывая таких тварей нам на пропитание, — проворчал Гарб, морщась от приторной скунсовой вони. — Хотя у нас сейчас есть прекрасные шансы стать подопытными.

Каввель взял протянутую книгу. Читать на человеческом он не умел, но ему хватило рассматривания гравюр в книге, чтобы с видом знатока поцокать языком. Дойдя до главы с минотаврами, пират решительно захлопнул фолиант.

— В город не пойдем! — заявил он.

— А вот и нет! — моментально среагировал Бурбалка. — Вам обязательно надо туда попасть!

— Чтобы украсить нашими головами стены местного музея? — иронично вздернул бровь Гарб.

Его желтые кошачьи глаза с вертикальными зрачками щурились, будто от яркого солнца, хотя светило еще утром спряталось за тучами и вылезать оттуда упрямо не желало.

— Если не будете делать глупостей, уйдете без потерь и с добычей, — назидательным тоном, словно малым детям, сказал дух.

— Это еще как? — вмешался минотавр. — Мы, конечно, можем выкинуть белый флаг и подгрести к воротам, спрятав оружие в торбу. Но мне сдается, что в нас понаделают дырок раньше, чем мы сможем поприветствовать их честь по чести.

— А мы попросим нашего юного волшебного друга немного поколдовать, — предложил Бурбалка.

— Хм, — поглаживая подбородок, глубокомысленно произнес Гарб. — Заклинанием я вряд ли что-то смогу сделать, а вот зелье...

— По твоим глазам, боцман, я вижу, что ты что-то придумал! — улыбнулся минотавр одними губами. — Если это так, то не томи.

Шаман все еще что-то обдумывал, шевеля губами и, как будто, общался с кем-то внутри себя.

— Есть у меня одно хитрое колдунство, — гоблин наконец очнулся от раздумий и изобразил сложность приготовления зелья хаотичным движением лап. — Только не уверен, что оно у меня получится. Раньше не пробовал, а теперь без своего костюмчика...

— Ты напрягись, — посоветовал дух. — Там реальный куш взять можно.

Так и не добившись прямого ответа о качестве награды, Гарб затребовал кучу ингредиентов, часть из которых в добровольно-принудительном порядке вызывался добыть

недовольно бурчащий Каввель. Небольшой остаток взял на себя сам шаман. Бурбалка летал то к одному сборщику даров природы, то к другому, давая дельные советы, за которые его периодически посылали подальше. Дух почти не обижался.

Первым не выдержал Гарб. Натянутые нервы, на которых призрак бренькал своими язвительно-ироничными комментариями, лопнули, выпуская в воздух потоки жутковатой нецензурщины сразу на нескольких языках. К своему удивлению, гоблин осознал, что владеет обширным словарным запасом, и способен в этом отношении потягаться с иным уличным бардом-частушечником. Даже минотавр, привычный к разговорам с моряками, заслушался.

Когда изливания иссякли, Гарб смущенно извинился и попросил, пока не стемнело, принести из города какое-нибудь пособие по нетрадиционной медицине для излечения Каввеля. На недоуменный взгляд минотавра и невысказанные возражения шаман скорчил такую страшную рожу, что заставил пирата перехватить свое возмущение на подходе к голосовым связкам и запихнуть его поглубже внутрь. Дух из-за дневного света не мог толком рассмотреть своих спутников, поэтому, не заметив подвоха, охотно согласился поискать нужную книгу и направился в сторону города.

— Фу, — облегченно сказал Гарб, когда Бурбалка скрылся из виду. — Давай, живенько копыта в руки и собирай то, что еще не успел, пока наш союзничек не пожаловал обратно.

Колдунство удалось на славу: по возвращении дух разведывательного назначения узрел перед собой двух гуманоидов, которых с некоторыми натяжками можно было отнести к виду *Homo Bipedis Erectus Quasi-Sapiens*[2], то есть к среднестатистическому обитателю человеческого поселения.

Один из них — высоченный детина, будто сажень проглотил, голубоглазый, черноволосый, с благородными чертами лица, простодушными телячьими глазами и пудовыми кулачищами. Второй — плюгавый коротышка, с маленькими оттопыренными ушами, приплюснутым носом, непропорционально длинными руками и хитринкой в очень умных, но постоянно бегающих карих глазах.

Зрачки плюгавого человечка при ярком свете сужались в узкие вертикальные щелочки. Впрочем, глубокие глазницы и низко нависающие над ними кустистые брови давали странном глазам отличное укрытие от пристального любопытного взгляда, обладатель которого мог бы заподозрить в коротышке некую необычность.

Оба человечка внимательно разглядывали себя и друг друга, издавая разнообразные звуки, выражающие целую гамму эмоций. Бурбалка взлетел чуть повыше и шлепнул на голову коротышке книгу, выведя его из созерцательного состояния. Плюгавый ойкнул и погрозил кулаком духу, начинавшему обретать видимость с заходом солнца.

— Что, думал, в сказку попал? — мстительно заявил призрак, обиженный тем, что колдовали без его любопытствующего присутствия.

Щуплый человек разинул рот и разразился потоками отборной морской брани, поминая всех призраковых родственников до седьмого колена. Это немедленно вызвало у Бурбалки смутные подозрения о пошедшем не так заклинании: голос принадлежал минотавру. Подозрения подтвердились, когда верзила заговорил высоким голосом гоблина.

— Ну, и зачем нужно было менять ингредиенты местами? — потряс он кулаком перед носом у плюгавого.

— Ты сам кричал, что шустрее надо, я чуть-чуть ошибся! — попытался оправдаться

коротышка.

— Ааааа, ща здохну! — зашелся в приступе истеричного хохота Бурбалка.

Призрак сотрясался сам и едва заметно сотрясал листья деревьев вокруг себя.

— Верни все обратно, самым дорогим прошу! — жалостливо заканючил крайне замаскированный пират.

— Не хочу! — отрезал шаман. — Ты напутал, теперь сам и выкручивайся. А мне так даже нравится. К тому же пока действие зелья не кончится, ничего поменять нельзя. Пару дней придется потерпеть.

Каввель надул губы и отвернулся. Впрочем, длилось это недолго, потому что через минуту он опять принялся выклянчивать обратное превращение. Наконец дух проржался и прекратил жалобы экс-минотавра известием о предстоящей вылазке в город. Время перед сменой караула как нельзя более подходило для проникновения в логово врага.

— К стражам ворот смена приходит на закате, после чего в город пускают еще около часа, а затем входы-выходы наглухо закупоривают, и случайных опозданцев, близко подошедших к стенам, на всякий случай расстреливают из арбалетов, — радостно сообщил Бурбалка, намекая, что времени осталось мало.

Соответствующие предупреждения, развешанные на деревьях на расстоянии полета арбалетного болта от городских стен, красноречиво подтверждали слова призрака.

— К концу смены стражники расслабляются. Им скоро перепадет вкусно покушать и баиньки в мягкую уютную постельку. Может, и под бочок кого теплого повезет положить, — пояснил дух. — Вот они бдительность и теряют. Самое время идти.

— Да, в толпе людей, спешащих вернуться в город до заката, мы сможем укрыться от внимания караульных, — согласно кивнул Гарб.

Троица двинулась в сторону дороги, ведущей к городским воротам, а книгу по врачеванию отправили в торбу «на черный день». По мере приближения к городу становилось все очевиднее, что коротышка нервничает.

— Все, дальше мне с вами нельзя, — сказал Бурбалка. — Темнеет, и меня отлично видно. Встретимся на центральной площади через час. Там есть такая уютная темная ниша в одном из переулков. Я буду в ней. До скорого!

— А как ты туда доберешься, не попавшись никому на глаза? — поинтересовался шаман.

— Сквозь стену пройду, разумеется, — ответил дух. — Потом буду скрываться в тених, я ведь как-никак наполовину тень.

— А напомните мне, зачем мы туда идем, — подал голос Каввель.

Наигранная уверенность прозвучала на редкость фальшиво.

— Великий минотавр боится? — приторным тоном переспросил Гарб.

Коротышка горделиво выпятил грудь, задрал голову вверх и ответил со смешанной гаммой чувств в голосе:

— Нисколько, но я должен знать, чего ради ходить по доске.

Получилось не очень убедительно, но больше подначивать минотавра никто не собирався, поэтому Бурбалка ответил просто:

— В одном доме есть потайной ход. Я его случайно обнаружил, когда сновал по городу, разведывая обстановку. Может, и не случайно. Меня туда будто что-то потянуло.

— Это не ответ на прямо поставленный вопрос, который я целиком и полностью поддерживаю, — прервал его Гарб. — По здравому размышлению, мне тоже хотелось бы

знать, ради чего нужно рисковать своей головой. Твоей-то ничего не делается, за ее полным отсутствием.

— Согласен, башки у меня сейчас нет, но тудой попасть очень надо. Внизу в подвале дома есть дверь, за дверью склеп, а в склепе...

— Яйцо в утке, утка в зайце... Знаем мы эти байки! Короче, лечи быстрее, Асклепий[3]! — снова перебил призрака Гарб.

— Лечу быстрее, — продолжил Бурбалка, игнорируя неожиданно избыточную эмоциональность собеседника. — В склепе покоится один замечательный во всех отношениях скелет. Во-первых, он лежит спокойнехонько, что само по себе хорошо. Во-вторых, его никто не сторожит, а в-третьих, у него в гробу есть замечательная волшебная штука, украшенная десятком красивых камушков. Вам на дорожку обязательно нужно разжиться золотишком.

Каввель страдальчески сморщился. На его теперь человеческом лице отражались два противоречивых чувства: любопытство и страх.

— Камушки — неплохо, — пробормотал он. — Только чую, что эта затея дырявая, как пиратская посуда.

— А что конкретно делает эта штука? — уточнил шаман.

— Понятия не имею! — честно признался дух. — Но от нее разит такой магией, что за милю можно почуять.

Шаман с сомнением почесал щеку и спросил:

— А вдруг эта твоя штука проклята? Магия не темная?

— Да не, откуда? Я бы почуял, — неуверенно возразил Бурбалка.

В воцарившейся полной тишине было слышно, как вполголоса скулит минотавр. Видимо, вместе с ростом гоблина ему передались еще и кое-какие черты характера последнего. Не имея богатого опыта Гарба по сдерживанию своих инстинктов, Каввель практически полностью отдался на их милость. Гоблин же, напротив, утратил присущую ему трусость, зато обрел высокомерие и молодецкую лихость пиратского капитана. Смесь получилась дьявольская в обоих случаях. Эта лихость и разрешила все сомнения в пользу авантюры.

— Была не была, идем! — коротко бросил шаман на правах самого сильного, а значит, и главного.

Бурбалка был изначально за, а у погрузневшего Каввеля не нашлось достаточно смелости и аргументов, кроме «мы все там подохнем!», чтобы отговорить новоиспеченного вожака от безумной затеи.

[1] Налядвенник — ножной доспех, защищающий бедро от пояса до колена (прим. авт.)

[2] Человек двуногий прямоходящий почти разумный (древ. эльф.)

[3] Человеческий бог врачевания (прим. авт.)

И началась великая битва сил добра с силами зла. И призвали злые боги на свою сторону дьяволов-жахани, нарушив прямой приказ Део никогда не иметь дел с отступниками. В разгар битвы явился Создатель во всем своем величии и одним словом прекратил сражение. И было Слово Део.

Двое дюжих мордатых караульных, одетых в короткие кожаные штаны, ржавые кольчуги и шлемы, недлинными копьями поочередно преграждали вход в город каждому из желающих попасть внутрь. Мелкие монеты с еле слышным позвякиванием перекочевывали из мозолистых крестьянских рук в кожаные с металлическими заклепками перчатки стражников, а затем и в карманы их владельцев.

Еще четверо таких же стражей только без шлемов на головах азартно резались в кости за столиком в караульной будке при мерцающем свете маленькой масляной лампы. Периодически один из них поглядывал на солнечные часы, которые громко тикали и показывали время даже в полной темноте и неодобрительно качал головой. Часы эти в шутку зачаровал один странствующий маг около двухсот лет назад. Горожане привыкли, а путешественники все еще удивлялись.

До смены оставалось целых пятнадцать минут, а поднадоевшая игра смертельную скуку разогнать не могла. Стражи на входе чуточку подобралась при виде верзилы, идущего бок о бок с карликом. Рассмотрев на лице великана неподдельное добродушие, караульные напустили на себя обычный суровый вид, говорящий всем и каждому, что пора бы подбросить им пару монет. Карлик не заинтересовал.

— Мое почтение, — тонким голосом обратился к ним долговязый. — Не будете ли вы столь задушевно любезны, дабы впустить усталых путников в сей прекрасный гостеприимный город?

Стражники переглянулись. Пришелец нарушил ритуал входа, не менявшийся на протяжении двух сотен лет. У ворот следовало расплатиться тремя медными монетами: две для города и одна для караульных.

Поразмыслив, один из них протянул вперед руку и сложил щепотью пальцы, демонстрируя горячее желание пропустить досточтимых гостей за небольшое материальное поощрение. Второй, увидев его жест, согласно кивнул. Не сговариваясь, со странных чужаков решили взять двойную оплату.

Верзила понятливо улыбнулся одними губами и снял с пояса большую торбу. Шаря в ней, он шевелил губами, что-то бормоча себе под нос. Караульные напрягли слух, но бормотание показалось им сплошной тарабарщиной. Наконец в сумке что-то щелкнуло. Изнутри пахнуло холодом, и долговязый извлек наружу тощий кошель. Он с укоризной посмотрел на обвислые кожаные бока и вытряхнул к себе в ладонь последнюю заваливающуюся внутри монету, оказавшуюся, к его несчастью, золотой.

— Сдачи нет! — поспешно заявил смышленный страж ворот.

— Ну, нет так нет, — великодушно согласился долговязый, невзирая на активный протест со стороны своего низкорослого спутника.

Монета перекочевала из ладони в ладонь, и копья разошлись в стороны, приглашая путников в неширокий проход. Оба странных типа немедленно проскользнули внутрь, не

дожидаясь особых приглашений. Первый охранник бросил подозрительный взгляд на спины удаляющихся оборванцев, которые легко расшвыриваются золотыми, но сразу вернулся к своим обязанностям, когда толпа за воротами зашумела, возмущаясь из-за очередной задержки. «Оборванцы» успели миновать ворота и свернуть в темный переулок, когда со стороны солнечных часов прозвучал звон колоколов, знаменующий начало нового часа и смену караула.

Странная парочка вышла к центральной площади, основательно поплутав по самым значным закоулкам города. Успело окончательно стемнеть, а плана здешних улиц у них не было.

Одежду для вылазки еще днем добыл Каввель. В скудно освещенных переулках от огромного мужика в коже с металлическими заклепками, держащего за руку семенящего рядом карлика в костюмчике из кроличьего меха, все шарахались, как от прокаженных. Компаньоны решили идти туда, где больше света, и там спросить дорогу.

— Какой вы большой! — восторженно пробормотал лысеющий тип средних лет, одетый в кафтан, отороченный настоящим лисьим хвостом.

Он как раз выходил из залитого светом здания с надписью на вывеске «Беспутная нимфа». Каввель по масляному выражению лица и характерным повадкам немедленно опознал в нем сутенера, но решил промолчать. Тауросу все еще злился на Гарба и решил посмотреть, как гоблин выкрутится.

— А у вас все части тела пропорциональны или некоторые поменьше? — обратился незнакомец к Гарбу, с искренним интересом поглядывая куда-то в район кожаных брюк.

Неопытный гобхат не разобрался в ситуации. Он никогда до этого не был в человеческом городе, и неуверенным кивком подтвердил предположение незнакомца.

— Какое везение! У меня как раз лучший угодник заболел, а тут вы! Вас послало само небо! — сальное лицо человека расплылось в широченной улыбке. — Господам непременно нужно зайти в мое заведение. Пропустим по бокальчику эльфийской травяной настоечки, поболтаем немножечко. У меня есть для вас выгодное деловое предложенье.

— Слыш, дядя, мы не по тому профилю, — вмешался тауросу и потянул гоблина прочь. Господин на секунду поменялся в лице, потом искоса посмотрел на обоих и погрозил им пухлым пальцем.

— Ух, шалунишки! А я вас не сразу раскусил.

— Мы, пожалуй, пойдем, — смутился Гарб и, оглядываясь, пошел за Каввелем.

— Вы не пожалеете! — сделал еще одну попытку сутенер. — Работа найдется для обоих! Даже у малыша от клиентов отбоя не будет! Куда же вы?!

Двое охранников полуорков на входе сдавленно хрюкнули, но тут же вернули бесстрастность на лица, как только негодующий хозяин обернулся.

Когда друзья отошли на приличное расстояние, минотавр шепотом объяснил Гарбу что к чему. По мере рассказа у гоблина несколько раз менялась физиономия от слегка удивленной до откровенно обалдевшей.

В означенном переулке их уже поджидал беспокойный призрак. В темное время суток он преобразился в человекообразный темный сгусток. Почти черная фигура периодически выглядывала из стены и начинала водить призрачной головой слева-направо для обзора окрестностей. Узрев наконец компаньонов, она возмущенно фыркнула, привлекая их внимание.

— Сколько можно ждать! — обрушился дух на минотавра.

— Мы заблудились! — контратаковал его Каввель, глядя снизу вверх.

Гарб выписал каждому примирительный щелбан, с удивлением обнаружив, что призрак-тень прочувствовал его не хуже, чем коротышка-минотавр. Не меньше удивился и сам Бурбалка.

— Я, кажется, становлюсь плотным, — изрек он.

— Прекрасно! — разделил его радость Гарб. — Значит, сможешь получить заслуженное возмездие наравне с нами, если в твоём склепе расставлена ловушка. Веди!

Бурбалка послушно полетел к дому с приключениями. Двухэтажный особняк, огороженный высокой железной решеткой, не пустовал. Освещенный верхний этаж не оставлял в этом никаких сомнений.

— Так говоришь, проблем не будет? — мрачно поинтересовался у призрака шаман.

— Никаких ваще! — заверил его Бурбалка. — Пока у хозяев там танцульки, вы спокойно залезете в склеп и прикарманите все ценное.

— А охрана? — скептически напомнил минотавр.

— Да нету тут охраны, — ответил дух. — В доме одинокая молодая вдова. Ну, народу там много, значит, не такая уж и одинокая. Полюбому у ней гости, и в склеп они точняк не сунутся. Кому в голову взбредет лезть к покойникам в разгар такого веселья?

В подтверждение его слов из распахнутых окон донесся звонкий женский смех, сопровождаемый хрустальным звоном бокалов. Затем грянула музыка.

Все еще сомневаясь, друзья обошли дом и проникли во внутренний дворик через отверстие в ограде, указанное призраком. Не знай они наверняка, что лаз существует, никогда бы не догадались искать его в том месте: плющ плотно обвивал изгородь, навевая скорее мысль, что проще перелезть, и скрывая отсутствие целой секции решетки. Затем пришел черед двери склепа, располагавшегося под левым крылом особняка. На оной красовалось изображение львиной морды, в пасти которой виднелась замочная скважина. Гарб подергал за ручку, но замок оказался прочным и не поддался. Петли тоже крепко держались за проем.

— Против лома нет приема, — тихо сказал Каввель и полез в торбу.

Из торбы появился небольшой набор отмычек. Похрустев пальцами, минотавр опытным движением пошарил в замке одной из них, затем второй. Замок щелкнул и дверь приоткрылась.

— Оп-ля! — шепнул он и широким движением руки пригласил всех войти.

— Забери меня тень! — обрадовался Бурбалка. — Не знал, что ты тоже этим промышлял!

Каввель в ответ только криво усмехнулся, вспомнив что-то неприятное из своего прошлого.

Склеп встретил живых запахом тлена и скользкими узкими ступенями, уходящими в темный провал под ногами. Не совсем живой Бурбалка ощутил слабые порталные колебания, сдобренные тяжелой аурой смерти с примесями сильной темной магии. В предыдущий раз магия ощущалась по-другому, а ауры смерти вообще не было. Это могло означать, например, что тут недавно кого-то ритуально убили. Бурбалка поделился ощущениями с компаньонами.

— Я тоже почувствовал, — сказал Гарб, пользуясь внутренним зрением.

— Не нравится мне это, — в очередной раз заныл Каввель.

Гарб предложил ему подождать снаружи, на что минотавр поспешно заявил:

— Один? Снаружи? Ни за что! Вы там без меня пропадете!

Медленно продвигаясь дальше, Гарб почувствовал под ногами каменные плиты пола. Тут он остановился и зажег заранее позаимствованный в городе факел. Пламя осветило землисто-серые стены и низко нависающий потолок, который тут же попытался вызвать приступ клаустрофобии у мародеров, рискнувших нарушить покой последнего пристанища благородного покойника. Коридор уходил вперед с небольшим уклоном книзу, а его очертания терялись в отдалении.

— Только после вас, уважаемый, — Гарб любезным пинком предоставил Бурбалке как инициатору авантюры возможность возглавить спуск.

Призрак недовольно взвизгнул, потому что ощущения с каждым очередным пинком все больше напоминали давно забытые зуботычины, ежедневно выписываемые старым наставником. Положение усугублялось тем, что Бурбалка начал ощущать боль физически. Почувствуй то же самое человек, он бы и не поморщился, но для отвыкшего духа это было слишком. Не успокаивало даже то, что тычки достигали своей цели только раз через три. Бурбалка внушил себе, что пока придется потерпеть, и молча поплыл вперед по коридору. За ним устремился Гарб, а Каввель, опасливо озираясь, замкнул шествие.

Бурбалка резко остановился, что-то почувствовав, и завис в футе перед тяжелой дубовой дверью, обитой железом. Не успевший затормозить гоблин толкнул призрака грудью, и тот впечатался в красивую резную поверхность древесины. Дверь от удара распахнулась.

Перед компаньонами стоял еще довольно молодой темноволосый человек с бледным аристократичным лицом. По мешковатому балахону неопределенного цвета Гарб сразу понял, что перед ними монах одного из бесчисленных орденов, в которые так любят вступать люди, решившие встать на путь очищения от грехов. Этот обычай не прижился среди других народов, но монастыри охотно принимают и представителей других рас.

Парень совершал пассы над каменным саркофагом с костями, преследуя явно магические цели, да его крепкие жилистые руки так и застыли на полувзмахе.

— Вы... как сюда попали? — с трудом выдавил он из себя, стряхивая оцепенение.

— Через дверь! — нахально ответил осмелевший Каввель, выглядывая из-за широкой спины товарища. — А ты кто такой?

— Я Михель из рода ди Лёве! — представился молодчик. — Так что вы тут делаете?

— Мы тут по своим делам! — недовольно ответил Гарб. — А вот что ты делаешь там, где у нас дела? Уж не хочешь ли ты перейти нам дорогу в неполюженном месте?

Монах выпятил волевой подбородок.

— Вы, верно, вы пришли за пожитками этого покойника, — напыщенно произнес он. — Ничего у вас не выйдет, пока я не закончу обряд экзорцизма! Это мой долг!

— А, странствующий клирик, — понимающе изрек гоблин. — Ну, продолжай, мы не очень сильно торопимся. Только скажи сначала, что не претендуешь на наши драгоценности и вот этот интересный магический жезл у скелета в руках.

— Боевой монах, — поправил шамана Михель. — Мне теперь чужды мирские блага, а посему я ничего не возьму из проклятых вещей, которые тут лежат. И вам не советую.

— Сами разберемся, — заявил Каввель.

— Дело ваше, — ответил человек, не прекращая двигать руками, к которым через мгновение присоединились и губы, шепчущие молитву.

Снаружи слышались встревоженные мужские голоса, которым вторил один женский.

— А нет, я ошибся. Мы торопимся! — вполголоса сообщил гоблин.

Монах ничего не ответил, продолжая тихо шевелить губами. Над саркофагом показалось зеленоватое свечение, то ли исходящее из рук монаха, то ли входящее в них. Когда оно достигло пика интенсивности, кости забренчали в каменном мешке, а потом безвольно упали.

— Ну, дело сделано, благодаря Вседержителю, — произнес монах.

На последнем слове дверь снова распахнулась. В проеме показалась толпа вооруженных людей с факелами. Каввель тотчас шмыгнул за спину к человеку, успев выхватить из саркофага жезл с драгоценными камнями. Монах встал в странную позу: одну ногу он поджал под себя, став похожим на журавля, левую руку вытянул чуть-чуть вперед, оставив правую прикрывать область печени, и сжал мозолистые кулаки. Гарб немного растерянно смотрел то на нового знакомого, то на людей за дверью, не решаясь что-нибудь предпринять. Растолкав мужчин, внутрь протиснулась миловидная женщина с ножом в руке, закутанная в свободное черное одеяние.

— Вы за это заплатите! — завизжала она. — Я уже почти подняла этот скелет! Год мучений зря! Взять их!

Не давая никому опомниться, монах в два прыжка достиг визжащей хозяйки дома. Михель схватил вырывающуюся женщину, отобрал у нее нож с рукоятью в виде змеи и приставил к горлу.

— Еще шаг, и она умрет! — угрожающим тоном заявил он.

Мужчины за дверью попятились, но не очень далеко.

— Скажи им, чтобы убирались! — потребовал монах.

Хрипя от натуги и злости, заложница попросила подручных удалиться, за что была поощрительно похлопана по ягодицам свободной рукой.

— Ты выбрал неудачное время для возвращения, изменник, — заскрежетала она зубами.

Ди Лёве начал багроветь, но сделал пару глубоких вдохов и успокоился.

— Теперь уходим! — скомандовал он. — Там в дальнем углу потайной ход.

Все устремились в указанном направлении. Гарб обнаружил открытый проход первым и сразу нырнул в него. За ним последовал Каввель, хоть и несколько нерешительно, потому что никак не мог найти исчезнувшего Бурбалку. В конце концов он тоже вошел, решив, что с призраком ничего страшного случиться не может. Последним прошел монах, втащив за собой отчаянно упирающуюся жертву.

Темный коридор долго петлял и привел всю группу на свежий воздух. Как только за Михелем с тихим шипением закрылась дверь, из глубины склепа раздался дикий вой десятка перепуганных насмерть людей и вопли не менее напуганного призрака. Голос духа перекрывал все остальные звуки, и можно было разобрать, что он обещал страшное наказание всякому, кто посмеет приблизиться на расстояние хотя бы в пять шагов. Отсутствие цензуры в угрозах придавало им изрядную долю убедительности. Видимо, подойти так никто и не осмелился, потому что Бурбалка нагнал товарищей уже через два квартала, вызвав у монаха приступ икоты.

И молвил Део. И даровал он добрым богам и их созданиям свободу, а самых злых вместе с их порождениями заключил в еще один новый мир — Великий разлом. Так появились демоны-пууты.

С заложницей человек распрощался минутой ранее. Надавил на какую-то точку на шее и оставил сладко почивать под пушистым кустом самшита. Теперь, когда ему ничто не мешало выражать свои чувства, монах едва не упал в обморок. Он сел на землю и глотал ртом воздух, выполняя какую-то успокаивающую дыхательную гимнастику. Только широко раскрытые глаза выдавали, что так близко видеть живых теней экзорцисту приходилось впервые. Хотя со стороны казалось, что парень в балахоне просто устал, запыхался и решил передохнуть, сидя на земле.

Гарб и остальные терпеливо дожидались, пока неожиданный союзник вдоволь надышится. Всех разбирало любопытство. Наконец Бурбалка, побывавший в непосредственной близости от острых клинков, напомнил, что пора бы и честь знать. Этим он вывел Михеля из ступора. Монах смущенно кашлянул, поднялся на ноги и зашагал вместе с остальными, попутно извиняясь за свое недостойное поведение.

— ...но мне просто необходимо было прочитать мантру успокоения, чтобы мы могли спокойно продолжить наше путешествие, — закончил он.

— Папрашу пARDону! — тут же отозвался Бурбалка. — А что это сразу «наше»? Ты кто такой ваще? Чьих будешь? На каком, панимашь, основании?

— Кстати, вот это существо подлежит немедленному уничтожению, — завил человек, буравя духа глазами цвета стали.

— А ты попробуй! — издевательски отозвался призрак и на всякий случай спрятался за широкую спину Гарба.

Потребовалось десять минут увещаний, чтобы монах нехотя признал, что разумный призрак не представляет опасности и вообще член команды. После этого шаман вернулся к вопросу Бурбалки и оформил его чуть более витиевато:

— Нас интересует ваша личность в связи с предельной осторожностью, которую следует проявлять в отношении неожиданных новых знакомых.

— Понимаю вашу мысль, хотя и с трудом, — кивнул монах. — Поэтому ответу несмотря на то, что содержимое склепа по праву принадлежит мне. Льва на двери видели? Это герб моего рода.

— Эй, камушки наши! — набычился Каввель.

— И жезл тоже! — подтвердил Гарб, почувствовавший необычайное и ничем не объяснимое волнение, когда руки минотавра коснулись жезла.

— Давайте не будем ссориться, друзья! — примирительно заговорил Михель. — Я и не говорю, что попытаюсь получить от вас какую-то долю того, что вы взяли. Уже давно мне не требуются мирские блага, за исключением еды, питья, сна и женского общества.

С этими словами он встал, широко расставив ноги, и скрестил руки на груди.

— А что, нормальный такой монах — пожрать, нахлебаться, задрыхнуть и бабу! — хохотнул осмелевший Бурбалка.

— Не нарывайся, порождение тьмы! — угрожающе прошипел монах, исподлобья глядя

на человекоподобный темный сгусток, висящий в фуге над землей.

Дух испуганно съежился до размеров кошки и снова спрятался за Гарба.

— Мой орден посвятил себя делу борьбы с вторжениями в наш мир существ из других планов бытия, в частности, из плана негативной энергии — Негана, и теневого плана — Умбры, — продолжил Михель, не отрывая глаз от Бурбалки. — Эти миры представляют наибольшую угрозу для живых существ. Сами по себе они безвредны, но, когда какой-нибудь маг-неумеха открывает портал между нашими мирами и закрывает его неправильно, в образовавшуюся брешь сразу пытаются попасть потусторонние существа. В этом склепе, который принадлежит моей семье на протяжении трехсот лет, лежат кости моего прадеда — известного колдуна своего времени. До самой смерти он занимался экспериментами с порталной магией. К несчастью, во время одного из них он внезапно умер. Оставленный им работающий портал пришлось закрывать его сыну — моему дедушке.

— И чё, дедуля не справился? — насмешливо поинтересовался призрак, почувствовав себя в безопасности. — Там делов-то...

Монах как будто и не двинулся, а только сделал резкое движение рукой в сторону гоблина. Бурбалка взвыл от внезапной боли и сразу умолк.

— Дедушка был неопытным в таких делах и закрыл портал, как сумел, — как ни в чем ни бывало ответил ди Лёве. — Какое-то время все было нормально, но уже после моего рождения с прахом прадеда в склепе начали происходить странные вещи. А потом оттуда стала регулярно выползать всякая нечисть. Несколько лет назад я нашел записи прадеда в семейном архиве, заинтересовался и начал изучать. Выяснилось, что он предвидел такую ситуацию и оставил указания: следовало обратиться за помощью в Старый орден. Я так и поступил.

— Ты стал монахом? — догадался Каввель.

— Не сразу, и не совсем монахом. Если честно, я еще не принял обеты, поэтому пока считаюсь всего лишь послушником. Устав ордена не очень строг — каждый выбирает себе аскезу по желанию. Основное правило только одно — бороться с нечистью при любых обстоятельствах.

Михель еще побуравил тяжелым взглядом Бурбалку и продолжил.

— Я увлекся учением монахов и вступил в орден, оставив жене свое поместье. Уходя, я положил в склеп особый жезл, доставшийся в наследство от отца. Сначала все думали, что это просто красивая безделушка, но из записей прадеда я узнал о его настоящем предназначении — сдерживать появление окон между мирами. Как только жезл оказался в склепе, все проблемы с нежитью решились. Насколько бы хватило его энергии, я не знал, и пошел к монахам за советом и помощью. Кто бы мог подумать, что моя бывшая женушка, потосковав немного, решит обратиться к темным искусствам, чтобы убить время. Это она кости моего прадеда пыталась поднять, и у нее почти получилось. Но, как видите, я успел раньше — и портал закрыл окончательно, и черную магию развеял.

Михель резко затормозил возле таверны, на вывеске которой красовался большой красный глаз, а название гласило «Всевидящее око». Краска на вывеске потрескалась, придавая глазу зловещий вид. Впрочем, это всерьез никого не отпугивало — посетителей внутри хватало. Кто-то горланит пьяные песни и периодически стучал пивными кружками о стойку с требованием добавки.

— Давайте зайдем и посидим в спокойной обстановке? — предложил монах.

— У нас нет денег, — сознались товарищи.

— Я угощаю, — великодушно объявил Михель, чем сразу же вызвал симпатию всех компаньонов.

Бурбалка свернулся в кольцо и поместился на пальце у Гарба, чтобы иметь возможность присутствовать при разговоре и не пугать при этом других посетителей таверны.

Шумное заведение никак не соответствовало определению «спокойная обстановка», но возражений ни у кого не возникло. Каввель истосковался по хорошей попойке, Гарбу это было в диковинку, а все новое он любил. Бурбалка просто промолчал, ничем не выдав своих страхов по поводу случайного знакомого и его бесплатного пойла.

Михель провел спутников к свободному столику в дальнем углу. Все расселись, и он заказал каждому по светлomu. Когда пиво принесли, он сдул пену и одним глотком осушил свою порцию. Друзья последовали его примеру. Спустя двадцать минут и уймы выпитых кружек гоблин с минотавром разоткровенничались и были готовы признать человека братом. Тот в свою очередь травил монастырские байки, внося в разговор непринужденность. Мало-помалу беседа перетекла к позаимствованному из склепа волшебному предмету. Некоторые посетители с интересом вслушивались в обрывки фраз, доносящиеся со стороны необычной компании.

— Да что мне этот пустячок? — с жаром восклицал человек в монашеском облачении. — Продадим его, и все тут. У меня и знакомый скупщик есть, который приличную цену даст.

— Э, нет! — возражал ему мускулистый здоровяк в коже. — У меня к нему, ик, есть научный интерес. Надо, такскзть, изучить по всей форме.

— Бросайте дурное, корабельные крысы! — ярился коротышка. — Камни с него скovyрнем и вся недолга! А чар этот изучай, скока хочешь!

— Дурень! — с умным видом произнес гигант. — Камни могут создавать фон для правильного функ... функци... для работы, короче.

В самый разгар спора, в таверну вошла группка людей в бесформенных балахонах точь-в-точь как у нового знакомого. Монахи молча присели за один из столиков и заказали по стакану воды. Самый старый и морщинистый из них повернулся к компаньонам и, вперив в взгляд в Михеля, жестом подозвал к себе.

— Настоятель, — сквозь зубы процедил парень, неожиданно погрустнев. — Только я глотнул свободы... Если уйду с ними, не ждите.

Человек подошел к монашескому столику, смиренно поцеловал руку старцу и аккуратно сел возле него прямо на немытый пол. Настоятель начал что-то выговаривать парню, а тот только смущенно кивал и слушал, не отвечая и не делая попыток что-нибудь возразить.

Старик продолжал говорить, когда в зале началось движение: один дворф в латном доспехе — крепкий плечистый малый с красивой окладистой каштановой бородой, схватив двух человек за куцые бородавки, стукнул их головами друг о друга. Затем вскочил с лавки, на которой сидел, ухватил ее двумя руками и пошел по залу, круша черепа всем, кто рискнул встать у него на пути. Желающих помахать кулаками, тем не менее, нашлось предостаточно, так что вскоре вся таверна превратилась в клубок вопящих и дерущихся тел. Монахи и Гарб с Каввелем не двинулись с места.

В самый разгар потасовки, от места побоища отделился зачинщик и подошел к мирно сидящим людям.

— Потшему гошпода не принимают ущащие в общем вешелье? — спросил он с

характерным для дворфа выговором, слегка пошатываясь и небрежно помахая обломком лавки, который он держал в одной руке.

— Устав нашего ордена требует избегать насилия там, где это возможно, — чинно ответил старик.

— Так я ваш приглашаю, раз вы шами штешняетесь! — заревел дворф, попытавшись ударить своим оружием ближайшего к нему аскета.

Тощий с виду монах неуловимым движением уклонился от удара, перехватил забиюку за руку и легонько подтолкнул. По инерции задира пролетел вперед и ударился о стойку. Бармен испуганно захлопал глазами, а упавший поднялся с пола и помотал головой, отгоняя назойливые звезды, ярко расцветающие у него перед глазами. Монах молча сел на место, чем вызвал явное неудовольствие дворфа.

— Эй, ты! Я к тебе обращаюсь! — заорал он. — Да я тебе шейтшаш!

Монахи обернулись в его сторону, но продолжили сидеть, даже когда на них со скоростью курьерской лошади помчался разъяренный крепыш. Все его лицо, кроме бороды, запунцовело от праведного гнева, а под глазом наливался огромный лиловый фингал. На этот раз для нападения он выбрал настоятеля, допустив при этом серьезную ошибку.

В последний момент, когда столкновение казалось неизбежным, старый мастер сделал всего одно движение кистью, и ошарашенный задира с выражением недоумения на лице, вылетел в окно. Послышался звук тяжелого приземления, после которого в дверь уже никто не вошел. Драка тем временем утихла сама собой, и в абсолютной тишине прозвучал старческий голос:

— Ты сделал для себя нужные выводы?

— Да, учитель! — ответил ему Михель.

— Можешь идти со своими новыми друзьями. Позаботься о них, ибо вижу я, что суть их не так проста, как кажется тебе, а путь их запутан и сложен. Мне было видение, что твоя помощь им послужит делу Вседержителя. Береги их и не подведи Орден.

Михель, сторбившись, неуверенной походкой вернулся к столику, за которым сидели и настороженно наблюдали за дракой Гарб и Каввель.

— Уходим, пока старый хрыч не передумал! — шепнул монах, бросив на стол пару монет.

Троица почти на цыпочках последовала к выходу. Снаружи ничком в грязи валялось тело в доспехах. Вид у него был донельзя жалкий. Каввель осторожно пнул лежащего, проверяя, не помер ли тот. Дворф в ответ смачно выругался на верхнегаэдском и потребовал элю. Испуганный минотавр отпрянул, а тело заржало, издав затем громкий храпящий звук.

Монах поторопил спутников и напомнил, что еще надо успеть сбить камушки. Гарб было заикнулся о научной ценности жезла, но Каввель успокоил его видом горсти небольших самоцветов, которые, как оказалось, лежали в саркофаге вместе с волшебной безделушкой.

Сделка состоялась в доме местного гнома-ювелира. Почтенного ремесленника по ночам мучила бессонница, поэтому он предпочитал работать в темное время суток и отсыпаться днем. Конечно же не его вина, что в такие рабочие часы к нему являлись в основном с краденым, а он по доброте душевной никому никогда не отказывал.

Представителей этого народа часто путают с дворфами, но, как правило, только те, кто

никогда не сталкивался ни с одной из этих рас. Шепелявые дворфы всегда выше ростом, чем гномы, и куда шире в кости. Они воинственны, крикливы и признают достойными занятиями только четыре вещи: драку, выпивку, а также кузнечное и шахтерское дело. Остальное их интересует мало, не считая собственных бород, которые дворфы ценят превыше всего на свете. На второе место они ставят золото и драгоценные камни, с которыми расстаются крайне неохотно, но охотно принимают в дар. Гномы же, напротив, усердны, трудолюбивы, склонны к научной деятельности, ремеслам и торговле. К тому же они носят только усы и иногда бакенбарды.

Придирчиво осмотрев камушки, ювелир с ворчанием удалился за ширму и вернулся с мешочком, туго набитым монетами.

— Пересчитывать будете али как? — с усмешкой спросил он.

— Будем! — вызывающе ответил Каввель, тут же получив удар по ноге от Михеля.

— Ну что вы! Конечно же, мы вам верим! — поспешил исправить оплошность коротышки монах.

— То-то! — погрозил им указательным пальцем гном и повернулся спиной, показывая, что сделка окончена и находиться долее в его доме посетителям не следует.

Компаньоны вышли.

— Совсем сдурел? — покрутил пальцем у виска ди Лёве. — Это очень уважаемый в определенных кругах гном. За малейшее сомнение в его честности в этих кругах принято наказывать обидчика. А для особо дерзких он держит толпу вооруженной охраны.

Деньги пересчитали, отойдя на пятьсот шагов от дома, — получилось почти двести золотых монет. По десять выдали каждому, а остальные Каввель сунул в торбу. Монах изумился исчезновению содержимого, и ему объяснили принцип действия.

— Такой портал наверняка нестабилен, — возмутился человек, осенив себя серповидным знаменем. — Его надо немедленно уничтожить. А вдруг оттуда полезет какая-нибудь нечисть?

— Вот тогда и уничтожишь! — обиделся Каввель за свое имущество.

Минотавру вообще не нравилась критика, даже косвенная, и он не собирался сносить такое от какого-то человечки. Особенно если тот совершенно прав.

— Мы с Бурбалкой стабилизируем его, — вмешался Гарб. — Я немного колдую на досуге, а дух знает толк в порталах. И вообще, я давно хотел это сделать.

— Ладно, — неохотно согласился Михель, не желая ссориться с новой компанией с самого начала совместного путешествия. — Только не говорите потом, что я не предупреждал.

Компаньоны брели по городу, прикидывая, где бы в такое время поесть и переночевать, поскольку до утра городские ворота не открывались, и покинуть город не представлялось возможным. Станным образом после часовых скитаний по неосвещенным улицам они опять вышли к «Беспутной нимфе». Бордель приветливо подмигивал освещенными окнами, а зазывала тут же стал рекламировать красавиц всех мастей и областей.

— Я никогда не был с человеческой телкой, — глупо хихикнул Каввель на ухо Гарбу, — а сейчас и облик подходящий, чтобы попробовать.

— Я тоже, — ответил Гарб, не уточнив, что вообще с самкой никогда не был.

— Так чего же мы ждем? — спросил монах, расслышавший только «не был».

Превосходно обставленная прихожая встретила посетителей дорогими эльфийскими коврами, роскошными гномьими гобеленами и очень качественными зеркалами, работы

прошлого века. Зазывала усадил дорогих гостей на мягкий диван, прислуга тотчас принесла кушанья и напитки, и пока клиенты насыщались, их вниманию представили около двадцати девушек разной степени упитанности и грациозности.

Давешний сутенер отсутствовал, а больше к компаньонам со странными предложениями никто приставать не стал.

— Эх, не к добру это, — думал Бурбалка, сидя на пальце у Гарба.

За все время он не издал ни звука, и теперь ему как никогда хотелось общаться. При этом он понимал, что несвоевременное появление вряд ли улучшит его отношения с компаньонами, и без того слегка натянутые. Поэтому дух лишь вздохнул и продолжил обозревать окрестности со своего наблюдательного пункта.

Тем временем добры молодцы выбрали себе по красной девице, и каждый удалился в опочивальню на втором этаже, обнимая спутницу пониже талии. Не желая смотреть на глупости смертных, призрак соскользнул с пальца шамана и, не меняя размеров, отправился на разведку.

Не услышав ничего подозрительного за дверями комнат его спутников, успокоенный дух направился дальше по коридору. Отовсюду доносились постанывания, кряхтения и скрипы. Подобная атмосфера действовала на нервы, заставляя призрака сжиматься еще больше, хотя такой размер доставлял ему некоторое неудобство.

Пролетев по коридорам и не обнаружив в них ничего странного, Бурбалка спустился на нижний этаж. Лица вышибал, занимавших пост у наружных дверей, ничего, кроме скуки, не выражали. На этой работе поток клиентов, вереница дам нетяжелого поведения и звуки сверху давно превратились в рутину.

Позевывая, один страж прислонился к дверному проему, опустив свой палаш вниз и сняв шлем. В тот же миг ему в голову попал небольшой булыжник, метко запущенный с улицы. За первым камнем сразу же последовал второй, уложивший вышибалу на месте. Другой охранник-полуорк обнажил меч, оскалил клыки и зарычал. В его грудь вонзилось три стрелы, и он со стоном упал, истекая кровью.

Секунд десять спустя в распахнутую дверь хлынули типы в масках, изображающих разных животных. Возглавлял банду угрюмый полурослик, вооруженный кинжалом и пращей. Обезображенное многочисленными шрамами лицо главаря выражало абсолютное презрение ко всему живому, а маска на нем отсутствовала. Кроме него, внутрь ворвались трое эльфов с луками, пятеро других полуросликов, серокожий дворф с боевым топором наперевес и безоружный некто в робе с капюшоном.

Этот последний привлек внимание Бурбалки, заставив вжаться в стену: глаза типчика выглядели абсолютно мертвыми, безжизненными и ничего не выражающими. Как он ни прятал их под тканью, призраку удалось рассмотреть вертикальные зрачки, как у Гарба. Разница заключалась только в цвете: у этого глаза были рубиново-красными.

Тихонько, чтобы не привлекать внимания грабителей, призрак попятился вверх по лестнице, намереваясь предупредить товарищей. Между тем полурослик отдавал приказы, рассредоточивая свою команду. Двое заняли место охраны, остальные оттащили трупы, среди которых оказался и зазывала, вглубь прихожей. Не дожидаясь, пока бандиты вздумают сунуться наверх, Бурбалка метнулся сквозь стену, провожаемый взглядом заметившего движение красноглазого.

Заскочив в комнату гоблина, Бурбалка застал Гарба за размахиванием волшебным

жезлом и каким-то рассказом. Обнаженная путана лежала на животе, внимательно его слушала, разинув рот, и болтала ногами в воздухе. Дух бесцеремонно прервал сцену увеличением до нормальных размеров, заставив гоблина умолкнуть, а распутную девку завизжать.

Снаружи донесся зычный голос атамана, приказывающий всем посетителям срочно спуститься на первый этаж. Пока Гарб впопыхах натягивал одежду, призрак торопливо рассказал ему о нападении на бордель. Оба выскочили наружу и обнаружили в коридоре полуодетого Каввеля, которого пыталась затащить обратно в комнату жрица любви, умоляя его остаться с ней, невозмутимого монаха и с десятков недовольных бюргеров. По лестнице, видимо, никто подниматься не собирался.

Бандиты здраво рассудили, что запасные выходы в здании есть, но они все на первом этаже, а на втором окна заколочены, чтобы клиенты не пытались скрыться, не заплатив. Наверх вела единственная лестница, поэтому никто бы мимо грабителей не прошел. Эльфийские луки взяли спуск на прицел, а атаман еще раз предложил поодиночке и с поднятыми руками сойти вниз, обещая сохранить всем жизнь в обмен на кошельки.

Гарб достал из торбы секиру и с сомнением повертел ее в руках. Каввель, наконец избавившийся от цепкой хватки девицы, важно положил ладонь на эфес шпаги шамана, невесть как оказавшейся у него на поясе. Остальные посетители не были столь решительно настроены и пошли к лестнице. Как и настаивал разбойничий главарь, по одному и с поднятыми руками. При этом они опасливо косились на Бурбалку.

Дух высунулся сквозь стену посмотреть. Каждого спускавшегося разбойники лишали кошелька, провожали до заднего выхода, а затем главарь лично всаживал бедняге кинжал в легкое, чтобы жертва не могла издать ни звука. Призрак вернулся и сообщил увиденное тем, кто еще не успел последовать за остальными. Двое упали в обморок, еще один гном запричитал, обещая добрым господам с оружием свой кошелек за защиту.

Увидев, что поток людей сверху иссяк, атаман крикнул, что остальные могут не ждать пощады. В ответ он услышал лишь насмешливый хохот Гарба и замер в нерешительности.

— Нужная мне вещь все еще наверху! — каркающим голосом сообщил атаману красноглазый.

— Туда сунуться? Мы так не добазаривались! Ты толкал, что мы их врасплох застанем и завалим поодиночке, а теперь они там все начеку и, зуб даю, с железками.

— На них работает некромант. Я видел его подручного.

— Амба! Час от часу не легче! — запричитал полурослик.

— Тихо! — сказал красноглазый, и атаман сразу умолк. — Ничего такого там нет, с чем бы я не справился.

С этими словами он принялся подниматься по лестнице. Наверху он окинул презрительным взглядом помещение, как будто ощущал собственное безграничное превосходство. Кучка людей безмолвно застыла в коридоре, со страхом ожидая своей участи. Жуткий тип заговорил, и мурашки поползли по коже каждого:

— Отдайте Быр, и я уйду с миром. Не отдадите — умрете все.

— Что отдать? — переспросил Гарб.

— Такой неприметный деревянный жезл с драгоценными камнями, — хищно обнажил острые зубы красноглазый.

— Возьми, если сможешь! — сказал Каввель и сделал в сторону наглеца неприличный жест.

— С удовольствием исполню твою просьбу, — спокойно ответил некромант, откидывая капюшон с гладко выбритой макушки, испещренной татуировками.

У чернокнижника оказались весьма примечательные уши: покрытые снаружи короткой шерсткой, заостренные, как у эльфов, но торчащие не вертикально, а вбок. Остроухое племя всегда гордилось своими продолговатыми длинными ушами, а у этого они были овальной формы и значительно более короткие. Зубы в два ряда тоже однозначно давали понять, что не только гоблин с минотавром в этом коридоре прикидывались людьми.

Татуировки на голове странного существа вспыхнули и погасли. С минуту ничего не происходило, а затем по лестнице неспешно начали подниматься мертвенно бледные люди, несколько минут назад павшие от клинка недомерка.

При виде разгуливающих мертвецов, только Бурбалка и монах сохранили хоть какое-то самообладание. Первый сам был не совсем живым, второй же к такому давно привык. Остальные почувствовали себя крайне неудобно, а зубы еще живых горожан и вовсе начали выстукивать какую-то зажигательную мелодию. Зомби все так же неторопливо направились, подволакивая ноги, в сторону своей первой загробной трапезы.

— По моей команде, — неожиданно подал голос монах, заставив напарников подобраться и покрепче сжать в руках оружие.

Михель подпустил неупокоенных поближе, а затем дал сигнал к нападению, прыгнув на ближайшего. От удара ноги монаха у мертвеца отлетела голова, свалив при этом второго на пол. Каввель выставил вперед шпагу, на которую напоролся еще один ходячий труп да так и продолжил движение за улепетывающим коротышкой. Гарб посмотрел на ржавый топор, отполированная рукоять которого удобно лежала в ладонях.

Он попытался вспомнить, как придать секире те же волшебные свойства, что она приобретала в руках минотавра. Каввель, конечно, объяснял на всякий случай, но гоблин пребывал в наивной уверенности, что оружие ему никогда не пригодится, поэтому слушал вполуха и ничего не запомнил. Спрашивать еще раз было некогда.

Неловко размахнувшись лабрисом и чуть не зашибив им одного из постояльцев, Гарб нанес ближайшему живому трупу скользящий удар по корпусу. Мертвец стеклянными глазами посмотрел на гоблина и перехватил секиру за лезвия. Началась игра в перетягивание топора. Победил зомби, покотившись вместе с трофеем назад и сбив при этом половину своих коллег. Михель ловко подпрыгнул, пропуская катящееся тело, и в воздухе нанес еще несколько ударов, каждый из которых опрокидывал очередного мертвеца.

Выглянувший из-за портьеры Каввель увидел, что преследовавшего его зомби сверху по голове отчаянно молотит Бурбалка, а трое горожан помогают ему, делая то же самое спереди. Ошалевший от запаха такого количества доступной еды покойник поначалу пытался решить, кого же укусить первым. Когда он наконец выбрал самого толстого, то получил сзади могучий удар ржавой секирой, разрубивший его тело пополам. Михель уже успел прикончить остальных и теперь осторожно подбирался к красноглазому, который внимательно наблюдал за кучей-малой.

Внезапно татуировки на голове странного типа снова вспыхнули и погасли. Монах отпрянул и очень вовремя — из отверстия в запястье вскинутой руки красноглазого вылезло костяное жало. Косточка была тонкой, но очень острой, а из ее кончика сочилась черная жидкость. Некромант махнул рукой, и черные капли россыпью полетели в сторону Михеля. Тот отпрыгнул, сделал в воздухе сальто и приземлился на ноги, опершись кулаком о пол. В футе от него несколько капель упали на ковер и с шипением впитались, превратив ворс в

дымящееся решето с дырочками разного размера. Монах поднял бровь и кувырнулся назад, чтобы избежать очередной атаки.

— В эту игру можно играть и вдвоем! — раздался сзади сосредоточенный голос Гарба.

Михель нырнул за спину шамана, который уже плел заклинание, речитативом проговаривая слова на неизвестном наречии. Красноглазый на секунду удивленно моргнул, затем подошел на шаг ближе, поднял руку — и черные блестящие жемчужины понеслись в сторону гоблина. Шаман поприветствовал их своей рукой, и капли полетели обратно. Все до единой зависли в дюйме над кожей некроманта, и тот лишь оскалил зубастую пасть.

— Значит, у нас тут колдунишка-шалунишка? Предатель к тому же. Забавно! — раздраженно бросил он, обнажив вторую руку с зазубренным костяным отростком.

Ловец духов застыл, ожидая подвоха. Татуированный оправдал ожидания, метнув в шамана острую кость — рука будто выплюнула ее с огромной скоростью. Гоблин успел только икнуть от испуга. Не миновать бы ему сильнейшей головной боли от инородного тела в глазу, если бы не отчаянный прыжок Михеля. Монах перехватил снаряд в воздухе и вернул его владельцу ответным стремительным броском. Кость попала красноглазому в грудь и намертво в ней застряла, пройдя как нож сквозь масло через плотный сгусток Дэ, именуемый «щитом мага».

У Гарба отвисла челюсть. Это простенькое заклинание обеспечивает защиту от холодного оружия и некоторых видов магических атак. Чем сильнее маг, тем сложнее пробить такую броню даже колдовством, не говоря уже о примитивном костяном гарпуне. Из-за этого многие опытные волшебники целиком полагаются на свой щит, считая его абсолютно непроницаемым и прибегая к более сложным и затратным заклинаниям для равных по силам соперников. К несчастью именно этого некроманта, Михель просто не знал, что преодолеть подобную преграду невозможно.

Безжизненные глаза удивленно моргнули, сухая рука потянулась, чтобы вытащить из груди впившийся гарпун, но на полпути обмякла, и чернокнижник со стоном покатился по лестнице. Снизу раздалось испуганные голоса бандитов, топот, и через четверть минуты все стихло. Бурбалка осторожно выглянул сквозь стену и никого живого на первом этаже не обнаружил.

— Как это ты его? — спросил Гарб у Михеля.

— Сам в шоке, — ответил потрясенный монах. — Машинально как-то получилось. Нас в монастыре такому учили, но ни у кого, кроме великого мастера, до сих пор не срабатывало.

— А чему этому? — поинтересовался Каввель.

— Пробивать защиту с помощью силы воли.

— Предлагаю тихо свалить, пока городские легавые не объявились! — прервал их призрак.

— Не вижу оснований не согласиться, — утвердил решение за остальных Гарб.

Разумные расы заселили Лумею, а дьяволов вновь изгнали. И взмолились боги, чтобы Део установил строгий порядок. Тяжко вдохнул Создатель, потому что потребовали от него ограничения свободной воли, и стал он думать, как поступить. И создал он ныне существующий порядок. Свобода воли сохранилась, но теперь для всех миров действовали нерушимые основные законы, преступить которые теперь не могли даже старшие боги. В остальном каждый был волен поступать, как ему вздумается в пределах своих возможностей.

На первом этаже стало так тихо, что копошащийся в уголке паук замер, потому что шелест лапок стал пугать его своей громкостью. Осторожно обходя трупы, компаньоны спустились вниз. Возле лестницы, широко раскинув руки, лицом вниз лежал мертвый любитель чужих чаров. Гарб пошевелил тело секирой и изрек:

— Он и при жизни-то был не очень симпатичным.

— А сейчас и вовсе чучело! — подхватил мысль Каввель, глядя на хищный оскал острых, как у акулы, зубов.

— Меня больше заботит, зачем этому хмырю болотному понадобился теряющий силу жезл, единственная польза от которого — сдерживать открытие порталов, — почесав подбородок, произнес Михель.

— Боюсь, мы уже не в силах это выяснить, — ответил ему Гарб. — Узнать бы хотя бы, какой породы этот индивидуум. Мне кажется, он назвал меня предателем не без причины, хотя я о ней даже не догадываюсь, и меня это угнетает.

Тело некроманта не принадлежало ни к одной известной на Лумее расе. С некоторой натяжкой в нем можно было бы признать потомка эльфов. Однако неприятные грубые черты лиц мертвых охранников полуорков выглядели на фоне некроманта красивыми, пропорциональными и мужественными. Гоблин заинтересовался татуировками на гладком черепе твари.

— Да это же... — задохнулся он от волнения. — Не может быть!

— Что? Где? — всполошились его спутники.

— Ну, вот же! — Гарб указал пальцем на несколько рун.

Остальные недоуменно посмотрели на загадочные символы. Лишь Бурбалке смутно вспомнились давние уроки по истории древних рас. Учитель показывал ему и второму ученику загадочные письмена, оставшиеся от древней цивилизации. Настолько древней, что даже эльфы не помнили, от кого эти знаки остались. Глядя на непонимающие лица коллег, Гарб объяснил:

— Это письменность последователей Быр-Хапуга! Было такое племя гоблинов, поклонявшихся этому древнему злому богу. Племя давным-давно было очень многочисленным и могущественным, но потом пришли эльфы и почти всех истребили. Я думал, их совсем не осталось.

— Что-то не похож он на гоблина, — усомнился Михель.

— Пошустрите у него по карманам и валим отсюда! Потом будете выяснять, че к чему! — прервал их Бурбалка, хотя волнение шамана передалось и ему.

В карманах убитого не нашлось ничего путного, кроме небольшого золотого медальона

с изображением исполинского гоблина, который сорванным дубом гонял трех драконов. Глаза великана в буквальном смысле метали молнии, а из рук знакомо выглядывали костяные острия. Судя по картинке, исполин побеждал.

К тому моменту, как патруль городской стражи обнаружил последствия резни, учиненной шайкой полурослика, Гарб, Михель, Каввель и Бурбалка успели набить волшебную сумку провиантом, миновать городские ворота и пройти по Большому тракту половину дневного перехода.

Шли, не таясь, пока гоблин и минотавр не лишились своей маскировки. Произошло это быстро и совершенно неожиданно для Михеля, которого впопыхах забыли предупредить. К чести монаха, он почти ничем не выдал своего испуга от метаморфозы, произошедшей с его спутниками. Только первые полчаса человек наотрез отказывался слезать с верхушки придорожной березы, пока Каввель не пригрозил срубить ее секирой.

Стараясь не терять достоинства, Михель ловко спрыгнул на землю и повторно познакомился с компанией, которую настоятель назначил ему в спутники. Чтобы монаху было легче прийти в себя, в глубине леса подальше от дороги устроили привал. Парень сидел возле костра, негромко постукивал зубами о края походной железной кружки, и мысленно клял учителя, подложившего такую свинью. Гарб услужливо плеснул туда своей успокоительной настоечки, но она пока не дала нужного результата.

«Ибо вижу я, что суть их не так проста, как кажется тебе», — мысленно передразнил своего наставника монах.

Знал ведь старый мерзавец! Все знал, но прямо сказать не мог — это же изменить традициям пришлось бы! Убил бы! Так, глубокий вдох и выдох. Я спокоен.

Понемногу вдолбленные за время послушничества в голову мантры и шаманское средство стали действовать. Михель действительно успокоился. Гарб все это время находился рядом и сочувственно поглядывал на человека, помня свои чувства, когда он впервые увидел представителя другой враждебной расы — испуг, желание спрятаться или убить. Убить? Такая мысль раньше не приходила ему в голову насчет монаха. А что, если этот набившийся в друзья самец человека окажется таким, какими их изображают мамыши, пугающие людьми маленьких гоблинов? Кровожадным неразумным дикарем, готовым уничтожить любое разумное существо, потому что ему так захотелось, а не потому, что у другого разумного существа есть еда или золото? Нет, с ним надо держать ухо востро.

Каввель неподалеку занимался физическими упражнениями под чутким руководством Бурбалки, в котором проснулся талант тренера по физической подготовке. Для этого он вырвал с корнем небольшое прочное деревце, веревками привязал к нему с двух сторон по камню и принялся приседать с импровизированной штангой. Нагрузка на время заставила забыть про существование неприятного соседа, целиком поглощая внимание начинающего обретать былую форму самого страшного пирата Лунного моря.

Минотавр после превращения внезапно вспомнил, что он, вообще-то, не очень ладит с людьми, и теперь сдерживался, чтобы не напасть на непрошенного попутчика. Упражнения пока помогали, но иногда он все же бросал неприязненные взгляды в сторону костра. Зато все недоверие к Бурбалке словно испарилось. Тауросу сравнил живого человека с призраком и сделал однозначный выбор в пользу старого знакомого. Повадки и натуру духа он уже хотя бы успел изучить.

Кроме всего прочего, Каввель и Гарб со стыдом вспоминали, как они себя вели под

действием зелья. Оба надеялись, что никто этот вопрос обсуждать не станет.

Бурбалка просто начал получать искреннее удовольствие от нахождения на Лумее и управлял тренировкой минотавра чисто механически, погрузившись в приятные мечты о времени, когда он сможет вернуть себе тело и зажечь нормальной человеческой жизнью. У него был план, и монах удачно в него вписывался. Да и серьезной помехой он быть не мог, хотя и умел больно бить призрака даже на расстоянии.

В крайнем случае от него легко можно избавиться, просто стравив с остальными компаньонами. Они, вроде, стали не слишком дружелюбными с человеком, когда действие полиморфного зелья прошло. И вообще, Михель доказал свою полезность, продемонстрировав умение управляться с нежитью.

Наконец молодой человек встал, обратив на себя внимание. Все спутники собрались у костра, и монах заговорил:

— Друзья, простите мое поведение. Я всего лишь послушник и далек от уровня мудрости и спокойствия мастеров моего ордена. Когда учитель отправил меня с вами, я думал, что вы такие же люди, как и я. Потом я узрел ваше истинное обличье и испугался. Это недостойно послушника Старого ордена, но если вы позволите мне продолжить путь вместе с вами, я клянусь, что оставлю предрассудки и буду помогать вам изо всех сил в достижении вашей цели, если она служит добру и делу Вседержителя. Это мой долг.

— В друзья набиваешься? Не вижу причин, по которым я должен дружить с человеком, — нахмурился минотавр. — Людям доверять нельзя.

— Каввель, прояви, пожалуйста, немного снисходительности! — укоризненно покачал головой гoblin. — Он мне жизнь спас. Возможно, и тебе тоже. Я бы с этим колдуном не справился.

Тауросу вполголоса процедил сквозь зубы ругательство на кутарском, но больше ничего не сказал. Долг крови священен для его народа, и пират слишком хорошо об этом помнил. Только сдаваться тоже не спешил.

— Я понимаю, уважаемый минотавр, вашу точку зрения, но смиренно прошу избавиться от этого предубеждения, дабы не затруднять наше совместное путешествие, — мягко ответил Михель.

— Это самое, я типа не против, — встрял Бурбалка, получив удивленный и благодарный взгляд со стороны монаха за неожиданную поддержку.

Тауросу в свою очередь метнул на призрака такой красноречивый взгляд из-под нахмуренных бровей, что Бурбалка предпочел спрятаться за гоблина.

— Подумай еще раз, Гарб, — обратился минотавр к шаману. — Надеюсь на твое благоразумие.

— Ну, что же, принимая во внимание все вышеизложенные мнения, следует полагать, что это дело с доводами за и против, — с умным видом произнес ловец духов. — Необходимо учесть наш прошлый положительный опыт общения с Михелем, его бойцовские качества, а также то, что присутствие человека в команде может оказаться полезным для разведывательных целей...

— А-а-а! — не выдержал минотавр. — Короче! Что ты решил?

— Короче, я за то, чтобы принять Михеля к нам в коллектив с испытательным сроком.

Величайшим дарами Вседержителя человечеству, по мнению Михеля, помимо свободы воли являлись две вещи: любовь и дружба. С любовью парню до сих пор не везло, да и

настоящих друзей тоже пока не встречалось. До тех пор, пока судьба не свела его с Гарбом. «Кто бы мог подумать, что можно сдружиться с гоблином?» — иногда спрашивал себя монах и усмехался. Не то чтобы дружба мгновенно вспыхнула между ними, но человек сразу почувствовал ее зарождение. И это несмотря на то, что рассказывают о длиннопалом народце.

«Гоблины мерзкие, уродливые, грязные, едят нечистоты и своих детей, роются в помойках. Они примитивные, трусливые, завистливые, готовые убить любого ради пары монет или просто из-за куска мяса».

Нескольких дней общения хватило, чтобы монах проникся к Гарбу нескрываемой симпатией. Михель в какой-то момент подумал, что даже если этот шаман являлся лучшим представителем своего племени, то наверняка самый обычный его соплеменник не заслуживает и десятой доли тех оскорблений, которыми гоблинов осыпают другие расы.

«Гарб просто замечательный», — мысленно раздавал комплименты человек. — «Умнейшее существо после великого мастера, конечно. Хотя, мастер скорее мудрый, а не умный, а Гарб именно умный. А еще он добрый, хотя старается это скрыть, почему-то считая доброту недостатком».

Ди Лёве впечатлило, как трогательно гоблин старается держаться с ним рядом и ни на шаг не отходит. Михель даже поначалу заподозрил, что Гарб не доверяет ему. Через пару дней пути человек со свойственной ему прямоотой решил разрубить узел сомнений.

— Признайся, ты следишь за мной?

— Ну, э-э-э, я... — проблеял, застигнутый врасплох гоблин.

— Вижу, что следишь, — мягко улыбнулся монах.

Гоблину ничего не оставалось, как признать очевидное.

— Стало легче? — спросил Михель, глядя в глаза собеседнику.

Гарб пару секунд помолчал, оценивая свои чувства и кивнул.

— Вот и я не люблю такое, — парень вытянул вперед обе руки ладонями вниз, демонстрируя открытость.

Шаман заметил на них множество давно заживших рубцов. Некоторые из них были достаточно крупными, словно их оставил какой-то инструмент.

— Тебя пытали? — в ужасе спросил гоблин, испытывая почти животный страх перед болью.

Скользнув взглядом по лицу человека, он заметил еще больше шрамов и зажмурился, живо себе представив мучения, через которые пришлось пройти бедняге.

— Нет, — с печальной улыбкой покачал головой монах. — Часть из них результат тренировок. Другие остались от сражений. А вот эти два, — указал он на лицо, — память от жёнушки. До того, как я принял послушничество.

— Что это за тренировки такие жесткие? — посмел разлепить веки гобхат.

— Меня учили сохранять спокойствие и терпеть боль в любой ситуации, — пояснил человек. — Это Путь любого боевого монаха Старого ордена. Настоятель говорил, что у меня особый дар, который раскроется позже, поэтому спуску мне не давал. Хочешь, я тебя тоже чему-нибудь научу? Мне кажется, нам еще долго путешествовать вместе. Поняв Путь, ты поймешь и меня, и тогда ты не станешь меня ни в чем подозревать.

Гарб поежился, представив себя с таким же количеством отметин на теле.

— Будет больно? — робко спросил, все равно стора от любопытства.

Духи его такому точно бы никогда не научили.

— Не надо больно, — протестующее мотнул головой Михель. — Мантра для успокоения и дыхательная гимнастика — тоже часть Пути.

— Это хорошо, — гоблин тоже улыбнулся.

Так Михель начал учить шамана Пути.

С минотавром отношения поначалу складывались хуже. «Жалкий человечиска!» и «Все люди — предатели» — все, что Михель слышал от пирата за неделю.

Помог случай. Во время очередного привала Бурбалка натаскал валежника. Призраку нравилось носить большие и тяжелые предметы, но без рубки для костра они не годились. Тауросу нехотя взялся за секиру, не желая применять грозное оружие для таких приземленных целей.

— Могу я, — предложил монах, видя терзания гиганта.

— Чем это? — ухмыльнулся пират, презрительно глядя на безоружного недомерка.

— Руками, — сказал Михель.

— Врешь! — не поверил минотавр.

Вместо ответа человек взял ближайшую к нему ветку толщиной в руку, положил ее рядом с собой одним концом на землю, а другим на камень, и с шумным выдохом обрушил на нее правую ладонь. С громким хрустом древесина переломилась в месте удара. Тауросу посмотрел на человека куда уважительнее.

— А с виду хлипкий, — похлопал он монаха по плечу, от чего тот едва не покатился в сторону. — Меня так научишь?

— Попробую, — кивнул Михель, пряча улыбку.

Из всех компаньонов только призрак оставлял у человека неисчезающее чувство тревоги. Он вечно висел в воздухе где-нибудь неподалеку и наблюдал. Монах это чувствовал и нервничал. Глаз у Бурбалки не было видно, но ощущение, что он следит, выжидая удобный момент, чтобы сделать какую-нибудь пакость, не проходило.

«Надо выяснить, что с ним не так. Почему-то мне кажется, что этот Бурбалка совсем не такой простачок, какого из себя строит», — подумал ди Лёве в первый же день.

Узнай Бурбалка, в чем его подозревает монах, он бы поначалу рассмеялся, а потом серьезно задумался. И в самом деле, дух косил под дурачка из осторожности, чтобы случайно не выдать план по возвращению себе тела. Самый простой вариант — вселиться в кого-нибудь с магическими способностями — теперь недоступен. Возможность ускользнула в тот момент, когда призрак распрощался с Шеолом. Рискнуть открыть портал обратно он не смел. Кое-что из знаний Каввеля, однако, должно было пригодиться Бурбалке на Лумее. Это бы не сработало в шеольном мире, но в мире материальном могло оказаться вполне достижимым. Замысел был сложен и требовал предельной точности исполнения.

Для начала нужно накопить плотность. Дух впитывал энергию, откуда только можно: из костра, из воздуха, из земли и воды — все эти источники оказались легкодоступны, но не давали полного исцеления его недуга. Каввель говорил, чтобы окончательно вылечиться, нужно впитать все виды энергии. Соединив вместе все базовые стихии, как кирпичики, можно начать строить свое тело заново. В теории это должно напоминать ускоренное заклинание регенерации. На практике, как заявил минотавр, не получится: никто не способен впитать все сразу. Якобы, можно пользоваться только двумя-тремя источниками одновременно.

«Наивный простофиля!» — подумал тогда Бурбалка. — «Типа, сам так никогда не

делал, так ни у кого не выйдет. Ну да, живые из плоти и крови так не могут. А я-то дух!»

На Лумее призрак успел вобрать в себя огонь, воду, воздух и землю. Темная же энергия ему досталась с поглощенной тенью еще в Умбре. Он потерял неуязвимость, зато теперь готов к окончательному превращению. Осталось найти мощный источник Дэ.

Михель как нельзя лучше вписался в план. Бурбалка сразу увидел, насколько сильным проводником энергии Создателя может служить этот немного застенчивый монах. Есть, правда, один недостаток: энергии нужно много, и его одного может не хватить. Должен помочь шаман.

Насчет резервов гоблина можно не сомневаться. В крайнем случае всегда можно уговорить Гарба пошить себе новый магический кафтанчик, чтобы запасов Дэ хватило. А вот как оценить силы монаха? По идее, божественная мощь безгранична, но выдержит ли такой поток силы передатчик? К тому же обоим еще нужно уговорить на участие в ритуале восстановления. Согласится ли Михель, и где взять другого более сговорчивого монаха в случае отказа?

Самое неприятное во всей истории — доноры могут не пережить трансформации духа в человека. Бурбалка испытывал смешанные чувства по этому поводу. Он не был уверен, что сможет спокойно жить, если Гарб из-за него умрет.

Следующей ночью шаману приснился вещий сон. Гарб вдруг очнулся посреди огромной пещеры, сжимая в лапах, словно реликвию, недавно найденный жезл. Все чувства как будто сошли с ума и усилились, одновременно обрушиваясь на маленького гоблина какофонией шорохов незримых пещерных обитателей и загадочной вереницей запахов.

— Такое бывает от грибного отвара, но я его точно не пил, — сказал шаман сам себе. — Да и не похоже тут на Шеол.

Ловец духов не поверил, что это не сон, аккуратно ущипнул себя и еле сдержал проклятие. Больно, однако. Темные своды хоть и терялись где-то вдалеке над головой, но все равно давили невообразимой мрачностью. Неподалеку с разведенными в стороны лапами в цепях висела прекраснейшая из самок. От Нее исходило божественное сияние, разгоняющее мрачный сумрак вокруг. Свечение при этом оставалось приятным для зрения несмотря на запредельную яркость. Один неосторожный взгляд, и глаза отвести в сторону уже не получилось. Слишком красиво, чересчур притягательно.

— Кто ты? — робко спросил Гарб, непроизвольно делая шаг в сторону прекрасной незнакомки, только сейчас замечая, насколько она крупнее него.

— Подойди ближе, дитя, — слабым, но привыкшим повелевать глубоким низким голосом приказала самка. — Ты знаешь кто я?

— Нет, — помотал головой гоблин, — но рискну предположить, что воплощение какой-то богини.

Он все еще не до конца осознавал, перед кем оказался.

— Какой-то?! — на секунду голос великанши даже окреп от смеси удивления и возмущения, но она тут же вынужденно перешла на хриплый шепот. — Я Бирканитра, дитя. Я создала ваш неблагодарный народ!

Дернувшееся в цепях тело бессильно обмякло, свесив голову вниз, и шаман бухнулся на колени перед аватаром божества.

— Молю, прости недостойного! — возопил несчастный гоблин, расстроенный своим невежеством и поведением.

Из глаз богини на каменный пол пещеры упало две слезинки, тут же обернувшиеся полупрозрачными камушками. Гарб машинально подобрал их и положил в карман. Бирканитра снова подняла голову и затуманенным взором наткнулась на жезл.

— Ты нашел... Бир? Я знала, что это когда-нибудь случится!

В желтых глазах богини блеснула надежда.

— Что я нашел? — пробормотал озадаченный шаман.

— Знай же, что отныне ты мой жрец! — с жаром сказала Бирканитра. — Я вижу, что ты не знаешь правды. Услышь же ее от своей Праматери. Многие тысячи лет назад на Лумее никто не жил. Здесь не было ни богов, ни смертных. Мы открыли этот мир своим детям в надежде, что тут все смогут мирно жить в любви и согласии. С превеликим удивлением мы поняли, что богам почти не под силу менять здесь реальность своей волей, и это вселяло надежду.

Богиня умолкла, то ли отдыхая от монолога, то ли собираясь с мыслями.

— Великое переселение шло через Шеол. Единственный доступный портал на Лумее вел в ее подземелья. Богам порталы ни к чему, но для наших смертных детей был доступен только этот путь. Эльфы, гномы и дворфы успели перейти первыми, а на остальных напали. Мы, гоблины, прикрывали тылы, пока другие расы безопасно уходили в новый мир. В подземный мир Лумее мы вошли последними после вмешательства Део.

Бирканитра тяжело вздохнула, переводя дух. Столь длительный разговор, похоже, давался ей нелегко.

— Я хотела убедиться, что все до единого попали на поверхность, и замыкала колонну. Стоило последнему гобхату миновать туннель, ведущий к поверхности, как я получила подлый удар сзади. Мой отвратительный брат Быр-Хапуг, которого я долго терпела, все-таки выждал удобный момент, чтобы предать меня. От удара я потеряла сознание, а очнулась уже здесь. Веками я томила в этой пещере, и только он иногда являлся, чтобы поиздеваться надо мной. От него я узнала, что мое имя втоптано в грязь, а моих адептов становится все меньше и меньше. Если их не останется совсем, я умру. Помоги мне, сын мой! Неси своим собратьям свет с моим именем на устах! А когда ты преуспеешь, я наберу достаточно сил, чтобы разорвать оковы, сдерживающие меня. И тогда... Тогда я отомщу. Жезл, который ты нашел во время своих странствий. Найди три таких же, объедини их в единое целое и принеси сюда. Они помогут мне освободиться. Иди же, возлюбленное дитя мое, не подведи меня!

И подишутил Део над ними, поставив в зависимость от верующих. Теперь сила каждого бога зависела от числа его почитателей. Чтобы избежать новой свары, договорились боги, как им поступать со смертными. Ведь и бог теперь мог умереть, если в него никто не верил. И разделили они между собой обязанности, чтобы у каждого нашлись почитатели. И постановили, что для истинно верующих после смерти полагается награда, а для неверующих — наказание. И разрешили дьяволам и демонам забирать души неверующих себе, чтобы вечно мучить их в своих мирах. И удалился Део, и больше никогда не вмешивался в дела детей своих.

Гарб проснулся в холодном поту. Шаман долго не мог прийти в себя, ворочался, вызвав неудовольствие чутко спящего Каввеля, и наконец заснул беспокойным сном без сновидений. Под утро он встал разбитый, раздраженный, рычащий на товарищей.

— Что случилось, дружище? — Бурбалка первым заинтересовался состоянием Гарба.

— Да вот, ерунда всякая снилась, — уклончиво ответил гоблин.

Он сунул лапу в карман и замер. Выражение морды ловца духов, нащупавшего внутри два маленьких камушка, только подогрело любопытство призрака.

Весь день неутомный дух донимал ушедшего в себя гоблина расспросами, пока Гарб не сдался.

— В пантеоне моего народа Бирканитра занимает не самое почетное место из-за доброты. Часть племен знает про существование Праматери, но в основном ей поклоняются лишь престарелые самки. Многие гоблины часто не знают про нее вообще ничего, кроме легенды, будто она вывела наш народ из подземного мира, чтобы ее дети узрели свет дня. Никто не знает, как она выглядит. Мое же родное племя многие сотни лет никому не поклонялось. Есть только легенда, что однажды у нас появится свой собственный бог, — завершил он повествование.

— Вот оно как, — протянул Каввель, — мне такое и не снилось.

— И не могло! — хмыкнул Бурбалка. — Это ж гоблинская богиня. Хотя тебя она напрямую касается.

— Как это? — непонимающе выпятил губы минотавр.

— Ох, и дубина ты, — сочувственным тоном произнес призрак. — Тебе же тело только на год вернули! А чтобы на всю жизнь остаться собой, нужно помочь твоему спасителю свершить божественное предначертание. Смекаешь?

Тауросу нахмурился. Он стоял и беспокойно прятал единственным ухом, что означало напряженную работу мысли.

— А-а-а! — понял Каввель.

— Дошло наконец! — издевательски подтвердил догадку минотавра дух.

Минотавр запоздало махнул рукой, попытавшись наказать наглеца за дубину. Тот ловко увернулся.

— Ну че, компаньоны, — продолжил как ни в чем ни бывало Бурбалка, — все очевидно! Будем нести слово божье отсталым племенам.

— Серьезно? — удивился молчавший до этого Михель.

— Да не, это я шутики шуткую! — смертельно оскорбленным тоном заявил Бурбалка. —

На самом деле я предлагаю сделать вид, что ничего не было. Конечно, надо выполнять волю божества!

— Вседержитель благословит нас на эту великую миссию! — горячо поддержал мысль монах.

— Тьфу ты пропасть! — воскликнул призрак. — Да разве о твоём боге речь?

Человек вскочил и встал, широко расставив ноги.

— Бог един! — сухо сказал он, готовясь отстаивать этот непреложный, по его мнению, догмат.

— Смотри что ты под этим понимаешь, — не менее сухо парировал дух. — Он, может быть, и един, а богов великое множество. И давай это, без хвилософии. Меня от нее наизнанку выворачивало еще при жизни.

— Не спорьте, друзья! — попытался внести ясность Гарб. — Вам не кажется, что решать следует мне, ведь это мое предназначение?

Спорщикам пришлось согласиться, что решение действительно остается за Гарбом. Однако все посчитали своим долгом закидать его теологическими советами, чтобы было проще сделать нелегкий, но однозначный, с точки зрения каждого, выбор. Шаман разумно взял время на размышление и пообещал заняться решением проблем по мере их появления, а не когда его к этому подталкивают.

— А куда мы, собственно, направляемся? — вдруг поинтересовался монах через пару дней пути. — Не то чтобы мне это важно, но хотелось бы какой-то ясности.

— В Алвар, — ответил Гарб, споткнувшись от неожиданности.

Он все еще размышлял над своим видением и никак не мог его осмыслить. Слишком уж все казалось далеким от реальности. С месяц назад он довольствовался ролью простого деревенского шамана, спокойно отваживал от своего жилища надоедливых глупцов с наглыми дармоедами и горя не знал. Пост не самый маленький, но и не слишком высокий. О большем он даже не помышлял. Теперь богиня возложила на него великую миссию. Гарб не был уверен, что справится с такой колоссальной ответственностью. Подобные мысли заставляли его потеть и нервничать.

Вдобавок гоблину не давали покоя размышления о недавно полученном опыте с превращением в человека. Маленький гобхат тогда вдруг почувствовал себя сильным и необыкновенно отважным. Незнакомое доселе чувство, когда любая задача кажется пустяковой, вспоминалось с сожалением о его утрате. Оно безвозвратно ушло вместе с обманным обликом и огромным ростом. Каввелю хорошо, он всю жизнь так прожил. Гарб же вспоминал, каким мог бы быть сам и горько усмехался. Впрочем, добавившаяся к этому заносчивая самоуверенность, все портила. Если большой силе всегда сопутствует это качество, то лучше уж оставаться слабым. Целее будешь.

— Куда-куда? — между тем изумился Михель.

— В Алвар, — предчувствуя недоброе, повторил Бурбалка. — А тебе что-то не нравится?

— Это же город мертвых! Там уже лет пятьдесят, как живых не осталось!

Что-то в интонациях монаха подсказало компаньонам, что где-то в своих планах они допустили большой просчет.

— Нельзя же все предусмотреть! — тут же попытался оправдаться дух.

— Мертвых, говоришь... — почесал затылок Каввель. — Дьявольщина!

— А я еще думал, почему на меня так странно тот торгош смотрел, когда я у него дорогу к Алвару спрашивал, — вспомнил Гарб. — Что будем делать?

— Если расскажете мне, зачем мы туда шли, может быть, я помогу советом? — предложил Михель.

Гарб и Каввель вопросительно посмотрели на Бурбалку.

— А действительно, зачем мы туда шли? — спросил Гарб. — Искать укрытия от враждебного окружающего мира?

— Типа того, — как можно более равнодушно постарался ответить дух.

— Ты хотел найти своего старого учителя, — напомнил минотавр.

— Ну, да. Старик Велмсли, видимо, не смог прожить достаточно долго, — расстроился призрак.

— Адриан Велмсли? — уточнил Михель.

Призрак сжался почти до точки, силясь подобрать слова для ответа.

— Он самый, — наконец произнес он.

— Могу вас поздравить, — мрачно изрек монах. — Этот ваш учитель жив, в каком-то смысле, и даже правит городом.

— Ты же сказал, что там нет живых! — перебил его Гарб.

— Я и не говорю, что там есть живые, — спокойно отпарировал Михель. — Адриан Велмсли стал мерзким личем, порождением тьмы, и правит своими мертвыми подданными — упырями, зомби и умертвиями.

— Узнаю старикана! — всхлипнул призрак. — Это так на него похоже.

Каввель аккуратно обхватил за талию готового обрушиться на «порождение тьмы» Михеля и переставил подальше от Бурбалки.

— Кто такой лич? — уточнил минотавр, грозя монаху указательным пальцем.

— Лич — это такой колдун, которому удалось перехитрить самую смерть, — пояснил гоблин. — Живет после кончины в своем теле, спрятав душу в особый сосуд — филактерию. Обычно сильно воняет мертвечиной и в целом отвратителен. Надо пояснять почему именно? Живым отвечает взаимностью и всячески старается таковых умертвить, чтобы поднять в виде нежити и сделать своими слугами. Клирики таких особенно не любят. Да, Михель?

— Верно, — подтвердил человек, чуть поморщившись, слово почуял запах тлена, — они противны самой сути мироздания.

На Бурбалку он уже бросаться не собирался, вспомнив про свои шаткие права в этой компании. Дух тоже об этом вспомнил, но сильно сомневался, что в следующий раз это Михеля остановит.

— Вот что, братцы, — встрял минотавр. — А если мы немного развлечемся и все-таки пойдем туда?

— То есть? — хором спросили остальные.

— Ну, — подмигнул Каввель. — Я беру секиру, монах свои мозолистые пятки, шаман магию, а дух смекалку и способность проникать сквозь стены, и все вместе мы идем бить мертвяков — серьезными противниками они нам не будут. Ну, сколько там один некромант может поднять? Десять или, может, двадцать трупов. В пятьдесят я не поверю. По пути собираем все, что плохо лежит — им золотишко все равно уже не понадобится, а мы погулять сможем вволю в каком-нибудь кабаке.

— Мне чужды твои мотивы, пират, но я готов сражаться с нежитью! — заявил Михель. — Хотя против кабака ничего не имею.

— Тем лучше! — добавил Гарб. — Нам больше добычи достанется. По дороге, может быть, получится больше узнать про волю богини.

Бурбалка молча поклонился, скрыв свои мысли по поводу того, что может ожидать живых существ в городе, которым правит его бывший учитель.

И передрались между собой дьяволы с демонами, ибо природа их была суть одна, а взгляд на мир разным. Так и повелось с той поры: караулит демон-изверг душу умирающего грешника, а в последний момент появляется дьявол и пытается отбить ее у старинного недруга. Иногда наоборот.

Дальнейший путь в Алвар лежал через Уг Олдсонгуй. С орочьего название переводится как «большое пространство, где никто, кроме орков, не живет». Раньше, на памяти Бурбалки, через этот процветающий край проходил широкий тракт, а на плодородных полях трудилось множество крестьян. Сейчас же Михель обмолвился, что теперь тут только орков и можно встретить.

Компания вплотную приблизилась к обширной равнине, начинавшейся от самого края густого хвойного леса, через который спутники продирались последнюю неделю. Перед глазами измученных дорогой путников предстала идиллическая картина почти идеального природного заповедника. Сразу чувствовалось, что тут давно не ступала нога землепашца.

Густой ковер из жухлых трав устилал землю, а над увядшей растительностью в рост минотавра возвышалась сплошная стена зелени. Кое-где смутно угадывались остатки дороги. Тракт еще немного сохранял свои очертания благодаря ежегодным орочьим набегам на человеческие поселения. Вся остальная равнина чирикала, жужжала, повизгивала, стрекотала — в общем, жила полной жизнью и делала вид, что совершенно не обращает внимание на путешественников, случайно забредших на ее просторы.

— Если не хотим проблем, — предупредил спутников Гарб. — Лучше бы нам поторопиться. Орки не любят, когда кто-то без разрешения вторгается на их территорию.

— Можно подумать, другие любят! — фыркнул Каввель.

— Орки все равно стоят особняком, — принялся растолковывать ему шаман. — Их пытки уступают по изощренности только эльфийским, а в любом существе, которое ниже их ростом они видят либо раба, либо трофей.

— А выше? — поинтересовался Михель.

— Те, кто выше ростом, чем самый высокий орк, заслуживают их уважение...

Каввель засиял, но быстро спустился на землю, когда Гарб добавил:

— Поэтому таких они стараются утыкать стрелами издалека, не подвергая свои жизни напрасному риску. Видимо, они хоть и стремятся умереть с оружием в руках, но на тот свет не торопятся.

— Что же, придется идти быстро и незаметно, — подытожил монах.

За три часа пытки густой высокой травой удалось пройти около четырех миль, потому что в чью-то светлую голову пришла мысль, что идти незаметно можно только по заросшему полю. По подсчетам Михеля, примерно представлявшего, где компаньоны находятся, до выхода из владений орков оставалось пройти всего лишь в десять раз больше.

— Все, привал! — остановился Гарб, тяжело дыша и ощущая покалывание в боку и жжение в ногах.

Из-за невысокого роста дорога через сплошную стену зелени давалась ему тяжелее всех. Остальные охотно согласились на предложение, потому что тоже с непривычки выбились из сил.

Стоило компаньонам присесть, как заросли разорвались в нескольких местах, чтобы впустить на вытоптанную для лагеря полянку около двух дюжин орков самого устрашающего вида. Все зеленокожие носили легкие кольчуги, меховые куртки и кожаные шаровары. У каждого на поясе болталась увесистая шипастая булава, а у пятерых в руках оказались луки с положенными на тетиву стрелами.

Вожак группы, казалось, ничуть не удивился разношерстной компании, застывшей в разных позах прямо у него под ногами. Он моментально выхватил длинный меч — по-видимому, символ лидерства — и отрывистой фразой на орочьем приказал окружить поляну. Руки и лапы присутствующих сами потянулись вверх, демонстрируя безоговорочную капитуляцию. Бурбалка в мгновение ока уменьшился в размерах и шмыгнул в траву. Только Каввель решил оказать сопротивление и даже успел вскочить. Его сразу сбили с ног и в мгновение ока скрутили руки за спиной грубыми толстыми веревками.

— Слышишь, тебе сегодня сказочно повезло! — шепнул минотавру монах через полчаса марша к лагерю орков.

— Чем это? — понуро спросил гигант, безуспешно пытаясь порвать путы на руках.

— А ты подумай, каких-нибудь тридцать минут назад у тебя были все шансы стать похожим на рогатого ежика.

— Заткнись, человечиска! — не оценил шутку Каввель, сразу утратив подобие уважения, которое монах успел приобрести в его глазах.

— Все заткнитесь, — окрикнул их на всеобщем главный орк, который при первом знакомстве представился Агррхом на удивительно чистом всеобщем. — Рабам положено молчать.

Тауросу остановился и топнул копытом.

— Я не раб, — с вызовом ответил минотавр.

— Вождь разберется, раб ты или на фарш пойдешь, — заявил вожак, сдвигая черные косматые брови над переносицей.

Потом перевел на орочий, и все конвоиры весело заржали, выражая согласие со сказанным.

— Подавитесь, — буркнул раздосадованный пленник.

— Жить хочешь? — ласково поинтересовался орочий командир, буравя рогатого колючим взглядом глубоко посаженных карих глаз. — Я о таких, как ты, читал, но вживую никогда не видел. Любопытно, правду ли сказывают в книгах, что лучше вас нет на свете воинов и особенно кулачных бойцов.

Крепкая зеленая ладонь неуловимым движением рванулась к торчащей из ножен рукояти, а в следующий момент меч замер у горла минотавра.

— Хочу, — сглотнул тот, подивившись такой молниеносности.

Каввель подумал, что копыта и рога все еще при нем. Только убежать и бросать боевых товарищей недостойно воина, а без оружия и в связанном виде противопоставить такой ораве орков нечего. Это не люди, которых тауросу бы легко раскидал.

— Тогда иди, — сказал зеленокожий, с кривой усмешкой пряча клинок обратно и погладил толстую мускулистую шею пальцем. — Познакомлю тебя с Костоломом.

Его испещренная шрамами физиономия осталась угрюмой, но уголки глаз едва заметно улыбались. Орк словно придумал какой-то хитрый план и теперь был очень доволен собой, но не хотел этого показывать остальным.

Вождь милостиво принял Агррха, наградив его жареной бараньей ногой и тарелкой кукурузной каши со своего стола, несмотря на появление с докладом о пойманных нарушителях прямо посреди обеда.

— Давай их сюда, — потребовал он, не переставая поглощать еще дымящееся жаркое.

Агррх кивнул и крикнул своему отряду, чтобы пленников втолкнули внутрь. Связанных компаньонов поодиночке пропихнули за занавесь из шкур, служившую дверью, и силой поставили перед вождем на колени.

Гарб осмотрелся: пещера как пещера. На стенах звериные шкуры, ближе к центру пара добротных деревянных столов и с десяток крепко сколоченных из обработанных досок стульев. Это для избранных. Орки рангом пониже сидят на простых лавках из досок, накрытых грязными кусками материи, и ближе к стенам. У них и столы пониже, но тоже деревянные.

Шкуры наверняка закрывают проходы в другие помещения. Куча воинов со зверским аппетитом уплетает кашу, а женщин поблизости не видать. Значит, где-то неподалеку есть кухня, где обедает женская часть племени. С десяток сгорбленных гоблинов возят на тележке большой чан с варевом и раскладывают его содержимое по мискам. Бедняги боятся поднять глаза, но особо их никто не обижает. В центре подобие трона, на котором восседает массивный мордатый орчище с невероятно мускулистыми руками. Похоже, вождь.

— Ну, что тут у нас? — с сильным акцентом поинтересовался на всеобщем здоровенный орк у вновь прибывших.

— Мы прибыли с миром... — успел сказать Гарб на орочьем, прежде чем его перебили.

— Стихни! — грозно осадил шамана вождь.

Затем он указал на гоблина и сказал:

— Ты похож на шаман. Это хорошо, наш колдун нужен помощник.

Гарб низко поклонился, вызвав у орков презрительные усмешки. «Стыдно перед компаньонами, зато живой», — подумал гоблин. Рука вождя продолжила движение. Монах впился глазами в вытянутый в его сторону волосатый указательный палец. Лицо человека ничего не выражало, но поза выдавала напряжение.

— Ты мясо, — неожиданно заявил вождь.

Михель задохнулся от возмущения и даже не нашел, что ответить, а орк уже указывал на прямого как палка минотавра.

— Ты воин!

— Я воин, — гордо подтвердил Каввель.

— Я не спрашивать, я говорить, — ухмыльнулся вождь. — Меня звать Хугарач Костолом. Хочешь биться в мой армия?

— Не... — начал минотавр, но был прерван предостерегающим шипением Гарба.

— Соглашайся! — еле слышно сказал тот.

Каввель скосил глаза на гоблина и неохотно кивнул.

— Я согласен, Хугарач, если ты освободишь моих друзей.

Вождь нахмурился и сорвался на крик.

— Да кто ты такой? Ставить мне в мой пещера условия? Не хотеть — мы тебя съесть! Увести! — обратился он к караульным.

Минотавр протестующе вскочил на ноги и, прежде чем его коснулся кто-то из стражников, громко крикнул:

— Победи меня в честном бою, если ты тоже воин!

— Ты смеешь бросать мне вызов? — поразился Хугарач. — На глазах весь племя? Ты наглый, ты надо сажать на кол.

Присутствующие в обеденной зале воины неодобрительно зашумели. Вождь заметил их возмущение и смягчил позицию:

— Надо бы, но я сегодня есть хороший мясо, поэтому добрый. Будешь биться со мной, хорошо. Только завали сперва мой меньший брат.

Каввель оглушительно заржал, заставив вождя осознать двусмысленность сказанного. Агрх тоже прыснул в кулак, остальные либо не поняли разговора на всеобщем, либо благоразумно сдержались.

— Ну, давай сюда своего брата, хотя я бы предпочел завалить твою сестру, — подмигнул Хугарачу минотавр. Грубоватая шутка вызвала взрыв хохота у орков, которым Агрх не постеснялся перевести сказанное.

Щеки вождя сменили оттенок и стали ближе к цвету сосновой хвои, заставив орочье воинство скрючиться от смеха на каменном полу пещеры.

— Ты плохой для мой сестра! — заорал Костолом. — Бутлур!

На зов из смежной пещеры высунулась недовольная харя огромных размеров. Гарб прикинул, что если исходить из размеров головы, то тело должно было бы с трудом пролезать в проход между помещениями. Расчет оказался верным — туша Бутлура еле протиснулась в общую пещеру, сорвав при этом занавесь. Казалось, брат вождя даже не заметил такую мелочь.

— Ну, чего надо? — спросил он на орочьем.

— Видишь этого с рогами? — ответил ему на родном языке Хугарач. — Можешь с ним поиграть.

— Не хочу я играть с ним, я хочу играть с тобой! — совсем по-детски заканючил Бутлур.

Вождь на этот раз побледнел и сообщил брату, что обязательно с ним поиграет, когда тот поиграет с рогатым. Бутлур нехотя повернулся к Каввелю и угрожающе зарычал, подняв верхнюю губу и обнажив ряд сточенных желтых зубов. Минотавр фыркнул в ответ.

— Бой голыми руки в центр пещера! — радостно объявил Костолом. — Победитель должен стоять на ноги, проигравший должен лежать и не вставать. Этому развяжите руки!

Орки моментально очистили пространство, просто раскидав мебель по углам, а сами встали у стен, образовав круг. Руки Каввеля освободили от веревок и вытолкнули в середину. Тауросу потер затекшие запястья и поморщился. Минотавр осмотрелся, оценивая обстановку, и поймал взгляд Агрха. Орк почему-то довольно щурил глаза, отчего сеточка морщин собиралась над переносицей.

Толпа расступилась, пропуская Бутлура внутрь. Его появление встретили восторженным ревом. Орки скандировали имя своего чемпиона, а брат вождя стоял и блаженно улыбался, купаясь в лучах славы. Наконец после звука громкого удара коровьей кости по медному тазу, явно заменявшему гонг, он повернулся к минотавру и заорал на своем языке:

— Я Бутлур Сокрушитель, я порву тебя на части, твое тело сожрут дикие собаки, я вырву твой язык и выдавлю глаза!

Общий смысл Каввель уловил, хотя по-орочьи не понимал. В качестве ответа он показал противнику оттопыренный средний палец — жест, понятный без слов. По толпе прокатилась волна восторга от предвкушения шикарной драки, и Сокрушитель ринулся в

бой.

Брат вождя почти не уступал Каввелю ростом, а весом даже превосходил раза в полтора. «Опасный противник», — мелькнуло в голове минотавра, прежде чем он едва увернулся от атакующего орка. Оказавшись у последнего за спиной, Каввель копытом пнул удаляющийся зад. Ускорения хватило, чтобы неповоротливая туша прорвала оцепление и впечатала пару нерасторопных зевак в стену. Более удачливые орки радостно захлопали в ладоши. Бутлур поднялся, сметая с себя тела соплеменников, как сухие листья, помотал головой и снова увидел противника.

— Ты умирать! — зарычал он на всеобщем.

— Ой, боюсь-боюсь! — в тон ему ответил минотавр, демонстративно похлопав ладонью одной руки по сжатому кулаку другой, что у всех разумных существ на Лумее считалось крайне обидным жестом.

Уже дважды оскорбленный орк взвыл и головой вперед ринулся на обидчика. Это оказалось весьма опрометчивым ходом со стороны Сокрушителя. Каввель на этот раз и не собирался уходить с траектории, а встретил несущуюся на него тушу отменным хуком по печени, после чего аккуратно поставил противнику подножку. Бутлур согнулся и кубарем покатился по грязному полу под ноги своим уже бывшим почитателям. После еще одной попытки приподняться некогда любимец толпы тяжело рухнул мордой в пол и больше не встал, хотя ближайšie орки и пытались подбодрить его пинками.

— В первый раунд победить рогатый чужак, — спокойно объявил Хугарач.

— Что значит в первом раунде? — возмутился Каввель.

Толпа заржала, а вождь пояснил:

— У меня много братья. Ты побить самый маленький, еще два меньший остаться.

Минотавр, разгоряченный предыдущим боем, фыркнул и под одобрительный гомон зрителей потребовал подать ему сразу обоих. Вошедшие в круг раздетые до пояса братья были как две капли воды похожи друг на друга и в несколько меньшей степени на вождя. От родственника они отличались чуть более хрупким телосложением и низким ростом. Оба от силы доставали минотавру до груди, но с лихвой компенсировали этот недостаток кошачьим проворством.

Без лишних слов борцы принялись кружить вокруг наглеца, дерзнувшего так легко победить их родственника и бросить им вызов. Каввель внимательно следил за движениями блестящих от толстого слоя бараньего сала тел соперников, пытаясь вычислить, достаточно ли будет грубой силы, чтобы быстро вырубить хотя бы одного из них.

Орки продолжали нарезать круги, и минотавр сделал внезапный выпад, к его большому сожалению, не достигший цели. Зеленокожий ловко отскочил и продолжил как ни в чем ни бывало двигаться по часовой стрелке вокруг Каввеля. Минотавр закрутился на месте, пытаясь удержать в поле зрения обоих.

В какой-то момент он потерял концентрацию, и орк, оказавшийся у него за спиной, подпрыгнул и ударил гиганта ногами в спину. Вероятно, это был отработанный братьями прием, потому что второй орк немедленно среагировал, отскочив и попытавшись нанести летящему мимо него рогатому гиганту серию ударов. По минотавру попал только первый. Следующий удар Каввель блокировал, вцепился в орочью лапу и, не выпуская ее, полетел вместе с противником в толпу. Раздался страшный хруст, и орк, вопя от дикой боли в сломанной конечности, сшиб несколько зазевавшихся зрителей.

Тауросу перекатился через голову и затормозил в футе от ног одобрительно шумящей

толпы. Краем глаза он заметил, что соперник силится встать, но не может. Не теряя времени, воин развернулся, чтобы встретить второго братца лицом к лицу.

Видя, что помощи не предвидится, соперник сменил тактику. Теперь он подскакивал к Каввелю, наносил удар и, как каучуковый мячик, прыгал назад, прежде чем минотавр успевал убрать блок и ударить в ответ. Если ударить первым пытался Каввель, орк просто отскакивал, держа противника на длинной дистанции.

— Интересно, кто из нас раньше выдохнется? — задал себе вопрос пират.

Идея подраться с обоими братьями сразу уже не казалась такой блестящей, как раньше. Удары орка оказались достаточно чувствительными, чтобы руки начали неметь. К тому же от пропущенного ранее толчка сильно болела спина. Наконец, уловив момент, Каввель вместо ответного движения резко наклонил голову. Последствия для орка оказались катастрофическими: тренированный кулак наткнулся на один из рогов. Брызнула кровь, орк замахал разможенной рукой и упал замертво, пропустив прямой в челюсть.

Каввель стоял посреди пещеры и тяжело дышал, глядя на беснующуюся толпу. Его соперника уже утащили за ноги с импровизированной арены. Вождь поднялся со своего табурета, изображающего трон, и что-то говорил. До сознания минотавра не сразу дошло, что обращается эта наглая самодовольная рожа к нему.

— ... Большой спасибо, что избавить меня от братья. Теперь они долго не мочь бросить мне вызов. Ты слышать меня, сын глупый корова?

— Что-о-о? — взревел Каввель.

— О, ты слышать...

— Выходи и дерись со мной! — перебил Хугарача пират.

— Я повторять, меньших братьев ты побить. Молодец! Теперь я разрешать тебе побить больших. Их у меня пять, — гордо сообщил вождь.

— Ты трус! — отчаянно закричал минотавр.

Надежды продержаться против еще пятерых соперников не было никакой.

Орки зашептались, услышав от Аггрха перевод. Хугарач смекнул, что его тактические хитрости грозят наткнуться на стену глухого непонимания со стороны соплеменников. Дальнейшее увиливание от поединка представлялось нарушением традиций и грозило бунтом.

— Ладно, Костолом оказать тебе великий честь, — поспешно добавил вождь. — Костолом приказать рабы сделать из твои сломатый ребра ожерелье, который вожди племя носить как великий трофей.

По рожам окружающих его орков, Каввель понял, что угроза имеет под собой веские основания, да и честь действительно оказана немалая. Выяснить происхождение прозвища Хугарача хотелось значительно меньше, чем хорошенько набить главе племени морду. Однако последний тоже отчаянно хотел доказать, что и он не лыком сделан, вождем стал по праву сильного и прозвище носит вполне заслуженно.

Традиционно предводителем в орочьих племенах становится самый большой, сильный, а иногда, если племени везет, еще и умный орк. Хугарач не был ни самым большим, ни самым сильным и уж тем более самым умным. Зато он оказался достаточно крепким и невероятно хитрым.

Своих конкурентов Костолом никогда не щадил, устраняя их либо силой в «честном» поединке, либо отправлял на самоубийственные задания, например послом к эльфам. До сих

пор братья не бросали ему вызов по разным причинам: Бутлур был слишком молодым и глупым, старшие братья слишком слабыми, а двое только что поверженных прекрасно понимали, что после победы над вождем им придется выяснять отношения друг с другом, и исход такого противостояния ослабит их настолько, что сделает легкой добычей для кого-нибудь еще.

Для остальных у Костолома в запасе всегда находилась пара трюков, чтобы отбить охоту претендовать на главенство в племени. Коронным приемом вождя считалась умение во время поединка обхватить соперника своими длинными руками и сдавить ему грудную клетку так, что осколки ребер протыкали бедняге сердце. Грудные кости у орков довольно прочные, не чета человеческим, поэтому Хугарача уважали и боялись.

Каввель предполагал нечто подобное, но ничего не смог поделать против «дружеских» объятий орчьего вождя.

— Эх, недавно ел, — посетовал Костолом и встал с трона, с хрустом разминая конечности.

Вождь вышел к центру пещеры, на ходу скидывая рубаху и обнажая волосатую мускулистую грудь.

«Силен», — подумал Каввель, готовясь к поединку.

В этот момент зеленокожий без предупреждения бросился на тауросу. Какое-то время минотавру удавалось уворачиваться от лапищ орка, нанося удары по корпусу и голове противника. Хугарач как будто не замечал их, целенаправленно пытаясь обхватить рогатого под мышками. Где-то с восьмой или девятой попытки захват состоялся.

В первую секунду минотавру почудилось, будто его обвил гигантский питон из джунглей на северном побережье Лунного моря. По крайней мере, ощущения были схожими: в глазах потемнело, смрадное дыхание Костолома вызвало тошноту, а воздух рывками начал выходить из легких и совершенно не стремился заходить обратно. С питоном пират в свое время не без труда справился при помощи верного абордажного палаша. Сейчас рассчитывать на острую сталь не приходилось.

Каввель нащупал уши вождя, примерился и наградил их смачным хлопком с обеих сторон. Орк заорал дурным голосом, но хватки не ослабил. Минотавр быстро перебрал в уме и откинул несколько возможных вариантов действий: рогами ударить вражину не получалось, потому что голова Костолома едва доставала Каввелю до шеи, хлопки по ушам только злили орка, но должного результата не приносили, удары копытами хорошо получались назад, а бить нужно вперед. Оставался единственный выход. Опытный пират знал, что может пожалеть о том, что собирался сделать, но на кону не только его жизнь, но и жизни компаньонов.

Сжимающий ребра Каввеля орк не сразу сообразил, что вдруг что-то поменялось. Вождь ощутил, как руки врага сжимаются плотным кольцом вокруг его груди. Поначалу кольцо сдавливало ребра не слишком сильно — минотавр находился в невыгодном для такого приема положении. Затем сила захвата стала расти.

— Ничего, — поднатужился Хугарач, в свою очередь сжимая лапы сильнее. — И не таких давили.

Однако захват минотавра не ослабел. Даже наоборот: противник как будто приободрился и начал стискивать грудь вождя словно клещами. Костолом заглянул в лицо Каввеля и ужаснулся. На него беспристрастно взирала сама смерть, обжигая его взглядом налитых кровью глаз. Это был не первый раз, когда Костолом чего-то испугался, но на этот

раз ему стало по-настоящему жутко.

Безумные глаза минотавра буравили ненавидящим взором черепную коробку орка. Тот старательно отводил взгляд, все еще борясь, но уже потеряв способность к настоящему сопротивлению. Наконец лапы Хугарача соскользнули со спины противника и безвольно повисли вдоль тела. Каввель продолжал ломать врагу хребет, совершенно не обращая внимания на сдавленные стоны и хриплую мольбу о пощаде. В пещере воцарилась полная тишина, нарушаемая только дыханием зрителей и звуками борьбы на арене.

В какой-то ужасный момент Гарб, который ничего не видел за спинами орков, но обо всем догадывался по доносящимся звукам, услышал хруст ломаемой грудины и предсмертный стон. Чей это был стон, он не знал, но очень надеялся, что не минотавра. Шаман за время путешествия привязался к этому нескладному великану и совсем не хотел, чтобы тот вот так глупо погиб от лап какого-то неотесанного варвара.

Через секунду хруст прекратился, и толпа взорвалась криками. Впрочем, восторг быстро сменился воплями ужаса. Разъяренный исполин, отшвырнув тело поверженного вождя, принялся яростно крушить все на своем пути. Перепуганные зеленокожие рванули к выходу и входам в смежные пещеры, по дороге затаптывая упавших. Воцарилась паника, которую тщетно пытались успокоить четверо орочьих командиров. Неизвестно, сколько бы все это продолжалось, если бы Аггрх не подкрался сзади и не оглушил взбесившегося минотавра.

Поселились разумные расы на Лумее, да и разбрелись кто куда. Эльфы в леса ушли, дворфы под землю зарылись, а гномы за море подались на острова дальние. Последними появились люди с гобхатами и принялись воевать со всеми остальными за место под солнцем.

Бурбалка смотрел, как компаньонов и монаха уводят прочь зеленокожие верзилы. Дух мысленно поблагодарил остальных, что никто не обмолвился о его существовании. Очень мило с их стороны. Только он решительно не понимал, чем помочь. Скорее всего, их теперь сожрут, продадут в рабство, или забавы ради переломают все кости. Орки и не на такое способны. Тем более такие свирепые, как эти.

— Нет, я точно не смогу им ничем помочь! — сказал призрак шепотом. — Или смогу? Но что я могу, кроме разведки и воровства? Не нападать же на орков из-за угла. Думай, прозрачная голова, думай! Да! Выход есть, но придется постараться. Главное успеть.

Бурбалка знал, что способен передвигаться гораздо быстрее, чем существа из плоти и крови. Поначалу его вообще сдерживала только осторожность и черепаший шаг компаньонов. Потом — впитанная энергия стихий вернула ему часть осязаемости. Это не могло не отразиться на скорости, упавшей до скорости полета птицы, все равно достаточно быстрой, чтобы преодолеть оставшуюся до Алвара часть пути всего за час.

Городские стены выглядели точь-в-точь, как Бурбалка их запомнил: обветшалыми, заросшими мхом, местами без зубцов, выбитых катапультами дворфов во время последней войны и небрежно заложенных простым кирпичом без раствора. Часовые по-прежнему напряженно следили со своих постов за подступами к городу. Хотя кое-что все-таки отличалось: в роли дозорных выступали скелеты, обряженные в форму городских стражей. Истлевшая ткань мундиров клочьями висела на ржавых доспехах, усиливая и без того не самое слабое впечатление от города мертвых.

Дух, беспокойно озираясь, медленно проплыл через слишком уж гостеприимно распахнутые городские ворота. Возле них на страже стояли скелеты двух дворфов с алебардами в костлявых руках. Бурбалке показалось, будто один из караульных слегка повернул в его сторону череп, когда призрак опасно проскользнул мимо них. Впрочем, недружелюбных действий никто из мертвецов не предпринял, и призрак полетел дальше.

Городские улицы чистотой не блистали. Беспхозные кости на дороге не валялись, но когда-то невывезенный мусор так и остался лежать на мостовой. Пищевые отходы давно сгнили, и только старые железяки медленно ржавели, а тряпки ветшали, указывая на места теперь уже постоянного хранения отбросов. Бурбалка порылся в памяти в поисках нужного направления и отправился в сторону дома старого учителя.

Особняк стоял заброшенным. Пустые без стекол оконные проемы кто-то крест-накрест заколотил досками, дверь скалилась магическим замком, а крыша местами провалилась. Призрак заглянул в одно из окон. Внутри лежали груды мусора, грязь скопилась на полу и стенах, все поросло плесенью, а грибы на полу образовывали затейливую рунную вязь.

— Гарба бы сюда, он любит грибы, — тоскливо подумал Бурбалка и, свернувшись колечком, проскользнул в щель между досками на окнах. Будь у него обоняние, призрак бы задохнулся от сильнейшего запаха гнили, царящего внутри. Даже дыры в крыше и окнах не

оказывали на интенсивность запаха почти никакого влияния. У отсутствиетела есть свои плюсы, и невозможность ощущать неприятные запахи — один из них. Поэтому Бурбалке ничего не мешало преспокойно обдумывать, как лучше попасть в лабораторию в подвале.

Просачиваться сквозь пол он теперь панически боялся, небезосновательно опасаясь застрять в перекрытии. В этом случае помощи ждать было бы неоткуда. Дух время от времени умудрялся случайно обретать материальность, пускай и на мгновение-другое. В эти короткие промежутки он больно стучался о всевозможные детали интерьера, если соприкасался с ними. Вместе с этим Бурбалка наловчился перемещать разные предметы, концентрируя на них свою волю и представляя, как несуществующая рука тянется и хватается то, что нужно перенести. С самыми большими тяжестями этот номер не срабатывал.

Полуистлевший половик легко сдвинулся с места, обнажив круглую крышку, скрывающую потайную лестницу. Раньше люк едва угадывался, будучи отлично замаскированным среди половых досок. Теперь древесина потемнела, а поверхность крышки осталась блестящей и словно покрытой лаком, ярким пятном выделяясь на фоне окружающего убожества. Два десятка бесплодных попыток поднять преграду не увенчались успехом.

Призрак отдавал себе и люку приказы, угрожал, напрягал волю и воображение — все без толку. Со злости он долбанул сверху «кулаком», и эффект появился незамедлительно: с обшарпанных стен и потолка посыпалась труха, а крышка с утробным стоном рухнула вниз. Из подвала дохнуло облаком пыли, окутавшим тонко пискнувшего от неожиданности Бурбалку сверху донизу. Когда пыль немного осела, дух заглянул в образовавшийся проем.

Лаборатория почти не изменилась с той злополучной ночи, когда он в последний раз был человеком. Всевозможные реторты и перегонные кубы грудой навалены в одном углу подвала на алхимическом столе, в другом — клетка для опасных существ. Сейчас она пустовала, как и тогда. Значительную часть помещения занимала пентаграмма. Не торопясь, призрак облетел и осмотрел до боли знакомое место. Воспоминания беспорядочным вихрем закружили его в своем странном танце, сбивая с толку и туманя разум. Здесь прошла его юность, и здесь же злой рок настиг его.

Освещение в подвале оставляло желать лучшего, хотя Бурбалке отсутствие яркого света скорее помогало ориентироваться, чем мешало. Наверху громыхнуло, забряцали кости, металл и в проеме нарисовалась голова скелета в полусферической ерихонке[1], увенчанной по бокам симпатичными крылышками.

— Сеньор желает вас лицезреть у себя во дворце! — радостно объявил гулкий потусторонний голос, донесшийся из-под шлема.

— Всю жизнь мечтал, — безрадостно ответил дух, подскочивший при виде говорящего скелета.

По дороге во дворец Бурбалка перебрал в уме все возможные варианты разговора с учителем. Также он пытался представить себе вариант, при котором наставник его не узнает. Костлявый провожатый тактично молчал, предоставляя призраку возможность погрузиться в свои мысли, и только его доспехи при ходьбе невыносимо скрипели, вызывая непреодолимое желание достать где-нибудь масленку и хорошенько их смазать.

Вход во дворец патрулировал целый полк таких же костлявых гвардейцев, выраженных в цветастые одеяния, которые личная охрана наместника носила в качестве формы еще при жизни. Одежда на скелетах болталась, как на огородных пугалах. Бравые вояки нисколько

этим фактом не смущались, усиленно нарезая круги по периметру замка. Один взвод стоял на страже возле подъемного моста. Бурбалка приблизился на расстояние ста шагов, когда его провожатого окликнул скелет в офицерском мундире, по всей видимости, начальник караула.

— Это ты, Тибальдо?

— Я! А кто ж еще тут может шляться? — гулко ответил Тибальдо.

— А с тобой кто? — не унимался офицер.

— Приказ сеньора пропустить! — отвечивал ему провожатый.

— Тогда проходите, но помните, что в моей власти наказать всякого, кто рискнет нарушить волю сеньора, — напутствовал их офицер.

Стандартная формула прозвучала слишком зловеще, чтобы Бурбалке захотелось испытывать ее смысл на себе. В конце концов от говорящей нежити можно ожидать любой подлянки, а уж от ее господина... Говорящие скелеты сами по себе были чудом из чудес, но их количество просто не укладывалось в голове.

Когда некроманту средней руки удавалось поднять десяток ходячих недоразумений с местного кладбища и заставить их повиноваться себе, такое уже считалось в среде поклонников темной стороны магии большим достижением. При этом речь шла исключительно о недавно умерших, на костях которых сохранились мышцы, способные приводить тела в движение. Даже сильнейшим знатокам некромантии не под силу заставить ходить более двух скелетов, и тем более сохранить в них искру разума. Какой же силы должен быть чернокнижник, чтобы сотворить подобное увиденному Бурбалкой в замке?

Алебарды стражников разомкнулись, пропуская призрака внутрь. При жизни Бурбалке случалось бывать во дворце правителя. Место оставалось тем же, хотя сам замок претерпел немалые изменения. Часть башен отсутствовала, часть надстроили, хотя общие очертания сохранились. На площадку перед входом нанесли магические символы, некоторые из которых тускло светились. Значения этих знаков в основном оказались знакомы Бурбалке, и он с ужасом осознал, что начертал их по меньшей мере гений. В свое время учитель не требовал от него практических занятий некромантией, но теорию заставил вы зубрить назубок. Наставник, кажется, далеко шагнул в изучении черной магии.

Провожатый довел призрака до входа в тронный зал и любезно распахнул перед ним дверь. Бурбалка недоверчиво влетел в огромную комнату, увешанную гобеленами и застеленную коврами. На троне восседал...

— Не может быть! — со смесью сомнения и испуга прошептал призрака.

— Здравствуй, дорогой друг! — поприветствовал его старик в золотом венце. — Я вижу, ты немного изменился с момента нашей последней встречи. Впрочем, я тоже.

— Алехандро Санчес! — выдавил из себя Бурбалка.

— Антонио Хосе да Сильва! — без тени эмоции в голосе отвечивал старец. — Ты удивлен встрече или тому, что здесь сижу я, а не наш учитель?

— Прямо не знаю, чему больше. А с ним че стряслось?

Старик порылся пятерней в окладистой седой бороде, вытряхнул оттуда пару хлебных крошек, прищурил глаза, из-за чего сеточка морщин на его лице стала еще гуще и бесцветным голосом произнес:

— Вижу, ты все так же намеренно коверкаешь слова. Глупо это. Сеньор Велмсли начал сильно сдавать в последние годы, стал задумываться о том, чтобы вернуть городу жизнь. Конечно же я не мог этого допустить. Он решил разрушить все, что мы вместе создавали

тринадцать лет.

— Ты че, завалил учителя? — дрожащим голосом прервал старика Бурбалка.

— Смерть — это не конец, — все так же без интонаций сказал Алехандро. — Адриан, подойди!

Из тени за колонной вышла фигура и, приблизившись, приобрела форму, отдаленно похожую на человека. Плоть гниющими черными лохмотьями свисала с костей, кое-где уже выступающих из-под слоя зловонного мяса.

— Чего изволите, Сеньор? — заискивающе и на редкость членораздельно для зомби осведомился живой труп.

— Ничего, можешь идти обратно, — махнул рукой человек на троне. — Видишь?

— Это не ответ на мой вопрос, — с отвращением произнес призрак.

— Я его освободил от проклятия жизни. Он теперь вполне доволен своим бытием и нисколько не осуждает, что мне пришлось его немного подтолкнуть.

— Ты мерзавец! — крикнул Бурбалка, начав понемногу закипать.

Алехандро сохранил бесстрастное выражение лица.

— Я знаток тайных искусств, — спокойно возразил он, — а вот ты слишком сильно проявляешь чувства. Это плохо. Тем самым ты показываешь, что в тебе больше жизни, нежели смерти. Для таких, как мы, это непозволительная роскошь.

— Каких еще таких? — фыркнул призрак. — Ты сам часом не из мяса с кровью сделан?

— Это ненадолго, — не уступил своей позиции сеньор Санчес. — Я готовлюсь к перемене, а пока плоть мне только мешает.

— Решил стать личем? — презрительно бросил дух. — Учитель предупреждал об этом.

— Он потому и умер, что не захотел становиться «порождением зла». Впрочем, мои планы с твоим появлением изменились.

Призрак тут же сжался в точку.

— Ты на че, некромантская морда, намекаешь? — начиная подозревать ловушку, дерзко пропищал Бурбалка.

С изменением размеров тоньше становился и его голос. Внутренне призрак тоже сжался, догадываясь, что с ним способен сотворить его бывший коллега.

— Я не намекаю, а говорю прямо, что мне очень понравилась твоя форма бытия. Она превосходно подходит для моих целей, и личем мне теперь становиться совершенно не обязательно.

— Эй, я на такое не подписывался! — с вызовом бросил Бурбалка.

— Не уверен, что мне понадобится твое согласие, — ответил некромант, сразу же принявшись плести какое-то заклинание.

Воздух вокруг него как будто сгустился и потемнел, а по накидке вокруг плеч заплясали фиолетовые искорки.

Бурбалка попытался удрать сквозь стену и всем своим существом почувствовал непреодолимую преграду. Ему уже раз пятнадцать не удавалось с первой попытки проскакивать препятствия, так что поначалу удивления не возникло. Списав удар на обычное невезение, дух стукнулся в то же место еще раз, а затем еще и еще.

Некромант бесстрастно улыбнулся краешками губ, не прерывая своего занятия. Мрак сгустился еще больше, окутав старика целиком. Призрак в панике заметался по тронному залу, пытаясь найти укрытие или выход. Темная вспышка волной прокатилась по помещению, погрузив в непроглядный сумрак даже самые освещенные места.

Бурбалка завершал, как через секунду выяснилось, просто от испуга. Заклинание не причинило ему никакого вреда. Дух осторожно выглянул из-за колонны. Алехандро стоял на том же месте возле трона, задумчиво пожевывая воротник своей мантии. Он внимательно рассматривал ладони, словно на них была написана причина неудачи. Уже смелее призрак вылетел на открытое пространство и спросил:

— Ну, че дальше будем делать?

— Кажется, у нас образовалась патовая ситуация, Антонио. Как в шахматах. Ты не можешь отсюда выбраться без моего разрешения, а у меня не получается использовать тебя, как я задумал. Признайся, на тебя наложена какая-то защита от темных искусств?

— Фиг знает, — честно сказал призрак-Антонио.

— У него и спросим, — ответил Алехандро, недобро усмехаясь.

[1] Ерихонка или ерихонская шапка — разновидность шлема, состоящая из стальной тульи с остроконечным верхом, плоским козырьком и скользящим наносником (прим. авт.)

Орки пришли незваными. Их злой бог надоумил безумного мага на Лумее открыть запечатанный портал, ведущий в иной мир, «полный богатств». Жаждающий славы первооткрывателя волшебник не подозревал, что по ту сторону открытого прохода между вселенными его поджидают сотни тысяч кровожадных тварей. Мага разорвали на части первым, а за его смертью по Лумее прокатилась волна орочьего нашествия, известная как «Кровавый потоп».

«Современные орки лишь отдаленно напоминают тех необузданных кочевых варваров, которые однажды наводнили королевства первичного мира. Зеленокожие гуманоиды нахватались у разумных рас всяких цивилизованных штучек вроде туалетной бумаги, ношения доспехов и скаллинга, который они переняли у эльфов, приспособив игру в кегли к своим условиям. В целом первобытная дикость и ярость покинули умы этих антропоморфов уже после первых поражений, поставив их перед сложным выбором: воевать со всеми остальными дальше или договариваться и мирно сосуществовать в новом мире.

Большая часть племен остепенилась, осела и стала промышленять мирными делами: разбоем, работорговлей, кражей скота, похищениями с целью получения выкупа и тому подобными шалостями. Часть оседлых орков даже стала наниматься к людям в армии, чему феодалы немало обрадовались, ведь берут зеленокожие за свои услуги недорого, свирепостью в бою отличаются необыкновенной, а выплескивают ее в основном на врагов, если свои под ногами не путаются.

Со временем от этих наемников у человеческих женщин стали рождаться дети, так что нынче полуорком сложно кого-нибудь удивить. Разумеется, у бедных женщин, ставших жертвами обстоятельств и военных действий, никто не спрашивает, хотят ли они ребенка от орка, но это уже совсем другая история. Орки полукровок в свои общины обычно не принимают и презирают, держа их за второй сорт, тогда как гоблинов и людей почитают за сорт третий, а остальные расы считают бракованными. Известные исключения скорее подтверждают общее правило. Если полукровке и удастся занять достойное место в племени, то только благодаря уму и умению колдовать, поскольку чистокровные орки к магии почти не способны.

Не все, однако, ушли с тропы войны. Сохранились отдельные племена, обосновавшиеся по большей части в горных районах. Они регулярно устраивают набеги на цивилизованные города и поселения, оставляя после себя только выжженную землю, руины и горы из черепов поверженных врагов. Откуда в них берется эта страсть к разрушению, не могут понять даже их более смирные сородичи. Воинственные орки обычно крупнее своих братьев, нравы и обычаи у них более жестокие, а их умелые батыры почитаются в общине наравне с богами».

Гарб свернул рукопись «О происхождении видов. Часть первая: орки», подписанную сэром Чериальдом Д'Арвином, любезно предоставленную для изучения коллегой шаманом и сладко потянулся.

— Ну, как? — поинтересовался его мнением молодой полуорк.

Издали парнишку можно было бы спутать с человеком. Для орка он не вышел ростом и размерами. Не было у него и характерной для зеленокожих бочкообразной груди, но некоторые внешние признаки сразу выдавали смешанную кровь. Слишком большая голова с

вытянутой вперед челюстью, короткая шея, выступающий широкий нос и мощные надбровные дуги не оставляли в этом сомнений.

Зато одежду юноша предпочитал вполне человеческую: белую шелковую рубашку, свободные холщовые штаны и сандалии на шерстяной носок. Венчала этот наряд серая шерстяная накидка свободного кроя. За все время чтения он не проронил ни слова, внимательно следя за реакцией читателя.

— Достойно, Рэкс, — выразил одобрение ловец духов. — Только не пойму, зачем тебе это понадобилось. Хочешь, чтобы тебя убили свои же собратья?

— Ну, — смутился полуорк. — Ради науки я готов пойти на жертвы. К тому же убить меня побоятся. Я все-таки шаман и могу наложить проклятье перед смертью, а вот изгнать всегда смогут. За ними не заржавеет. Хотя, они и читать-то не умеют. Откуда им знать, что я тут пишу?

— Я и сам в некотором роде ученый и почти понимаю тебя, — осторожно поддержал порыв историка гоблин. — Но все-таки, уверен ли ты, что твоя работа будет по достоинству оценена и принята? Как мне кажется, те же эльфы и гномы вряд ли станут восторженно отзываться о научном трактате, который симпатизирует их врагам.

— У каждого творения всегда находились пристрастные критики, но история нас рассудит. И потом, Академия в Льонесе уже прислала мне приглашение для выступления с докладом, — высокопарно произнес Рэкс.

— Да, твое выступление произведет фурор, — не без иронии ляпнул Гарб, подумав, что даже появление полуорка в городе обеспечит последнему изрядную долю внимания со стороны эльфийской общественности и особенно стражи.

Полуорк почему-то обиделся до слез, и гоблин принялся утешать гостеприимного хозяина отдельной пещеры со всеми удобствами. Внутрь заглянула подозрительно довольная морда Каввеля, а через долю секунды показался и весь минотавр.

— Все, ребятки, даю на сборы ровно пятнадцать минут, — заявил он, кладя конец невнятным причитаниям и сдавленным всхлипам. — Я договорился с Аггрхом — скоро выступаем на Алвар.

Поведению орочьего шамана он ничуть не удивился, успев привыкнуть к нему за неделю пребывания в лазарете, по совместительству оказавшимся обиталищем полукровки. Первое знакомство минотавра с рыдающим шаманом состоялось, когда Каввель пришел в себя.

— Приветик, меня зовут Рэкс! — радостно известил очнувшегося минотавра шаман. — Я твой лечащий врач.

— Рэкс? — посмаковал имя во рту Каввель, у которого раскалывалась голова и было крайне поганое настроение. — Гномы так собачек называют.

— А у людей так называют королей! — переходя на фальцет, заявил полуорк и расплакался.

С тех пор он регулярно закатывал истерики, которые минотавр вскоре научился игнорировать. Орки же старались не тревожить своего шамана по пустякам, обращаясь к нему только в самых безнадежных случаях, когда без магии или совета духов было не обойтись. Стоило только Рэксу начать всхлипать и приговаривать, что его никто не ценит и не понимает, как могучих и грозных батыров словно ветром сдувало.

Орки обычно ненавидят любые проявления слабости, но тут терпели изо всех сил. Этому вскоре нашлось объяснение. В один из дней какой-то замешкавшийся проситель на

секунду дольше положенного остался в поле зрения плачущего шамана. Рыдания перешли в утробный рев, от Рэкса отделилось туманное облако и, быстро ускоряясь, понеслось за улепетывающим беднягой. Судя по крикам и шипению, оно настигло беглеца всего в нескольких футах от выхода. Спустя пару минут он вполз обратно в пещеру, и полуорк спешно принялся смазывать ожоги, которыми облако щедро наградило незадачливого посетителя.

— Я не специально, это случайно получилось! — лепетал встревоженный шаман.

Обожженная рожа орка только искажилась гримасой боли, когда зеленокожий попытался вяло улыбнуться и сказать, что он сам виноват, прогневив духов. Тем временем кто-то уже гоготал за стенкой, пересказывая в сотый раз, как под горячую руку плаксы попал очередной неудачник.

Странный шаман был для племени чем-то вроде талисмана. Его любили несмотря на очевидную слабость, уважали за скрытую в нем силу и побаивались непредсказуемых ее проявлений.

Каввель уже успел освоиться в роли военного вождя племени. Обязанности политического руководства возложил на себя Агтрх как самый сильный и умный из местных. Этот факт попытался оспорить только Бутлур, но быстро получил доказательства своей неправоты в виде синяка под глазом и смирился.

На плечи военного вождя легло тяжелое бремя организации похода. При этом минотавр, не зная ни орочьего языка, ни обычаев племени, старался не вляпаться в какой-нибудь конфуз. До сих пор ему активно помогал Рэкс, и Каввель великодушно прощал полуорку периодические жалобы на все и вся. Последний со своей стороны несмотря на кажущуюся бесполезность очень многое сделал, чтобы облегчить новому предводителю вхождение во власть.

Когда тауросу в сопровождении двух шаманов появился на плато перед входом в главную пещеру, вся орочья рать выстроилась в боевом порядке для смотра. Каввель недовольно поморщился, глядя на бестолково переминающихся с ноги на ногу обормотов в кожаных доспехах, трофейных кольчугах, а то и без таковых. Стояли все, естественно, вразнобой, шеренги изгибались под причудливыми углами и порой пересекались. Батыры переругивались, некоторые что-то жевали, в двух местах назревала драка.

Среди матросов Лунного моря было куда больше дисциплины, а пираты Каввеля славились хоть и на редкость свободолюбивым нравом, но мирились с довольно жесткими порядками своего капитана. На море отсутствие дисциплины порой стоит жизни. К тому же пиратов сдерживал морской кодекс, а для орков законы вообще не писаны. Минотавр тяжело вздохнул и скомандовал выступление, решив обходиться тем сбродом, что есть под рукой. В конце концов, дисциплину этим дикарям можно привить, как и пиратам, надо только подучить язык. В остальном Каввель полагался на свой богатый опыт, а также многочисленные навыки и таланты.

Командиры по цепочке передали приказ, и нестройная толпа в полтора морд неспешно побрела в сторону города мертвых. Зрелище удручающее, но обманчивое. Этот отряд представлял собой грозную боевую единицу, способную обратить в бегство человеческую армию в несколько раз больше численностью.

Михель, две недели чувствовавший себя овцой в волчьей стае, вздохнул с превеликим облегчением. От участи стать обедом его спас только героизм Каввеля, и монах проникся нескрываемым уважением к гиганту. Но даже сейчас расслабиться не давало наличие

неподалеку отряда людоедов, время от времени бросавших на него плотоядные взгляды. Поэтому Михель все время старался держаться поближе к минотавру.

Каввель с решительным видом закинул секиру на плечо и последовал за своей маленькой армией, а монах и шаманы пошли за ним, развлекаясь дискуссиями о вечном и гадая, бросил их непутевый Бурбалка или просто потерялся.

— Эй, Алехандро, мне долго еще тут чалиться? — жалостливо сказал Бурбалка, в очередной раз наткнувшись на стенку кокона.

— Зови меня Сандро! Так солиднее, — потребовал некромант и добавил. — До полного раскрытия твоих секретов.

Призрак тяжело вздохнул, а колдун и бровью не повел. Он широким жестом обвел скелетов из личной охраны.

— Нравятся мои творения? Кости очень прочные. Армирование я произвожу по собственной технологии, — с гордостью поведал Сандро. — На самом деле им даже не обязательно носить доспехи, ведь лобная доля черепа любого из них выдерживает рубящий удар двуручного меча! А уж для обычного колюще-режущего инструмента они и вовсе неуязвимы! От боевых молотов пока не защищены, но я над этим работаю.

Бурбалка рассеянно слушал, стараясь осмыслить произошедшее за последние несколько дней.

Старому мерзавцу явно не хватало чего-то на уровне высшей магии, чтобы всласть поиздеваться над духом. В то же самое время у пленника не было ни малейшей возможности вырваться из удерживающего заклятия. Почти две недели колдун регулярно навещал его в подземелье, куда переместил вместе с коконом.

Каждый раз Сандро пробовал всякие чернокнижные штучки. Терпел неудачу, сквозь зубы чертыхался и уходил в свою башню, чтобы следующей ночью вернуться с очередной порцией трюков. Когда набор фокусов истощился, некромант сменил тактику и перешел к разговорам.

Повелитель мертвых рассказал, как после исчезновения Антонио учитель поклялся отыскать его, а заодно и того демона, из-за которого стряслась беда. Изверга удалось вызвать через несколько лет экспериментов. К тому времени учитель овладел магией призыва в совершенстве, поэтому вызванной твари пришлось очень несладко. Под пыткой она рассказала все, что знала, в обмен на клятву ее отпустить.

Так удалось узнать, что непутевого ученика забросило в Умбру. Больше демон ничего не смог рассказать. Верный клятве сеньор Велмсли освободил его и продолжил поиски.

«Если б ты только знал, учитель, что там нельзя выжить!» — подумал дух, — «Ты бы сразу потерял надежду».

— Впрочем, с порталами у него так ничего и не получилось. Так что спустя несколько неудачных опытов он вернулся к экспериментам с искусством некромантии, надеясь воскресить тебя хотя бы таким образом.

Беда, как всегда, подкралась с подветренной стороны. Один из экспериментов по совмещению обычной некромантии с порталной магией дал Сандро необычайную силу повелевать мертвыми. Сеньор Велмсли в попытке повторить результат что-то напутал с магическими векторами, и все, кто находился в Алваре в тот момент, неожиданно умерли. Это пришлось весьма кстати, так как опытами двух безумцев всерьез начала интересоваться городская стража. Сандро тут же воспользовался случаем, чтобы объявить себя повелителем

города. Старик Адриан не возражал, но намекал, что надо бы вернуть все, как было, попользовавшись плодами успехов.

До поры до времени дела шли нормально, а исследования сменяли друг друга, Алехандро наслаждался жизнью и развлекался работой с костями подданных. Так бы все и продолжалось, если бы учитель незаметно для себя не постарел. Адриан, по словам Сандро, к тому времени совсем спятил, все твердил, что обязательно надо успеть, запирался подолгу в лаборатории, ставил опыты. Наконец он радостно объявил, что у него все готово и пора приступить к заключительной части, то есть к воскрешению города.

— Я пытался отговорить учителя от его бредней, — заявил Сандро. — Он упорствовал, так что пришлось решать вопрос радикально.

— Зачем?! — спросил потрясенный жестокостью бывшего товарища Бурбалка.

— За комодом, — зловеще усмехнулся некромант. — Больше про это не спрашивай.

В бывшем коллеге Антонио жизни оказалось все-таки больше, чем он пытался изобразить. Тщательно скрываемые эмоции то тут, то там вырывались наружу, проявляясь в виде гордости за свою работу, тщеславия, досады от неудач и страха смерти. Дух решил попытаться это использовать в своих интересах.

— Есть у меня один знакомый монах, — обмолвился он где-то на тринадцатый день разговоров. — Он может помочь тебе провести нужный обряд с моим участием.

— Да? — усомнился Сандро. — А с чего это вдруг ты решил мне помочь?

— Предлагаю взаимовыгодную сделку! — без обиняков выпалил Бурбалка. — Ты станешь таким, как я.

— А какая польза от этого тебе? — спросил Сандро. — Ведь ты в результате должен погибнуть. Не умереть и стать зомби, а именно исчезнуть.

— Вот и нет! — ответил призрак, придав голосу побольше убедительности, чтобы колдун не догадался, что он и сам сомневается в исходе ритуала. — Участие монаха должно компенсировать всплеск Тэ за счет большого количества Дэ. Так ты получишь свое, а я верну себе тело.

Глаза Сандро загорелись. Он вскочил и быстро забегал взад-вперед перед темницей.

— Интересная мысль, — сказал он, останавливаясь. — Но монах... С чего ты взял, что он согласится нам помогать. Мое ремесло противно самой сути таких людишек.

— Уговоры я беру на себя.

— Что ж, говори, где взять этого служителя.

— У орков.

— Орк-монах? Смешно! — хрипло рассмеялся некромант.

Бурбалка гулко завыл, заставив собеседника прерваться.

— Он человек и у орков в плену. А еще у них в плену минотавр, который знает тонкости обряда, и гоблинский шаман и маг, который окажет неоценимую помощь в случае, если твоей магии окажется недостаточно.

— И давно они в плену у моих беспокойных соседей?

— С момента моего появления в твоём гостеприимном городе, — ответил дух.

— Наверняка их уже съели, — разочарованно протянул Сандро.

— Зная этих ребят, готов с тобой не согласиться!

— Поскольку мы все равно никуда не торопимся, я всегда могу послать отряд-другой разведчиков узнать, что да как, — более чем разумно согласился колдун. — А ты пока посидишь здесь.

— Придется, — ответил призрак, тем более что ничего другого ему не оставалось.

Вторжение остановили лишь совместными усилиями всех жителей Лумеи. Пока дворфы отражали атаку за атакой, а боевые машины гномов косили бесчисленные орды зеленокожих, эльфийские маги обратились к темному искусству некромантии. Орков победили их же мертвые сородичи. Только из-за этого дворфы вконец разругались с эльфами, да и сам прекрасный народ разделился на светлых и темных.

Разведчики донесли, что в окрестностях Алвара все спокойно, часовых на башнях не видно, и город выглядит очень тихим и заброшенным. Каввель, опасаясь ловушки, велел разбить лагерь в половине дневного перехода от цели похода и выставить усиленную охрану. К его огорчению, первый же обход постовых выявил, что большинство из них даже не смотрит в нужную сторону. Наорав на караульных и пригрозив всех поубивать, минотавр удрученно вернулся в штабную землянку. Часовые лениво выслушали реплики на малопонятном всеобщем и с чистой совестью вернулись к своим делам: игре в кости, сладкому сну на свежем воздухе и вкусной бузе из походных фляжек.

Исследовать город на военном совете решили с утра, чтобы не давать нежити лишних преимуществ. Шаманы признались, что их обоих терзает смутное чувство тревоги. Эта новость никому не добавила оптимизма, и все с мрачными рожами поплелись спать. Михель, уходя на боковую, ворчал, что эти вещуны вечно напустят туману, а порядочным людям читай всю ночь мантры, чтобы уснуть.

Впрочем, уже через десять минут от спального места человека донесся богатырский храп, дружно подхваченный большей частью лагеря. Звуки далеко разносились во влажном ночном воздухе, и Каввель обреченно схватился за голову. Спрятать расположение такой стоянки можно разве что от абсолютно глухих и слепых. Оставалось надеяться, что злобный некромант не догадывается об их экспедиции.

Гарб и Рэкс тем временем в своем шалаше попытались установить местонахождение пропавшего призрака. Перепробовав четыре вида гаданий и восемь поисковых заклинаний, Рэкс посмотрел на своего коллегу и отрицательно покачал головой.

— Нет, друг мой, ваш компаньон будто исчез из этого мира, хотя какие-то следы определенно сохранились.

— Зная этого хитрющего морока, не удивлюсь, если он просто открыл портал и переместился в другой мир, бросив нас на орочий произвол, — согласился Гарб, хотя интонации в его голосе говорили скорее о тревоге за судьбу компаньона. — Непутевый он.

— Не переживай, — потрепал гоблина за плечо Рэкс. — Найдется.

Отряд скелетов почти беззвучно окружил мирно спящий лагерь. Командир диверсионной группы выслушал донесение лазутчиков, презрительно процедил сквозь зубы «шайка даунитос» и приказал действовать. Тридцать воинов, на полированных костях которых плясали отблески пламени бивуачных костров, осторожно прокрались мимо похрапывающих часовых в самое сердце лагеря. Никто даже не заметил присутствия чужаков в охраняемом периметре, пока они сами не устроили переполох, опрокинув на оставленный догорать костер полевой кухни котелок с водой.

Сразу стало значительно темнее, а сквозь клубы пара к диверсантам вылезла

проснувшаяся от шума старая повариха и ошарашила незваных гостей потоками нецензурщины. Скелеты попятились от скалки в ее огромных нагруженных ручищах и рассредоточились между палаток, сея смерть направо и налево среди заспанных зеленокожих. Те, кто успел поднять для самозащиты меч или секиру, оказались немало удивлены тем, что их удары если и достигают цели, то оружие со звоном отскакивает от блестящих голов.

Любой опытный воин на Лумее знает, что скелет, поднятый при помощи черной магии, легче всего упокоить, разнеся ему в щепки череп чем-нибудь тяжелым. Отсечение всех конечностей считается значительно более сложным, а потому неэффективным способом. Сейчас же проверенная тактика не давала нужного результата.

Хаос продолжался минут десять, после чего диверсанты дали деру в противоположную от Алвара сторону. С проклятиями за ними вдогонку бросились все, кто еще был в состоянии стоять на ногах. Погоню возглавил лично Каввель, который совсем не обрадовался, когда полог его палатки откинулся, и костлявая лапа попыталась распылить внутри какой-то порошок. Рефлексы у минотавра сработали на ура, и скелет, прихватив отрубленную конечность, принялся улепетывать, попутно громко поминая нехорошими словами всю родню пирата.

Догнать никого не удалось. Орки вернулись в развороченный лагерь зализывать раны и подсчитывать потери. Тут-то и обнаружилось отсутствие Михеля и Гарба. Вначале тауросу предположил, что они просто спрятались, пережидая нападение. Посланные следопыты обшарили все окрестные кусты, но так никого и не нашли. Окончательно все встало на места, когда в шаманской палатке отыскалось бесчувственное тело Рэкса.

Полуорк долго не желал приходить в себя, а когда наконец очнулся, то рассказал, что в их палатку подбросили сонный порошок, и сам полуорк почти мгновенно уснул, а Гарба, наверное, похитили. Минотавр рвал и метал, на этот раз заставив дрожать обычно непробиваемых для упреков орков. Даже Агррх обеспокоенно начал следить, не краснеют ли глаза у его нового коллеги. К всеобщему облегчению, доводить себя до безумного неистовства военный вождь не стал.

— Как доберемся до Алвара, сразу пойдем на штурм, — с мордой мрачнее тучи сообщил он Агррху. — Упаси вас ваш бог...

— Бурхан Одноглазый, — услужливо подсказал Рэкс.

— Упаси вас Бурхан струсить, лично убью любого, — пообещал Каввель. — А ты найди способ бороться с прочными скелетами.

Рэкс молча поклонился, уже перебирая в уме, успеет ли он зачаровать оружие для всех, какие ингредиенты ему для этого потребуются и какое заклинание лучше подойдет для борьбы с нежитью.

Командир диверсантов сдал трофеи на руки начальнику дворцовой стражи, отсалютовал и отбыл по своим делам. Офицер почесал заостренными фалангами пальцев затылок и собрался было окликнуть парочку подчиненных посмышленных. Переноска «гостей Сеньора» в приготовленные для них апартаменты в подвале — дело деликатное. Недотепы могут уронить, а за испорченных пленников Сандро может буквально снять голову. Вдруг один из захваченных, не человек, пришел в сознание.

— Интересно, это меня в Алвар занесло что ли? — сказал он вслух, обращаясь скорее к самому себе.

— А куда ж еще? — удивился офицер. — Вокруг на десятки миль больше городов нет.

Пленник от неожиданности дернулся, и только веревки удержали его тело на месте.

— Кто это сказал? — дрожащим голосом поинтересовался он, пытаясь обозреть все темные углы замкового двора.

— Я, капитан Рамирес, к вашим услугам, — ответил капитан, чинно кланяясь.

Такая реакция незнакомца его конечно не взбесила, но и не порадовала. Ну, скелет. Ну, разговаривает. Подумаешь! Он не так давно голосящее полупрозрачное облако видел — вот это диво.

— Ты можешь говорить? — вытаращил глаза гоблин на чудо в драном камзоле.

— Могу, конечно! — раздраженно пророкотал скелет.

— Восхитительно! — обрадовался пленник. — Может быть, ты еще и помнишь, кем был при жизни?

— В Алваре любой помнит, кем он был при жизни! — высокомерно отозвался начальник стражи, дивясь простоте собеседника.

— Поразительно! Просто поразительно! Надо будет Рэксу сказать, он про вас трактат написать сможет.

Командир стражи попытался понять, о чем это толкует незнакомец. Не придя к успеху, скелет решил развить предыдущую мысль.

— Мы такими стали по воле Сеньора. Он нам дал бессмертие и может его забрать обратно.

— Сеньора Велмсли?

— Нет, сеньора Велмсли больше нет. Есть только Сеньор Сандро.

— Ага! — подумал Гарб, но вслух произнес совсем другое. — Так, говоришь, вам нравится быть такими?

— Не скажу за всех, — осторожно ответил скелет. — Лично мне уже надоела такая жизнь. Сразу-то еще ничего было, а теперь страсть как хочется отведать порцию пинчо моруньо[1] с оливочками под бокальчик Гран Резерва[2] в теплой компании. Все бы отдал за это.

Гоблину страшно захотелось почесать нос, но лапы надежно скрутили за спиной.

— А другие что думают? — уточнил шаман, извиваясь ужом.

— Я к ним в черепушки не залезал, — внезапно огрызнулся офицер. — Заболтал ты меня, а Сеньор уже заждался, небось.

— Так боишься своего Сеньора? — насмешливо хмыкнул Гарб.

— Не боюсь, — доверительным шепотом сообщил скелет, — но ему об этом знать не обязательно.

— Тогда зачем же вы ему служите, если не боитесь? — тоже переходя на шепот, попытался выяснить подробности ловец духов.

Рамирес помедлил с ответом.

— Как сказать, — ответил собеседник, издав звук вздоха. — Сеньор не такой уж плохой господин. Не хуже наместника, который был до него. Даже лучше. Он не душит горожан налогами, мы не боеем, не страдаем от холода, не голодаем, не видим, как наши близкие умирают. Нужно ли что-то менять?

— А как же свобода, которую он у вас украл?

— Свобода? — скелет посмаковал это слово. — А разве мы были свободны до превращения? Королевская прихоть делала любого знатного человека всего лишь игрушкой в

руках палача, а каприз дворянина мог обречь простолюдина на нищету или унижение. Даже король не был свободен, потому что им вертели как хотели его фаворитки, а ими их любовники.

— Допустим, что не были. А если вы станете свободными, когда вновь оживете?

— Что ты имеешь в виду? — заинтересовался офицер.

Гарб выдержал драматическую паузу для усиления интриги.

— Над вами не будет короля. В пределах этого города вы сами сможете определять свою судьбу.

— Демокрасья? Звучит заманчиво, — пробормотал начальник стражи, которому такая идея в череп никогда не приходила. — Только вот на пути к свободе есть Сеньор, который не одобрит инсуррексьон.

— А вы просто перестаньте ему подчиняться, — посоветовал шаман.

Скелет совершенно искренне расхохотался.

— Как ты себе это представляешь? Он способен обратить в пыль любого, кто выйдет из повиновения.

— Я могу вам помочь, — спокойно сказал Гарб, как и Бурбалка заметивший светящиеся письмена, сплошным узором покрывающие плиты внутреннего дворика.

Следующие десять минут ушли на описание плана, уточнение подробностей и сроков исполнения. Скелет одобрительно хмыкал, иногда просил объяснить непонятные слова и остался доволен.

— Что ж, карамба, с таким раскладом можно рискнуть, — решил Рамирес.

— Тогда делаем, как договорились.

— Не так быстро, онрадо[3]! — сделал предупредительный жест рукой начальник стражи и в свою очередь поведал, что пленников доставили для очередных экспериментов Сеньора. — Я побаиваюсь этих его чернокнижных штучек.

— Вот как начнет эксперименты на нас ставить, так сразу и приступайте, — сказал Гарб. — Он будет занят и помешать вам не успеет.

Сандро принял офицера с докладом. Обычно бесстрастное лицо некроманта исказилось от гнева, когда он узнал, об отсутствии минотавра среди пленников. Немного погодя он поразмыслил и пришел к выводу, что ключевым персонажем все-таки является монах, поэтому обряд вряд ли сорвется даже без консультации специалиста.

Сандро спустился в подземелье и осмотрел пленников. Их состояние показалось колдуну удовлетворительным. Человек и гоблин должны были очнуться от действия порошка с минуты на минуту. Сеньор сразу принялся раздавать приказы по подготовке лаборатории, ингредиентов и безопасности.

Бурбалка оживился, когда стража внесла Михеля и Гарба в соседние камеры. Однако проникнуть к ним не удалось: удерживающий магический кокон сузился до размеров застенка и не давал выйти наружу. Раньше Сандро позволял призраку свободно летать по всему подземелью, но сейчас, видимо, решил исключить преждевременное общение участников предстоящего магического действия. Кокон не позволял даже заглянуть к друзьям, оставляя узника биться о стены темницы в бессилии. Он не мог удостовериться в целостности и сохранности компаньонов, и это удручало.

По коридору между камерами туда-сюда деловито сновали подручные некроманта. Бесчисленные коробки в их руках подсказывали, что повелитель мертвых серьезно подходит

к процессу своего превращения в новую форму не-жизни. Бурбалка мысленно улыбнулся, предвкушая зрелище вытянувшейся физиономии своего бывшего напарника после завершения обряда не совсем по плану. Когда дух объяснял Сандро, какие действия необходимо совершить для проведения ритуала, то совершенно случайно «забыл» упомянуть некоторые детали.

Например, некромант мог неожиданно исчерпать запасы магической энергии, что неминуемо привело бы к его гибели. Результат обряда тоже мог оказаться непредсказуемым. Это Бурбалка знал в теории и очень сомневался, что на практике получится как-то иначе. Конечно, Сандро всегда мог проверить слова призрака по книгам, если бы у черного мага нашлось для этого хоть немного времени.

Повелитель мертвых понимал, что орки не простят нападения и ударят в ответ, поэтому обряд следовало провести как можно скорее, чтобы лично встретить угрозу, если зеленокожие вздумают пойти на приступ. Перелистать же сотни книг в поисках нужных сведений за пару дней не смог бы даже величайший архимаг, а Алехандро Санчес никогда феноменальными талантами не блистал, и единственные его успехи выражались в необычайной мощности темных ритуалов. С магической точки зрения, объяснения Бурбалки выглядели безупречно и подозрений вызвать не могли, хотя призрака все равно терзало чувство, будто что-то идет не так.

Неподалеку раздался стон, и дух узнал голос Михеля.

— Эй, ты в порядке? — крикнул Бурбалка.

— О, наша оптическая иллюзия нашлась, — послышался из глубины подземелья голос Гарба.

— Сам ты иллюзия! — радостно завопил дух.

— А нельзя не орать? — головная боль словно с похмелья терзала монаха, глухо отдаваясь в висках при каждом шорохе.

— Ты в порядке? — шепотом повторил вопрос Бурбалки шаман, осматриваясь.

Из своей клетки гоблин мог видеть только кусочек скудно освещенного коридора.

— Голова раскалывается, — угрюмо ответил Михель. — Где мы?

— В подземелье замка повелителя Алвара, — сообщил Бурбалка.

— Зачем нас сюда притащили? — спросил Гарб. — Что ты рассказал Сандро?

— Спокойно, друзья, — быстро ответил призрак. — Мы ему нужны для одного магического обряда. Каввель с вами?

— Его с нами не было. Наверное, остался у орков, — сказал Михель, потирая виски ладонями.

Гарб не на шутку встревожился. Скелеты могут испортить руны во дворе в самый неподходящий момент, а некоторые магические процедуры прерывать совсем не рекомендуется. Может сильно бабахнуть.

— Какого рода планируется обряд? — задал он вопрос.

— Ритуал для изменения сущности. Его, а заодно и моей. Я верну себе тело!

— И кто же надоумил некроманта привлечь нас к этой отвратительной противоестественной церемонии? — недобро уточнил монах.

— Я, — честно признался дух.

— Я так и знал, что ты порождение тьмы, подлежащее немедленному уничтожению!

Собеседники в этот момент не могли видеть монаха, иначе бы подивились произошедшим с ним переменам. Его осанка выпрямилась, лицо светилось, а глаза пылали

священным огнем праведного гнева.

— Погоди кипятиться, — остудил его пыл Гарб. — Что включает в себя обряд, и какой точно будет его результат?

— Помнишь, я говорил про впитывание энергий? Про костер?

— Ага, — сразу все понял гоблин. — Дальше расспрашивать можно, или нас могут подслушать?

— Могут, поэтому прошу просто довериться мне.

— Вот еще! — подал голос монах. — Я сюда шел бороться с нежитью, а не помогать ей стать сильнее.

Призрак понял, что все может сорваться и запаниковал. Когда он впадал в такое состояние, то начинал говорить в немного несвойственной для себя манере.

— Молодой человек, вы-таки понимаете, что говорите? А то, что люди тут в виде ходячих костей горбчатся на злобного гада в человеческом обличье? Освободить их выше монашеского достоинства? А мне вернуть тело и избавить мою душу от тысячелетних мучений? Что может быть более богоугодным, чем возвращение тела мученику?

— Мученику? — смутился Михель. — Я как-то не подумал...

— Во-во! Не подумал он! — разошелся Бурбалка. — Пятками махать ваша братия горазда, а слабо мозгой пораскинуть разок? Убить некроманта всегда можно, а как быть с его рабами? Они, может, без него пропадут. Хочешь обречь их на муки адские? А твой Вседержитель это одобрит?

— Но... это же не будет против законов природы, если я помогу некроманту? — робко спросил монах.

— Вовсе нет! — убедительно произнес призрак. — Я бы сказал, это твой долг.

Последнее слово запустило в голове человека какой-то скрытый механизм и подавило все сомнения. За несколько лет в монастыре понятие долга так вьелось в мозг послушника, что он не мог не откликнуться на такой зов о помощи.

— Что от меня требуется? — решил почитатель Вседержителя.

— Самая малость, — дух тут же сменил тон на деловой. — Во время церемонии тебе нужно делать то же самое, что ты делал, когда мы тебя в первый раз встретили.

— Молиться? — не понял Михель.

— И это тоже, — не стал уточнять Бурбалка. — Подробности тебе сам некромант расскажет. И ему, кстати, эта процедура приятной не покажется.

— Ну, если ради дела света, то я готов, — сообщил монах.

— Вот и чудесно, — елейный голос Сандро донесся от входа в подземелье. — Раз все согласны, не будем затягивать, тем более что уже все готово.

[1] Шашлык из свинины (чел.)

[2] Вино пятилетней выдержки (чел.)

[3] Уважаемый (чел.)

С тех самых пор недолюбливают дворфы и эльфы друг друга. А пуще того друг друга терпеть не могут темные троу и светлые лусиды. Темные верят, что некромантия не противоречит сущности мироустройства, а светлые ее на дух не переносят. Впрочем, оркам все равно, в эльфов какого цвета стрелять.

Сандро лично проводил гостей в лабораторное помещение, под которое в его правление приспособили покои жены наместника. Из просторного зала в свое время убрали все лишнее, чтобы экспериментаторов ничто не отвлекало. Гарб с интересом принялся рассматривать обстановку.

В его представлении святая святых любого уважающего себя чернокнижника должна была содержать кучу трупов, гору черепов, паутину на стенах, запах разложения, иметь зловещую ауру и прочие атрибуты смерти. Гоблин об этом знал лишь из сказок, поэтому немало удивился царящей в лаборатории чистоте. Воздух был свеж, ведь помещение только что проветрили, паутину смели, а трупы, вероятно, убрали. Кости, правда, присутствовали — они стояли на страже, сомкнув за вошедшими пленниками глефы с относительно короткими древками и довольно длинными клинками.

Некромант объяснил, что следует делать каждому из участников.

— Гоблин, ты будешь резервным источником, если мои силы исчерпаются. Ты, монах, молись своему богу и изгоняй тьму из неживой оболочки призрака.

В глазах последователя Старого ордена все еще читалось сомнение, но он его не высказал.

— Я буду контролировать магические потоки с целью компенсации некротических возмущений, чтобы направить их в нужную сторону, — продолжил Сандро.

Далее последовала пятиминутная лекция, изобилующая терминами. Чем больше повелитель Алвара вдавался в подробности, тем в больший ужас приходил Гарб. План, который они составили с начальником стражи, подразумевал, что скелеты, желающие освободиться от Сандро, разом внесут кое-какие изменения в светящиеся рисунки. Где-то сотрут пару линий, где-то добавят. В сущности пустяк, хотя и требующий синхронности.

Этот пустяк, однако, должен был лишить некроманта большей части его магических способностей. Проблема заключалась в том, что лишенный силы колдун неминуемо начнет черпать магию для обряда из Гарба и, возможно, даже не поймет, что происходит. Изменение рисунков наверняка начнется, как только двери лаборатории закроются. Срывать ритуал тоже нельзя: результат испорченного сверхсложного заклинания может оказаться любым, и хорошо, если это будут просто сильные ожоги от внезапного выброса энергии.

— Ой, беда! — подумал гоблин. — Это получается, что мной сейчас попользуются, выпьют досуха, а потом еще, небось, и оживят мой хладный труп потехи ради. Как бы передать весточку наружу?

Словно в ответ на его тревожные мысли, Сандро без предупреждения сообщил, что ритуал начинается. Кокон с Бурбалкой переместился в центр сигила, искусно выгравированного на полу лаборатории.

«Сигил — символ, обладающий особой магической силой. Часто наносится на магические печати. Представляет собой концентрированное желание, выраженное

предметной магической оболочкой в виде определенного рисунка. Следует использовать с исключительной осторожностью», — в голове Гарба некстати всплыло определение из учебника магии. Душа вдруг ушла в пятки.

Створки дверей захлопнулись, лишая растерянного маленького гоблина всякой надежды выйти наружу живым.

— Я не хочу! — неожиданно для всех пискнул Гарб.

Михель укоризненно посмотрел на него, и во взгляде монаха читалось: «А какого ж ты тогда от меня требовал?». Хотя на некроманта монах бросал куда более неприязненные взоры. Призрак попытался что-то сказать, но из кокона не донеслось ни звука. Сандро презрительно зыркнул исподлобья и промолчал, едва заметно щелкнув пальцами.

Дальнейшее Гарб мог лишь молча наблюдать, потому что мышцы разом одеревенели, а язык отказал напрочь. Со стороны могло показаться, что гоблина хватило взглядов остальных участников церемонии, чтобы усовеститься и все-таки решиться на проведение обряда. На деле шаман оказался почти полностью парализован, и только злая воля некроманта удерживала его от падения на гладкий пол лаборатории. Глаза юноши беспомощно обшаривали помещение в поисках спасения. Тщетно.

Сандро воздел руки над Бурбалкой и кивнул монаху, чтобы тот сделал то же самое. Заклинатели начали шевелить губами: один принялся шептать молитву, а второй произносить то, что в церковных кругах сочли бы полной противоположностью восхвалению Вседержителя. От рук обоих к кокону взметнулись совершенно одинаковые дорожки искорок. Только у Михеля они напоминали по цвету морскую волну, а у Сандро мерцали глубоким аметистовым оттенком фиолетового.

Гарб, несмотря на паралич и страх не утративший природной любознательности, с интересом отметил этот факт, ускользнувший от внимания самих заклинающих, сконцентрировавшихся на обряде. Неяркое поначалу сияние окутало Бурбалку целиком, а потом перекинулось на руки заклинателей, погрузив их в мерцающее облако по локоть. Облако дюйм за дюймом принялось ползти все выше и выше, пока не достигло плеч, озаряя уже довольно ярким свечением стоящие в центре зала фигуры.

Вслед за этим стали происходить изменения во внешности некроманта: старик начал стремительно молодеть. Сам чернокнижник, по-прежнему занятый обрядом, этого не видел, так что зрелищу пришлось удивляться остальным участникам происходящего. Бурбалка беззвучно забился внутри кокона, вызвав недоуменный взгляд Михеля и негодующий вопль Сандро:

— Не прерываться! Малейшая ошибка, и мы все умрем!

Гарб вдруг почувствовал себя дурно. В глазах потемнело, а ноги подкосились. На звук упавшего тела никто не обернулся: Михель стоял к гоблину спиной и, вняв предостережению, не позволял себе отвлекаться, некромант прекрасно все видел, а призрака ослепляло свечение в коконе. К тому же Бурбалке и без этого приходилось несладко: потоки чуждой его природе энергии медленно разрывали каждую частичку бесплотной оболочки духа на части, заставляя корчиться от страшной неземной муки.

Тем временем за дверью что-то происходило. Сторожевые скелеты молча переглянулись, а затем дружно отскочили в стороны от разлетающихся на мелкие кусочки дверных створок. В пыли, завесившей дверной проем, показалась морда Каввеля, искажившаяся от безумной ярости при виде неподвижного тела маленького ловца духов. Минотавр отшвырнул боевой молот, выхватил у стоящего сзади орка свою секиру и понесся

к некроманту. Не добежав до круга с заклинателями всего пару шагов, он рухнул на колени и выронил оружие. Сандро недоуменно уставился на нарушителя спокойствия, но ритуал прерывать не стал. Вслед за вождем орков в комнату влетел Рэкс, успевший мгновением ранее оценить ситуацию и аккуратно уронить минотавра до того, как тот наломает дров.

— Помогай! — отрывисто скомандовал некромант, опознав во втором незваном госте колдуна и кивнув на лежащего гоблина.

Повторное приглашение не потребовалось, и полуорк решительно занял место Гарба в одной из вершин сигила, шепнув при этом Каввелю, чтобы тот не вздумал переступить начерченный на полу круг. За дверью скопилась толпа зеленых рож, кинувшихся было на выручку своему командиру, но не посмевших мешать Рэксу.

Через несколько минут сияние стало настолько ослепительным, что находящимся по ту сторону круга пришлось отвернуться, чтобы не потерять зрение. Участники обряда, казалось, даже не заметили перемены. Время замедлилось до предела, каплями стекая по натянутым нервам присутствующих, а тишина нарушалась лишь потрескиванием свечей, успевших догореть почти до основания, и бормотанием заклинателей.

Наконец Сандро умолк, и свечение тут же исчезло, погрузив лабораторию в непроглядную тьму: свечи догорели и погасли, а окна с самого начала были плотно задрапированы.

Звуки падающих тел вывели Каввеля из ступора. Он подскочил к тяжелой гардине и рывком сдернул ее с карниза. Солнечный свет больно резанул по глазам, заставив всех зажмуриться. Когда минотавр проморгался, то увидел, что посреди комнаты стоит высокий смуглый черноволосый молодой человек. Парень был совершенно голым, но не обращал на это внимания. Он с таким удивлением рассматривал свои руки, словно ожидал, что они вот-вот превратятся в облачко и улетят.

Рядом с ним неподвижно лежали четыре тела. Каввель бросился к Гарбу и с облегчением убедился, что тот дышит. Орки тем временем бережно подняли своего шамана и понесли на воздух, посчитав, что в душном помещении Плаксе будет труднее вернуться в сознание. Сандро и Михель застонали в унисон, обозначая свое нежелание уходить в мир иной раньше отведенного им срока. Михель сел, потирая ушибленный лоб.

— Эва как меня припечатало, — прохрипел он.

Сандро, пошатываясь, поднялся на ноги и произнес сильно помолодевшим голосом:

— Обряд прошел неправильно. Ты меня обманул, Антонио! За это ты умрешь.

Минотавр уставился на него, потом перевел взгляд на второго черноволосого и протер глаза. Картинка не поменялась: оба выглядели братьями близнецами, только один стоял в одежде, а второй без.

— Можно подумать, если бы все получилось, ты бы меня не убил! — фыркнул Бурбалка, вновь обретший осязаемость.

В помещение вошел незнакомый человек в драном мундире гвардейца и при шпаге.

— Простите, что прерываю, сеньоры, но я вынужден вас арестовать до выяснения всех обстоятельств.

— Ты кто такой? — высокомерно спросил некромант.

— Начальник дворцовой стражи Рамирес, к вашим услугам, — хищно ухмыляясь в тонкие черные усики, ответил незнакомец и отвесил изящный поклон.

Впечатление от его манер слегка портило просвечивающее сквозь дыры в камзоле тело,

но как истинного гранда, офицера заботил прежде всего долг, а уже потом внешний вид. Онный велел в первую очередь задержать мерзкого поработителя. В дверь протиснулось еще пять гвардейцев, к которым присоединились двое стражей, до этого тихонько отсиживавшихся в углах. По команде Рамиреса они встали полукругом и, взяв глефы наперевес, начали приближаться к сигилу.

— Что ж вы натворили! — взвыл Сандро голосом, полным искреннего трагизма.

Затем колдун почти мгновенно растворился в клубах едкого черного дыма. Бывшие скелеты бросились его хватать, но их руки прошли сквозь расплывчатые очертания некроманта и схватили только воздух. На полу образовалась куча мала из желающих поучаствовать в задержании тирана, но не удержавших даже равновесия.

Под шумок Каввель схватил бесчувственного Гарба и задал стрекача в сторону выхода из дворца. За ним устремились Михель с Бурбалкой, который на ходу сорвал со стены какой-то зеленый флаг и обмотал им талию, создавая видимость одетости. Рамирес только посмотрел им вслед и покрутил пальцем у виска. Препятствовать выходу пестрой компании из города никто не стал.

Дым сгустился у потолка и понемногу просочился в вентиляцию, провожаемый сочными проклятиями на двух языках — других способов ему помешать гвардейцы не придумали. Из вентиляционной шахты Сандро выбрался наружу и улетел в неизвестном направлении.

Рэкса похоронили по старинному обычаю как вождя. Орки долго ждали, пока шаман придет в себя, но так и не дождались. А потом у полуорка остановилось сердце. Знахарки пытались вливать храброму юноше в рот какие-то отвары, но они не помогли. Каввель с Михелем и Бурбалкой скоро нагнали молчаливую траурную колонну.

— Тяжелые времена наступают, — сурово сказал Аггрх приблизившемуся минотавру.

Больше никто не произнес ни слова до самого возвращения в родные пещеры племени. Каввель всю дорогу нес Гарба на руках, не доверяя друга никому. Гоблин изредка стонал, давая надежду, что магическое истощение скажется на нем менее пагубно, чем на Рэксе.

Бурбалка плелся позади, чувствуя себя страшно виноватым: с появлением нового тела в нем проснулась совесть, которая в его предыдущем состоянии давала о себе знать скорее по привычке. Угрызения вернулись даже с избытком, заставляя забыть даже о скудном одеянии, дающем очень скромную защиту от холода. Голод и усталость, которые перерожденный Антонио с непривычки ощущал с утроенной силой, они тоже притупляли.

Михель, напротив, чувствовал себя бодрячком, хотя и испытывал достаточно противоречивые эмоции по поводу своего участия в обряде и его результата. Смерть полуорка волновала его постольку-поскольку, а вот состояние Гарба тревожило, хотя осмотр на привале показал, что гоблин должен выжить. Помочь ему, впрочем, служитель Вседержителя не смог из-за магической природы недуга. Оставалось ждать, пока силы шамана восстановятся естественным путем.

Трехдневный переход колонна преодолела меньше, чем за сутки. Погребальный костер соорудили сразу же: по прибытии орки немедленно рассредоточились по склонам в поисках подходящих деревьев, и через час собралось достаточно древесины для прощания с погибшим шаманом. В этот день зеленокожие научились плакать. От их безудержных рыданий сотряслись окрестные скалы. Глядя на то, как языки пламени пожирают тело всеобщего любимца, не удержался от слез и Каввель.

Племя стояло вокруг костра до тех пор, пока не дотлела последняя головешка. Затем все взоры обратились к минотавру. Общее мнение высказал Аггрх.

— Веди нас к победе, вождь! Мы жаждем мести! Веди нас на Алвар!

Под крики, последовавшие за переводом на орочий, очнулся Гарб. Он попросил объяснить, что происходит. Ему рассказали, и гоблин подскочил, словно ужаленный.

— Вы хотите отомстить людям в Алваре? — обратился он к племени, да так громко, будто это не он провел больше суток без сознания.

— А кому еще? — удивился Аггрх.

— Как бы это вам объяснить, — издалека начал шаман, опасаясь, что его могут обвинить в измене, а то и в трусости. — Рэкс стал моим другом за то короткое время, что мы провели вместе. Для вас он был больше, чем другом. Для вас он был скорее любимым младшим братом. Я понимаю ваше искреннее желание отомстить за его смерть. Но подумайте, тем ли вы собираетесь мстить?

— А кому еще? — тупо повторил свой вопрос Аггрх, словно не желая понимать, к чему клонит гоблин.

— Рэкс без колебаний пожертвовал собой ради этих людей! — заявил Гарб. — А еще ради меня... — тихо добавил он. — Если хотите отомстить, мстите сначала мне.

Слова гоблина вызвали бурю негодования в толпе.

— Это неправильно! — крикнул кто-то.

— Да, неправильно, — согласился Гарб. — Но виноват в его смерти я. Это я указал скелетам, как испортить ритуал некроманта, и в результате угробил Рэкса и сам чуть не погиб.

— Нет! — неожиданно встрял в «обращение к народу» Антонио. Его попытался удержать Михель, но опоздал. — Это я виноват! Это из-за меня начался ритуал. Мстите мне!

Толпа заревела, найдя в пределах досягаемости подходящий объект для вендетты. Зеленокожие похватали оружие и понеслись в сторону человека. На их пути вырос Каввель с секирой в руках.

— Стоять! — заорал он, перекрикивая сводный хор зеленорожих. — Я еще не сказал свое слово!

Орки затормозили в четырех футах от минотавра. Передние ряды увидели его наливающиеся кровью глаза и неожиданно для себя решили, что месть может и обождать какое-то время. Задние продолжали напирать, но постепенно остановились и они.

— А теперь послушайте! — продолжил Каввель, переходя на всеобщий и знаками приказав Аггрху переводить. — Я поведу вас к победе, но мы не будем воевать с невиновными. И вы не тронете моих друзей.

— Что ты предлагаешь взамен, вождь? — возглас вызвал одобрение у всех воинов.

— Я предлагаю вам не просто войну, а войну за справедливость.

— А во время войны за справедливость бывают трофеи? Пограбить можно? — спросил кто-то.

— Еще бы! Ведь мы будем воевать со злодеями, а у них всегда много золота и драгоценностей.

— Это нам нравится! А когда выступаем? — зашумели орки.

Про робко переминающегося с ноги на ногу Антонио успели накрепко позабыть — перспектива скорой наживы затмила все остальное.

— Завтра же и выступим, — сообщил Каввель.

Воины стали расходиться на отдых, посчитав, что похороны состоялись, а перед предстоящим походом надо отоспаться.

— А как же месть? — тихо спросил Аггрх, оставшийся стоять, где стоял.

— Далась тебе эта месть, старпом, — ответил минотавр. — Расслабься!

— Я не могу расслабиться, — упрямо парировал орк. — Рэкс был моим сыном. Об этом никто не знал, кроме меня, даже он сам. И я хочу отомстить. Не за его смерть — он умер мужественно, как подобает воину, — я хочу отомстить за то, что так и не успел ему все рассказать. За то, что мой сын так и не стал вождем, который сможет объединить все племена, как я задумал. За мои растоптанные надежды!

Каввель присвистнул. Повисла зловещая пауза, во время которой орк продолжал сжимать огромный шипастый боевой молот, взирая исподлобья на Антонио и тяжело дыша. Последний вышел из-за спины минотавра, стал прямо напротив орка и открыто посмотрел ему в глаза. Тауросу предостерегающе положил ему руку на плечо, но Бурбалка мягко отстранился.

— Бей! — спокойно сказал перерожденный призрак и склонил голову.

Молот взметнулся раньше, чем кто-то отреагировал. Гарб едва успел зажмуриться, а когда открыл глаза, то увидел, как Михель с Каввелем отбирают оружие у ошеломленного орка. Антонио стоял на том же месте, и на нем не было ни царапины.

— Ты подлый ублюдок! Ты знал, что молот тебя не возьмет! — возмутился Аггрх.

— Так я типа и не знал, — смущенно ответил человек. — Ну, хочешь, сломай мне руку.

— Да я тебе все кости переломаю и ноги выдерну! — кровожадно пообещал зеленокожий, продолжая вырываться из цепких объятий минотавра, но уже не так рьяно.

— Обряд определенно прошел не так, раз неосязаемость частично сохранилась, — задумчиво произнес шаман. — Надо бы допросить Сандро, но его местонахождение теперь будет затруднительно установить.

— Этим и займемся, — пыхтя от натуги, сказал Каввель. — Слышишь, мститель? Будем искать настоящего убийцу твоего сына.

Аггрх перестал дергаться.

— Чего это он убийца? — спросил он, недоверчиво поворачиваясь лицом к гоблину.

— Сандро мог остановить ритуал и погибнуть при этом только сам, — быстро ответил Гарб, уловив настроение орка. — Вместо этого он предпочел истощать запасы энергии других — мои и Рэкса — и сознательно обрек нас на смерть. Если бы Рэкс не появился, сейчас бы я уже не разговаривал с вами.

— Ладно, — с сомнением произнес зеленокожий. — Верю.

И все же взгляд орка красноречиво призвал Антонио оставаться как можно незаметнее.

Часть 3: Символ веры. Глава 23

Люди на удивление быстро нашли с зеленокожими общий язык. Усмешкой судьбы злейшие враги в божественных мирах, на Лумее они заручились поддержкой друг друга в борьбе против недавних союзников рода человеческого. Хотя орки все равно продолжают иногда разорять людские города.

«Никогда нельзя терять бдительность! Я опять все потерял, и опять по глупости... Самоуверенность до добра не доводит! Ну, ничего, мы еще повоюем. У меня еще осталась пара фигур на доске...».

Этот пламенный монолог, перемежающийся всхлипываниями и ругательствами, мог бы продолжаться еще долго. Только, на свою беду, говорящие клубы дыма, пролетающие мимо, привлекли внимание двух мрачных типов, стоящих на лесистом пригорке и обзирающих окрестности.

— Смотри, Клок, колдун мимо летит! — сказал один, более крупный.

— Лови скорей, Глок! — сказал второй, ниже ростом и не такой уродливый.

Первый достал из кармана стеклянную банку, открутил от нее крышку, направил горлышком в сторону летящего некроманта и сделал манящее движение когтистым указательным пальцем.

Сандро заметил снижение скорости полета через секунду, обернулся и закричал. Еще через секунду охотник закрутил крышку над головой уменьшенной материализованной копии чернокнижника и издал довольный хрюкающий звук.

— Еще один новобранец попался. Сильный, кажется.

— Да, удачный месяц выдался, братец, сразу троих принесем, — подтвердил второй. — Осталось добыть Быр, и место командующего мое.

— А что мне с этого? — нахмурился Глок.

— Ты же мой брат! — воскликнул Клок. — Будешь у меня правой рукой!

Клок ненадолго задумался, а потом молча кивнул лысой татуированной головой. Пусть лучше умный брат командует.

Присутствуй при этой сцене компаньоны, они бы хоть и с трудом, но опознали бы в двух гуманоидах представителей племени хапугов. Красноглазый тип, напавший с подельниками на «Беспутную нимфу», был чертовски на них похож.

Предки хапугов некогда были гоблинами, но даже семь тысяч лет назад сильно отличались от остальных своих сородичей. Теперь из внешнего сходства остались только типично гоблинские глаза с вертикальными зрачками. В остальном это племя сильно изменилось в сторону уродства.

Одежда обоих братьев демонстрировала хороший вкус их портного. Хотя Глок и утверждал, что тот был несколько жестковат и надо было тушить его дольше. На это Клок возражал, что плащи, брюки и жилеты все-таки значительно лучше предыдущих, поэтому гнома есть не стоило, а надо было дать ему сначала еще поработать.

Впрочем, на этом разногласия заканчивались. Братья прекрасно ладили друг с другом и считались лучшими в своем деле, поэтому их отправили на охоту вдвоем. Неудачливых колдунов они ловили попутно, пополняя армию племени новыми солдатами и рабами. Основным предметом их промысла были значительно более ценные вещи.

Хапуги спустились с холма, отпуская остроты по поводу пойманного человека и обсуждая преимущества и недостатки его способа передвижения. Сандро в бессильной ярости молотил кулаками по стенкам банки, но ничего поделывать не мог. Волшебная сила перестала ему повиноваться без видимой причины, хотя, немного остыв, некромант сообразил, что дело в материале ловушки. Временно смирившись, он сел поудобнее и прислушался к ощущениям нового тела. Молодость, возвращенная ритуалом, позволяла надеяться на дополнительное время для поиска другого варианта бессмертия.

Александр уже смирился с тем, что придется стать личем, но появление Антонио предоставило слишком аппетитную возможность рискнуть всем ради вечной жизни. Игра, как оказалось, не стоила свеч. Тем не менее за долгие прожитые годы Александр знал горечь поражений даже более тяжелых и научился видеть плюсы в минусах. Тело просто перенасыщено энергией, бодростью и здоровьем. Ушли старческие болячки, накопленные за долгие годы неправильного образа жизни, пропал геморрой, вернулось нормальное зрение, мышцы снова налились силой, а от морщин не осталось и следа.

«Не так уж все и плохо», — подумал колдун. — «Если бы еще эти странные твари меня выпустили, было бы вообще превосходно».

Охотники, однако, вовсе не собирались его освобождать. Клок и Глок направились к виднеющейся вдаль гряде древних курганов, похожих на могильные. Повелитель обещал сказочно наградить их за один жезл, якобы погребенный в одном из них. Когда первый курган оказался на расстоянии вытянутой руки, Глок задал брату вопрос:

— Слышишь, умник, а как мы найдем в этих холмах один маленький Быр? Их же тут десятки, и если все копать, то мы тут с тобой застрянем лет на двадцать.

— Спокойно, мой несообразительный брат, у меня есть план.

Глок с сомнением покачал головой, почесал нос и спросил:

— И какой же?

— Будем колдовать, — коротко ответил Клок.

Ответ Глока не удовлетворил, но надоедать расспросами брату он не рискнул. В их союзе существовало четкое разделение труда: один думает, второй применяет силу. Нарушать давно установленный порядок было лень, да и с непривычки Глоку думалось плоховато. До сих пор схема работала без сбоев, так что оставалось только довериться мыслительным способностям не в меру умного родственника.

Клок придирчиво осмотрел все курганы, залез на вершину одного из них, сел и задумался. Глок, стараясь не мешать, развлекался встряхиванием банки с колдуном, чтобы посмотреть, как тот будет корчить забавные гримасы, грозить кулаком и растекаться по банке клочьями дыма, если встряхнуть ее посильнее.

Наконец Клок что-то надумал и подозвал брата.

— Смотри, — указал он на холм, на котором сидел. — Что ты видишь?

— Земля, трава, камни... — принялся загибать когтистые пальцы Глок.

— Не-не-не, не то. Смотри внутренним зрением.

Клок последовал совету брата и присвистнул.

— Да тут же целый склад мертвецов!

— Правильно, а теперь посмотри так же на соседние курганы.

— Там тоже куча мертвецов.

— Ты еще не догадался, что нам надо сделать?

— Э-э-э, я думал, ты мне скажешь.

Клок в отчаянии закрыл лицо руками и издал нервный смешок.

— Ясно, попробую объяснить простыми словами, — сообщил он, опустив руки. — Короче, мы будем поднимать мертвецов в каждом кургане до тех пор, пока не найдем тот, в котором наша магия не сработает. Быр гасит магию.

— Ух ты, а я бы до такого не додумался, — с ноткой уважения в голосе воскликнул Глок. — А мы не надорвемся? Я помню, когда в прошлый раз всего сотню скелетов поднимал, и то падал без сил.

— Знаешь, мой любимый брат, от тебя все-таки иногда бывает больше пользы, чем можно было бы подумать поначалу. Я как-то не учитывал, что придется поднимать не больше, чем по два-три холма в день. Считай, что придется провести тут пару месяцев, если нам не повезет.

На этот раз за голову схватился Глок.

— Пару месяцев? — переспросил он. — Ты совсем того? Меня дома жены ждут, они же могут и не дожидаться! Подадут на развод и возьмут себе в мужа этого негодяя Хонка. Про наложниц я вообще молчу.

— У тебя есть другие предложения? Может быть, ты хочешь вернуться к повелителю без Быра? Хочешь навсегда остаться охотником?

Глок уже был готов согласиться с доводами брата, но тут его внимание привлекли попытки колдуна в бутылке докричаться до него. Хапуг поднес бутылку поближе к себе и спросил:

— Ну, чего тебе, червячок?

— Я могу вам помочь, — прокричал Сандро сквозь толстое стекло.

— А? — переспросил Глок. — Я не ослышался? Он что-то бормочет про помощь.

Клок попросил уточнить, чем же раб собирается помочь своим хозяевам.

— Я могу поднять мертвых во всех этих курганах, — важно ответил Сандро. — Но вам придется меня выпустить.

— Вот как? — удивился Глок. — Ты некромант?

— Да, я некромант, и очень могущественный.

— Мы тоже, — сузил глаза Клок. — Поэтому, если ты рассчитываешь сбежать или попытаешься обратить свое искусство против нас, то очень об этом пожалеешь. Так что брат тебя выпустит, а ты будешь вести себя тихо, иначе нам будет очень неприятно уничтожать ценное имущество повелителя.

— Я все понял, — ответил Сандро. — Выпускайте меня поскорее.

Клок сделал знак брату, и тот откупорил бутылку. Как только это произошло, черное облако вырвалось из горлышка и начало материализовываться рядом с хапугами.

— Как же хорошо чувствовать себя стоящим на земле, — заявил человек.

— Приступай, раб, — оборвал его Глок.

— Не сразу, господа мои, не сразу. Сначала вы должны мне кое-что пообещать.

— Ты дерзок, раб. Свободу тебе теперь может дать только повелитель, а он еще ни разу никого не освободил за годы своего правления.

— О свободе я поговорю с самим повелителем, — ответил Сандро, вызвав приступ хохота у обоих братьев.

Не обращая на это внимания, колдун продолжил:

— Взамен я прошу только помощи.

— Помощи в чем? — еще больше удивился Глок.

— Я хочу отомстить тем, кто испортил мне жизнь.

— Мсть — это прекрасно, — сказал Клок. — Одобряю. Но сначала ты выполнишь свою часть сделки, а потом мы выполним свою.

Под пристальными взглядами пленителей Сандро сосредоточился на одном из холмов. Свечение окутало некроманта... и ровным счетом ничего не произошло. Выждав пару минут, Клок нахмурился, а Глок показал клыки. Растерянное лицо Сандро снова стало видимым, когда он прекратил колдовать.

— Тебя предупреждали насчет глупостей, — недобро произнес Глок.

— Погоди, братец, — прервал его второй хапуг. — Ну ка, попробуй скорее другие холмы!

Некромант послушно направил свое искусство на следующий курган. Земля на нем и еще нескольких холмах вздыбилась, и оттуда показались древка копий и наконечники шлемов.

— Молодец, раб, ты сразу нашел нужный нам холм, — обрадовался Клок. — Я так доволен, что даже не буду сажать тебя обратно в бутылку.

Между тем, свечение и не подумало угасать. Потрясенные мертвецы продолжали вылезать из земли и пошли в сторону осквернителей могил.

— Останови это, раб! — визгливо приказал Глок.

— Ничего не могу поделать! — отозвался Сандро, тщетно пытаясь опустить руки, которые сами плели заклинание.

Глок с рычанием схватил некроманта за горло и приподнял над землей. Мертвецы продолжили двигаться. Клок сплел свое заклинание. Первые ряды нежити полегли, как будто по их ногам прошлась огромная невидимая коса. Остальные не обратили на это внимания, просто перешагнув через павших коллег.

Когда поднятых скелетов набралось больше десятка тысяч, а разворошенных курганов около сотни, братья вместе с Сандро уже наблюдали за происходящим издалека. Поднятые мертвецы не стали их преследовать за пределами долины. Как только Глок вынес Алехандро за какую-то невидимую границу, некромант бессильно обвис в руках хапуга. Это, однако, не помешало уже поднятой нежити скопиться на подступах к единственному нетронутому холму, делая любую попытку добраться до заветного жезла самоубийственной.

— Чем бы по ним шарахнуть? — задал риторический вопрос Глок, на что получил совсем не риторический ответ от брата.

— Пускай Сконом сам разбирается! И с этим, — кивнул он на Сандро после длинной гневной тирады. — И с курганами.

Клок несмотря на весь страх перед гневом повелителя достаточно трезво оценивал свои с братом шансы на противостояние с неизвестной силой, которая так легко использовала чужие способности для усиления собственных. Скелетов он не боялся, а вот такого их количества очень даже. В следующий раз братья придут сюда более подготовленными, но пока нужно как можно скорее вернуться домой.

У гобхатов сложились непростые отношения со всеми. Для высокомерных эльфов гоблины — неполноценная раса. Для орков — бесплатные рабочие руки. Дворфы и гномы просто не пускают к себе, хотя иной раз соглашаются поторговать. Лишь люди иногда готовы терпеть присутствие своих «меньших братьев», считая их забавными уродцами и нанимая в качестве шутов.

В целях безопасности Каввель велел всем лечь спать в своей пещере. Если бы Гарб мог колдовать, то минотавр попросил бы у него еще и защитный контур выставить, но маленький гоблин оказался настолько истощен, что о его полезных фокусах можно было забыть в лучшем случае на месяц. Укладывались беспокойно, сопели и ворочались, переживая события последних дней. Особенно мучился Антонио, которого совесть периодически кусала за уязвимые места. Вконец утомившись, он встал и несмотря на запрет Каввеля вышел подышать воздухом на маленький балкончик, нависающий над местом общего орочьего сбора.

Михель бы в жизни так не поступил. Его горький опыт пребывания среди людоедов подсказывал, что человека тут всегда могут сожрать даже в более спокойной обстановке. Поэтому подвергать себя такой опасности совершенно ни к чему. Антонио оказался в такой ситуации впервые. Посему он преспокойно перешагнул через похрапывающих товарищей, прошел по неосвещенному коридору и бесшумно скользнул навстречу свежему бодрящему ветерку и оперенной стреле. Ее зазубренный наконечник не замедлил застрять в плюще, обвивающем скалу позади бывшего призрака.

Бурбалка моментально пригнулся, и еще несколько снарядов тюкнули то место, где он только что стоял. Антонио осторожно попятился, не отрывая взгляда от площадки под ним, и уткнулся своей задней частью в чьи-то волосатые ноги. От неожиданности он взвизгнул. В тот же миг огромная лапа бесцеремонно зажала ему рот и потащила назад в пещеру. Внутри ладонь разжалась, и Антонио увидел в тусклом свете гнилушек недовольную рожу Агррха.

— В следующий раз я тебя сам сожру вместо того, чтобы спасать, — буркнул тот.

— Ик! — громко икнул Антонио и обмяк.

— Слышишь? Хорош изображать из себя невинноубиенного, вставай давай! — похлопал его по щекам орк. — Не заставляй меня применять традиционные методы лечения икоты — они приводят к заиканию.

— А? — разлепил веки Бурбалка.

— Ты злишь меня своим ничтожеством, человек, — сверкнул глубоко посаженными глазами Агррх. — Пошли будить остальных, надо выбираться отсюда.

Не дождавшись внятного ответа, зеленокожий прекратил попытки привести человека в чувство. Спящих, однако, будить не потребовалось: Каввель услышал шум, проснулся и поднял на ноги всех. Теперь в коридор заглядывало три пары обеспокоенных глаз.

— Ну, что застыли, как миклухи МакЛая? — шикнул на них Агррх. — Собирайтесь Живо!

Упоминание прославленного полководца времен Кровавого потопа заставило всех зашевелиться. Каввель, а за ним и остальные, схватили предусмотрительно сложенные вещи и уставились на орка, ожидая продолжения. Вдруг потребуется та же

дисциплинированность, некогда позволявшая солдатам МакЛая — миклухам застывать по команде в самых неожиданных позах?

Зеленокожий еще разок встряхнул Антонио, молча сдал его на руки минотавру, потопал к неосвященному углу пещеры и нажал на какой-то скрытый рычаг, открывая проход к потайной лестнице.

— Почти как у тебя в склепе, — шепнул Гарб Михелю.

— Угу, только женушки не хватает, — отозвался монах.

— Толпа кровожадных орков ее тебе хоть немного заменит? — поинтересовался пришедший в себя Бурбалка.

— Не рискну проверять, — ответил Михель, начиная спуск по лестнице следом за Гарбом.

Последним спустился Агрх, тщательно закрыв за собой кусок скалы, служивший дверью.

— Скорее всего, до утра они не посмеют напасть, а к тому времени мы уже будем далеко, — сказал он.

— А в чем вообще дело? — потребовал объяснений Каввель, неожиданно осознав, что несколько минут назад лишился звания вождя.

Должность начальника кучки недисциплинированных варваров его особо не прельщала, но удар по самолюбию оказался болезненным.

— Мои сородичи долго соображают, но быстро принимают решения. Ночью один из десятников предложил вас съесть на всякий случай, а в поход идти самим. Я пытался их отговорить, но в ответ меня обозвали трусом. Пришлось перерезать пару глоток. Но племя все равно решило на рассвете пригласить вас на завтрак в качестве основного блюда.

— И что, больше никто не знает про подземный ход? — подозрительно поинтересовался Гарб.

— Кроме меня, знали только Хугарач и Рэкс. Как вы понимаете, они уже никому не расскажут.

— Хорошо, веди нас, — заключил Каввель.

Антонио с Михелем в молчании поплелись за остальными. В столь разношерстной компании люди продолжали ощущать себя чужими, а новый спутник многократно усиливал чувство неловкости.

— Куда хоть пойдём? — наконец решился подать голос монах, когда длинный темный тоннель сменился лесной тропинкой.

— В Льонас, — коротко отозвался орк.

Гарб застыл как вкопанный и едва не оказался сбит с ног идущим сзади минотавром.

— Я, конечно, догадываюсь с какой целью, но это не самая лучшая идея.

— Это не обсуждается, он так хотел! — бросил Агрх, не останавливаясь.

Гоблину пришлось бегом догонять уходящего орка.

— Эй, погоди! А с чего ты взял, что мы пойдём с тобой? — крикнул сзади Каввель.

Агрх резко затормозил и развернулся на пятках.

— Что значит не пойдете? Я же вам жизнь спас! — с неподдельным негодованием воскликнул он.

— Спасибо, конечно, и все такое, — поддержал Каввеля Гарб, — но рисковать только что спасенной жизнью в эльфийском городе нет никакого желания.

— И после этого нас орков упрекают в дикости, — погрустнел Агрх. — А сами вы? Что

для вас законы чести? Что справедливость и чувство благодарности?! Готовы вы без промедленья вцепиться в глотку своему благодетелю и защитнику за пару звонких монет и кружку бузы...

— Давай без пафоса! — смягчился Каввель, вспомнив про воинский кодекс и долг крови. — Чего ты собрался делать среди этих бездельников с тягой к роскоши?

— Он рукопись Рэкса в Академию несет, — ответил за орка Гарб. — Но это же чистое самоубийство! Эльфийские дозорные понатыкают в нас стрел до того, как мы успеем объявить им о цели визита. Эльфы вам не люди, их так просто не проведешь оборотным зельем.

Аггрх погрузился и сник. Затем оскалил внушительные клыки и издал рычание, прозвучавшее как его имя.

— Ты же шаман! — с надеждой сказал орк. — Наколдуюсь что-нибудь.

— Ага, так наколдую, что лучшие эльфийские архимаги заплачут от зависти, когда отсталый и магически опустошенный гоблин сумеет ввести их в заблуждение, выщиплют себе брови по волоску и уйдут в женский монастырь коротать свои дни в обществе человеческих женщин, — не скрывая иронии, сообщил ловец духов.

— Кажется, я смогу помочь, — робко напомнил о себе Антонио. — В конце концов я отчасти виноват.

— Внимательно тебя слушаем, — не глядя в его сторону, раздраженно буркнул зеленокожий.

— Я же человек теперь, — начал Бурбалка.

— Поздравляю! — угрюмо отреагировал Аггрх.

— Погоди, погоди. А ведь это идея! — перебил его Каввель.

Орк наморщил лоб, пытаясь понять, в чем заключается ценность бывшего призрака.

— И что с того, что он человек?

— Эльфы не стреляют в людей без причины, вот что! — ответил Гарб. — Насколько я знаю, они относятся к людям, как к забавным и относительно безобидным зверушкам. Бурбалка мило улыбнется патрулю, и его проводят в Льонас. Так рукопись попадет в нужное место. Правда, Бурбалка?

— Правда. Меня, кстати, теперь можно называть Антонио.

— Мне то имя как-то привычнее, — сказал гоблин. — Ну, так и быть.

— Ладно, отнесешь рукопись эльфам, будем считать, что к тебе вопросов не имею, — пообещал Аггрх. — Но до Льонаса все равно пойдем вместе, чтобы ты не передумал.

Монах молча переминался с ноги на ногу, борясь с нерешительностью.

— Если уделите мне минутку вашего внимания, — вмешался Михель, наконец собрав волю в кулак, — я бы хотел спросить, какой смысл идти в Льонас остальным. То есть, конечно, у нас других особо важных дел нет, но вам не кажется, что орк и сам прекрасно справится?

— Я на тебя и не рассчитывал, человек, можешь уходить! — сухо сказал Аггрх. — Тебе, минотавр, и тебе, гоблин, мне есть, что предложить.

— Мы бы и так... — начал Каввель, но орк перебил его.

— Помолчи, вождь. Я знаю этот мир, и знаю, что даже благороднейшие и честнейшие из существ нуждаются в вознаграждении за свою помощь. Иначе их благородство со временем слабеет. Вы кое-что ищите. Рэкс рассказал мне о жезлах, и я знаю, где искать один из таких.

— А откуда Рэкс узнал? — подозрительно спросил Каввель.

Зеленокожий приподнял губу над правым верхним клыком в намеке на улыбку.

— Он был шаманом, дружище, а от представителей нашей профессии трудно скрыть то, что знают духи, — пояснил Гарб.

На гоблина неожиданно накатила волна грусти. Он вспомнил, что уже давно не заходил в Шеол, не вызывал своих любимцев. Скоро ли ему это удастся вдали от дома и без силы?

— Вы поможете мне, а я помогу вам. Идет? — спросил Аггрх.

— Пойдет, — согласился первым Каввель.

За ним свое согласие дал и Гарб. Все посмотрели на Михеля.

— Что? — не выдержал пристальных взглядов монах. — А что мне еще остается? Настоятель отправил меня с вами!

«С другой стороны, — подумал он, слегка повеселев, — они уже интересуются моим мнением. Значит, приняли».

— Аггрх, а откуда ты такой умный и образованный взялся? Слишком уж ты нетипичный для орка, — спросил как-то на привале Гарб своего нового попутчика, когда тот показался ему в чуть менее мрачном настроении, чем обычно.

Зеленокожий сперва отнекивался, мол, он таким всегда был. Когда Каввель и остальные тоже принялись докучать ему расспросами, вождь разоткровенничался и поведал печальную историю своей жизни. Оказалось, он не всегда жил с сородичами.

— Мое детство и часть молодости прошли в человеческом городе с длинным названием Грюнвальденбург... — начал Аггрх свой рассказ, потирая ладонью след на шее.

Кем еще быть детенышу орка в человеческом городе, как не рабом? Аггрху повезло немногим больше тех, кого использовали в качестве домашнего скота, заставляя тянуть лямку плуга на окрестных полях. Когда он немного подрос и был выставлен на торги, на невольничьем рынке к крепкому и смышленому орчонку проявил интерес хозяин местной школы гладиаторов. Господин Мастерс выложил за Аггрха кругленькую сумму золотом.

— Я тогда не сразу сообразил, повезло мне или нет. Новый господин был человеком деловым и вложил в мое образование и воспитание немало денег. Вложения скоро отбились с хорошей прибылью.

— Он, наверное, и имя тебе дал? — спросил гоблин.

— Ты проницателен, — кивнул воин. — У меня нетипичное имя для орка. Оно никак с орочьего не переводится, потому что это просто подражание звериному рыку. Хозяин подумал, что на арене так будет звучать лучше, чем какой-нибудь Ганболд или Олонбаярлах. Людям такое сложно выговорить, зато все знают, что орки дикие и рычат. Стереотип.

Аггрха научили читать и писать, владеть всеми видами оружия, скакать на лошади, танцевать, играть на флейте и даже писать стихи. Вместе с этими умениями ему привили хороший вкус и умение разбираться в винах. Сопровождалось обучение изнурительными тренировками, и временами взрослеющий орк был на грани самоубийства, не выдерживая нагрузок. На выходе получился недурной, по мнению хозяина, продукт: орк-интеллектуал, превосходно владеющий всеми известными единоборствами.

— Зрителям арены давно приелись зрелища, когда гладиаторы просто пускают друг другу кровь острыми предметами. Вот Мастерс и подготовил для них совершенно новое представление — меня.

Одного за другим укладывал своих соперников на окровавленный песок Аггрх-чемпион.

При этом он без устали шутил, веселил толпу, декламировал стихи, пел песни собственного сочинения и убивал, убивал, убивал. Посмотреть на невероятное зрелище стекались огромные толпы людей и прочих разумных существ со всего континента. Популярность диковинного орка была такова, что многие женщины подкупали охрану, чтобы отдаться ему.

— А я все равно страдал от одиночества. Вся моя жизнь была расписана по минутам. Мастерс распорядился, чтобы даже женщин пускали только в определенное время. А потом пришла Фелиция, — благоговейно прошептал орк.

Скромная девушка явилась не за плотскими утехами, а чтобы поговорить. Впервые в жизни Аггрх увидел женщину, способную разделить с ним не ложе, а страсть к познанию. Фелиция принялась регулярно навещать гладиатора, пропуская мимо ушей похабные шуточки охраны.

— Часы до ее очередного появления тянулись мучительно долго, а минуты ее пребывания пролетали в одно мгновение для нас обоих.

Вместе с девушкой Аггрх написал поэму, выучил эльфийский и гномий языки, познал точные науки. В конце концов гладиатор воспылал безумной любовью к своей доброй музе и подруге.

— Я признался ей в любви. Открыл свои чувства, а она...

Робкие признания были с возмущением отвергнуты. Тогда гладиатор пришел в ярость и овладел ею силой. Ни один охранник и не подумал прийти на помощь кричащей девушке. Она всегда появлялась, скрывая лицо вуалью, и хорошо платила, чтобы охрана не лезла не в свое дело. Никто не полез и на этот раз. Женщины бывало и раньше кричали в комнате орка. Дело-то житейское. Кто же знал, что Фелиция окажется дочерью самого короля! Впрочем, обещанной орком принцессе поначалу удавалось успешно скрывать свой позор. Визиты к Аггрху она прекратила.

— И я снова погрузился в одиночество, проклиная себя за то, что натворил.

Никто бы не узнал о произошедшем между ними в ту ночь, но Фелиция не смогла скрыть от отца беременность. Бурю по этому поводу она пережила, хотя ожидать рождения ребенка принцессу тайком отправили в отдаленный монастырь.

— Когда королю донесли, что принцесса родила полуорка, его величество в одночасье поседел, а потом собственноручно зарезал гонца. Он велел убить дочь, ее ребенка и всех орков, которые попадутся на глаза.

Слуги бросились исполнять поручение, и в Грюнвальденбурге началась страшная резня, каких город не видывал со дня основания.

— Господин Мастерс не пожелал такой глупой смерти самому ценному рабу. Он так и сказал «так не доставайся ж ты никому!», снял с меня рабский ошейник, вывел за городские ворота, дал коня, меч и отпустил на все четыре стороны. Вот, только след на шее остался как память.

Гладиатор долго скитался, пока не наткнулся на племя горных сородичей. Те сперва неласково встретили гостя, но он оружием доказал, что куда сильнее всех местных бойцов, а вождю поклялся никогда не претендовать на власть. Племя слишком боготворило воинскую доблесть, чтобы упустить столь ценное пополнение своих рядов.

— Приняли как родного, — скривился Аггрх, вспоминая тот момент.

Затем престарелого вождя одолел в поединке Хугарач. Никто не рискнул бросить ему вызов, хотя у многих орков теплилась надежда, что это сделает новый воин. Верный своему слову, тот отказался. Костолом высоко оценил выгоду от такого нечестливого

соплеменника, и сделал его своей правой рукой.

— Меня продолжало тянуть к людям. Я укрепил свое положение в племени и стал с группой воинов совершать вылазки к человеческим поселениям. Там я надеялся узнать судьбу Фелиции.

До Агрха дошли слухи, что солдаты исправно выполнили приказ короля и истребили всех орков города, кроме сбежавшего гладиатора. Однако, когда пришла очередь монастыря, на его защиту встал могущественный орден Моркесианцев. Монахи, владевшие секретом бесконтактного боя, сумели отразить нападение королевской гвардии, хоть и понесли при этом большие потери.

В конце концов рассерженный король собрал все свои силы и отправил их штурмовать монастырь. После многомесячной осады обитель пала, а вместе с ней и ее защитники. Солдаты по камешку разобрали все здания, но не нашли ни следа принцессы с сыном. Король был вне себя от ярости, когда поиски так не дали никаких результатов. Орден с тех пор захирел и уже не смог вернуть себе былую силу. Полоумного короля закололи заговорщики, и в отсутствие наследников государство растащили по клочкам соседи.

— Мы тоже оттяпали себе лакомый кусочек. Разграбили несколько городов и взяли богатую добычу. В одном из селений пока ребята куролесили, я нашел Фелицию. Она была очень слаба, но сразу меня узнала.

На коленях гордый воин умолял принцессу простить его. Умиравшая даровала своему мучителю прощение и взяла с него клятву позаботиться о сыне. Потом ее не стало.

— Рэкс нашелся в одном из монастырей Моркесианцев. Для вида пришлось, конечно, разграбить. Сына я взял под свое покровительство и отдал в ученики шаману. Мой мальчик стал делать большие успехи и легко заменил учителя после его смерти. Я готовил его в вожди, но вот не сложилось, — подвел итог своему рассказу бывший гладиатор.

Минотавры издревле считаются людоедами. Хотя факты людоедства, коим считается поедание представителя разумной расы, были достоверно зафиксированы лишь в орочьих и богильских общинах, предрассудки сильно осложняют минотаврам отношения с соседями. Другим народам трудно перебороть страх, внушаемый собственным воображением.

Дорога к эльфийским владениям оказалась быстрой и приятной. Орк проявил себя недурным следопытом и постоянно находил короткие маршруты в обход проторенных трактов, существенно сокращающие путь. Хотя последний отрезок оказался ему незнаком. Путники всерьез задумались, не плутают ли они, когда им повстречалась четвертая по счету лесная тропинка, как две капли воды похожая на три предыдущих.

Запасы провизии стремительно таяли. Единогласно решили отправить Михеля с Бурбалкой попытать счастья в человеческом поселении. Указатель на оное в гуще листвы сумел разглядеть Гарб. Эта вылазка за провиантом едва не закончилась для человеческой части отряда плачевно.

Группа расположилась лагерем на большой поляне в паре миль от деревеньки, чтобы не травмировать своим видом психику ее обитателей. Монах с напарником захватили с собой небольшую сумму денег и ушли. В ожидании их появления Гарб занялся сооружением костра, а Каввель отправился на охоту. Агрх, считавший ниже достоинства воина заниматься подобным, уселся начищать оружие. Спустя час Гарб заволновался, куда запропастились добытки. Орк его беспокойства не разделил, надев на себя в ответ маску ленивого безразличия.

Бурбалка внезапным появлением быстро развеял тревогу по поводу своего отсутствия. Он выскочил из леса и припустил со всех ног к лагерю. За ним, потрясая кольями и вилами мчались взбудораженные крестьяне. Крепкие краснолицые парни были настроены настолько решительно, что даже встреча нос к носу с огромным вооруженным орком не остудила их пыл. Деревенские хлопцы хоть и были неважными воинами, зато почесать кулаки любили. К тому же они моментально определили, что на их стороне существенный численный перевес.

— Он ишшо и с пакостью всякой водится! Бей их, робяты! — ярился пуще всех бойкий остроносый дедок в драном зипуне на голое тело.

Сам он в драку не лез, разумно предпочитая подбадривать остальных, выглядывая из-за широких спин. Робятам и без напоминаний не терпелось насадить всех в лагере на кол, поэтому они тут же принялись теснить вставшего на защиту Бурбалки Агрха. Вид у орка, однако, был слишком свирепым, чтобы мужики отважились опрометью броситься на него. Агрх же, будучи опытным бойцом, тоже не стал без оглядки кидаться в гущу врагов, предпочитая выжидать, медленно отступая к деревьям и не давая себя окружить. Наверняка в этой драке полегло бы много народу, если бы не своевременное появление Каввеля.

Тауросу охотился, но услышал шум и вернулся в лагерь. Явление минотавра народу прошло в почти полной тишине, нарушенной только одиночным звуком обморочно падающего тела. Каввель, держащий в руках секиру, величественно выплыл из березовой рощи сбоку от места потенциального побоища, поэтому заметили его не сразу. В какой-то момент дедок узрел страшную рогатую зверюгу, обросшую черной шерстью, и умолк на

полуслове. Молчание столь активного болельщика не прошло незамеченным, и несколько голов повернулись в его сторону. Головы в том положении и застыли, а галдежу сразу поубавилось. Стихли и остальные, едва до них дошло, что баланс сил поменялся.

В деревне Торкиль никогда и ничего не слышали о минотаврах, иначе испуг был бы куда существеннее. Жители побережья Лунного моря рассказывают соседям достаточно страшные байки о пиратах, чтобы рассказы эти обросли кучей еще более страшных подробностей, делая из рогатых флибустьеров чуть ли не исчадий адских. К счастью, Торкиль располагался слишком далеко от источника слухов, чтобы крестьян сразу прихватил Кондратий[1]. Тем не менее в каждом человеческом селении мамыши с колыбели внушают детишкам страх перед демонами. Каввель идеально подходил под описание среднестатистического изверга: здоровый такой, черный, рогатый, страшный и с топором.

Изверг в нерешительности (не иначе выбирая первую жертву) остановился, сурово зыркнув на толпу грешников красными глазами. С противоположной стороны приободренный орк шуганул передние ряды крестьян мечом. Толпа подалась назад, и в этот момент Каввель сделал шаг вперед. Еще он открыл рот, чтобы выяснить, какие претензии к его спутникам предъявляются, но разговора не получилось.

Нервы у мужиков сдали, и они, побросав оружие, с криками бросились врассыпную. В мгновение ока поляна очистилась, обнаружив на траве под грудой кольев и вил худые дрожащие ноги. Аггрх подошел и осторожно пощекотал голые пятки кончиком меча. Ноги отчаянно задергались, и на свет божий вылез давешний дедок. Выглядел он слегка помятым, но все еще не растерявшим большей части задора. Он дико повертел головой, пытаясь сообразить, как же это ему так не подфартило. Поняв, что пути к отступлению перекрыты, он шустро подбежал к ближайшей березе и как белка вскарабкался на ее верхушку, проявив несвойственную его возрасту прыть.

— Накося, выкуси! — торжествующе вскричал он, почувствовав себя в относительной безопасности.

— Что с Михелем сделали? — грозно поинтересовался Каввель.

— Что обычно с ворьем делают! — крикнул дед, маятником раскачиваясь на березовой верхушке.

— Мы в разные стороны побежали, — вылез из укрытия Антонио.

У него за пазухой кудахтнуло, и парень извлек из-под рубашки откормленную рыжую курицу.

— У-у-у, ворюга! — заорал дед, грозя вниз кулаком.

Каввель внимательно посмотрел на Бурбалку. Тот не выдержал взгляда и опустил глаза.

— Я как лучше хотел, — принялся оправдываться он. — Они нам всякую дрянь продавали, а тут эта курица сама вышла, ну я и не сдержался.

— Отдай куру, гад! — не унимался с верхотуры дедок.

— Да отдам, отдам! — зло прищурился Антонио. — Как только слезешь.

— Ищи дураков! — донеслось сверху.

— Ну, как знаешь, — пожал плечами парень.

Гарб незаметно появился из густого малинника, на ходу смахивая с себя проголодавшихся клещей, уже присмотревших самые аппетитные места на теле шамана.

— Бурбалка, курицу надо вернуть, — делая ударение на слове «надо», сказал он и обратился к потерпевшему. — Слезайте, пожалуйста!

— Не слезу!

— Почему? — спросил Гарб.

— Не могу! — жалобно заголосил дедок. — Сымите мене отседова, а я вам куру ентую подарю!

— Пойдет, — пророкотал Каввель и занес секиру над деревом.

— Нееееет! — испуганно завопил дед.

Тонкая верхушка березы обломилась, и невезучий верхолаз полетел к земле, ломая сучья и отчаянно размахивая руками, будто надеясь взлететь. Агрх бросил меч, подпрыгнул и легко перехватил пикирующего деда. Отпущенный на землю мученик с выпученными глазами галопом помчался к деревне, да так, что только грязные пятки сверкали.

— Пошли святошу выручать, — подобрал оружие, мрачно изрек орк.

— И курицу вернуть надо, — в тон ему добавил Антонио.

Деревня встретила отряд «карателей» настороженной тишиной. Обрывок рукава монашья робы печально болтался на изгороди возле ближайшего к лесу дома, навевая мысли о жестокой расправе над служителем культа. Ставни в хатах были наглухо закрыты, собаки прятались по будкам, и только одна отважная шавка сделала попытку залаять на минотавра. Каввель топнул копытом, и маленькая мерзавка скрылась в своем дворе, обрушив из-за забора на незваных гостей потоки звонкой собачьей ругани. Спутники прошли по главной улице до самого края деревни, не встретив ни души. Следов Михеля найти также не удалось.

Каввель дошел до частокола, вернулся назад и легонько постучал рукоятью секиры в дверь одного из домов.

— Есть кто? — спросил он.

— Никогда нема, пан деман! — послышался из-за двери испуганный женский голос.

— Ага, — прищурился минотавр. — А где же тогда все?

— Хаваюцца па хатах! — чуть смелее ответила женщина, сообразив, что дверь ломать пока не собираются.

— Логично, — сказал Гарб. — А монаха у вас случайно нет?

За дверью раздался громкий испуганный мужской шепот. Женский что-то ему ответил, а затем хозяйка дома снова заговорила громко.

— Такого маладога, симпатичнага, цемнаволосага, з родинкай на правай брави и кучай шрамав на целе? Не, николи не было такога.

Каввель озадаченно почесал нос.

— А кого же вы сейчас описывали? — задал вопрос Антонио.

— Манаха! — ответила женщина. — Тольки он не у нас, а у старасты в падвале сядить.

Самая вялизная хата, пятая ад варот.

— Забавный у вас говорок, — хмыкнул Гарб. — Спасибо.

— Та нема за шо! Хадите ужо адселе хутчэйшэ, мой мужик ад вас перапужаны пад лавай хаваецца, зусим с глузду зъехау!

Дом старосты в плане тишины от прочих строений не отличался. В остальном из ряда деревянных лачуг он выделялся только размерами и качеством ограды. Каввель бесцеремонно вышиб копытом дверь и вошел внутрь. Староста — видный мужик средних лет с окладистой сидящей бородой и чуть оттопыренными остроконечными ушами — привстал из-за стола, чтобы убедиться, что ему ничего не мерещится. Потом со вздохом отставил от себя пузатую бутыл с самогоном подальше и спросил:

— За своим пришли? Можете забирать, он в подвале. Но предупреждаю, что за разгром, выбитую дверь, сломанную изгородь, увечья, воровство и моральный ущерб придется заплатить.

— А то что? — поинтересовался минотавр.

— А то вашей бандой сильно интересуются лесные стражи. Наша деревня располагается в Льонасском автономном округе и подчиняется непосредственно главе Академии. Если я сообщу, куда следует, вас поймают и повесят. Или сразу стрелами настигнут.

— О, я же говорил, до Льонаса недалеко! — обрадовался Аггрх.

— Тогда какого ляда мы четвертый день ходим кругами? — спросил Каввель.

Староста глубокомысленно почесал мясистый нос.

— Я знаю, — сказал он.

— Говори! — хором выпалили все.

— В городе сейчас небольшая заварушка, и академики включили какое-то защитное магическое устройство. Подробности не расскажу, но оно заставляет чужаков плутать на подступах к городу. Вы, кстати, не первые. Тут уже неделю где-то ходит отряд гномов. Если будете упорствовать, как они, то проведете в лесу не меньше времени, рискуя встретиться с разъяренными коротышками.

— Сколько ты хочешь? — спросил Каввель.

— Деловой разговор значительно приятнее для моих ушей, — улыбнулся староста и принялся загибать пальцы. — Пять золотых штрафа за браконьерство в нашем лесу. Да-да, не смотрите на меня так — я все знаю. Один золотой за выбитую дверь, за украденную курицу...

Гарб открыл было рот, чтобы высказаться, но вмешался Бурбалка.

— Курицу мы вернем! — сквозь зубы сказал он.

— За факт кражи курицы один золотой и скидка за возврат украденного при согласии обворованного четыре серебряных монеты, за порчу общественного и частного имущества пять серебряных монет и за моральный ущерб десять золотых. Итого...

— Давайте его просто уьем, а деревню разграбим, — простодушно предложил Аггрх.

— А что, это мысль! — поддержал его Каввель.

Пирата тоже возмутила жадность сельского бюрократа.

— Еще пять золотых за угрозы в адрес официального лица, — спокойно произнес староста. — И пять за угрозу причинения насилия в отношении жителей деревни. А если попытаетесь не заплатить или убьете меня, то Льонаса вам не видать, как своих ушей.

Дело принимало скверный оборот. Каждый из компаньонов пытался придумать, как не расстаться с деньгами, и в то же время получить нужную информацию.

— Говорят, жареные уши полуэльфов очень неплохо идут под самогон, — задумчиво, глядя прямо в глаза старосте, изрек орк, как бы невзначай обнажив меч и проверив заточку лезвия пальцем. Еще он демонстративно облизнулся для пущевого эффекта.

Староста поменялся в лице, обнаружив свое слабое место, чем тут же воспользовался Гарб.

— Уважаемый, простите моих друзей. Мы больше не будем безобразничать, и никто не тронет ваши уши, а вы нам сделаете хорошую скидку как, э-э-м, оптовым покупателям. Штрафов же много, правда? И дадите проводника в Льонас, за что мы заплатим отдельно. Так никому не будет обидно, а в городе сами разберутся, что с нами делать.

Деревенский голова почесал затылок, пытаясь принять правильное решение. С одной стороны эти верзилы навели шороху в деревне, с другой — они согласились разойтись миром и существенно пополнить вместительные сундуки, которые староста прятал в укромном месте на своем огороде.

— Ладно, уговорили, — сказал он. — Но я делаю это исключительно из любви ко всему светлому. Даю вам пяти...

Полуэльф посмотрел на плотоядно скалящегося орка и нервно потрогал руками уши, словно проверяя, на месте ли они.

— ...семидесятипроцентную скидку на все штрафы, только с Рохликом вам все равно придется договориться. Он очень расстроен потерей любимой несущки.

— Рохлик, это такой резвый дедок в рваном кафтане? — уточнил Агрх, подавив в зародыше желание ляпнуть что-нибудь язвительное по поводу связи между «любовью к светлому» и бутылкой на столе.

— Он самый, — сказал староста. — Теперь идите к нему, а когда договоритесь, несите гроши, тогда получите проводника и своего друга назад.

Указанная старостой хата выглядела самой убогой из всех стоящих рядом развалюх. На их фоне дома в родной деревне Гарба смотрелись хоромами. Из-за ветхой покосившейся двери доносились старческие оханья и аханья. Стучаться отправили Антонио, чтобы Рохлик от ужаса не отдал концы, не успев засвидетельствовать старосте, что прощает своим обидчикам кражу и моральный ущерб. Стук убил в хате все звуки. Даже птичий гомон под стрехой стих, уступив место гнетущему безмолвию.

— Кто там? — раздался скрипучий старушечий голос в ответ на повторение стука. — Ежели это опять свидетели Триединого, то мы дедовскую веру менять не собираемся.

— Не, бабуль, — ответил Бурбалка. — Я курицу вашу принес.

— Ишь ты! — поразились бабулька. — Так чего ж ты стоишь, окаянный! Давай ее скорее сюды! Сейчас отопру.

До ушей Антонио донесся звук откидываемой щеколды, и в щель приоткрывшейся двери выглянул глаз.

— Куру покажи! — потребовали голосом Рохлика.

Бурбалка предъявил щели кудахчущий комочек перьев. Дверь резко распахнулась, из щели вынырнула рука, сцапала курицу за шею и втащила ее внутрь прежде, чем Антонио сообразил, что произошло. Дверь захлопнулась прямо перед носом бывшего призрака. Бурбалка постучался еще раз.

— Чего тебе ишшо? — недовольно спросила старуха.

— Так старосте надо сказать, что вы на нас зла не держите. Было бы неплохо, чтобы Рохлик к нему с нами пошел.

— Дудки! — крикнул Рохлик. — Я выйду, а вы меня сызнава пытатъ? И так спина не разгинается! Нет уж, наелись уже!

— Да кто тебя пытал? Кому ты нужен? — не выдержал несправедливости обвинения Каввель.

— И демона сваво заберите! — истошно завопила бабка. — Люди добрые, што ж гэта робицца!

Положение становилось безвыходным: на уговоры дедок не поддавался, угрожать было нельзя, бабка верещала, Каввель кипятился, Агрх мрачнел, а время шло. Выручил

разыгравшийся радикулит Рохлика, из-за которого тот, неловко согнувшись, случайно надавил на дряхлый «портал» сильнее, чем следовало. Старая и некогда очень надежная дверь захрустела внутренностями и выпала из косяка вместе с дедом. Страдалец обреченно застонал, растянувшись на останках своего последнего рубежа обороны, и приготовился к мучительной смерти.

— Позвольте, я посмотрю! — услышал он чей-то голос.

Подняв голову, Рохлик едва не уперся носом в нос склонившегося к нему гоблина. Голова тотчас рухнула обратно и прикрылась руками.

— Делайте, что хотите, только не бейте!

Гарб остался доволен осмотром, заявив, что эту болезнь он знает, и сможет ее вылечить, нужно только четыре часа на приготовление отвара.

— Дай-ка я взгляну, — вмешался Агрх.

Дед лежал ни жив ни мертв и боялся пошевелиться. Орк осмотрел пациента, молча достал из кармана три тонких иголки, полил их дурно пахнущей жидкостью из склянки, извлеченной из того же кармана, и осторожно воткнул деду в мочки ушей и поясницу, приказав терпеть и не дергаться. Спустя минуту Рохлик перестал охать, а еще через полторы смог самостоятельно встать, после извлечения игл.

Дедок потрогал поясницу, поворачивал тазом по часовой стрелке и не нашел никаких неисправностей.

— Ой, сынки, спасибо вам! Чем отблагодарить-то?

— Ты нам курицу обещал подарить, — пошутил Бурбалка.

Глаза Рохлика беспокойно забегали, но деваться было некуда.

— Может, другую возьмете? — с надеждой спросил он.

— Да, ладно. Шутит он! Не надо нам твоих кур, лучше старосте скажи, что мы хорошие, — успокоил его Агрх. — А что в ней такого особенного?

— Так ить, порода особая — рябая дарханская! Яйца несет, да не простые, а золотые! — сознался дед. — В прошлом годе на базаре купил. Лавочник сказал, что скоро уже нестись начнет, да нешто пока никак.

В этот момент где-то в недрах жилища завохтала несущка. То ли сказался перенесенный стресс, то ли просто пришло время, но она решила снести яйцо именно сейчас. Дед опрометью бросился в хату. Затем он вылетел, держа в руке добычу. Скорлупа блистала снежной белизной, хотя местами и оказалась заляпана птичьим пометом. Непередаваемая словами скорбь отразилась на лице Рохлика. Он в сердцах швырнул яйцо в стену дома. Белая сфера впечаталась в древесину и пробила в бревне дыру и вошла в него где-то на треть.

— Убойная штучка, — заметил Гарб. — Советую с ней поаккуратнее.

Каввель поддел яйцо лезвием секиры. Оно нехотя отделилось от стены, обнажив глубокую пробоину.

— С такими снарядами да при штурме города, да если посильнее метнуть... — мечтательно сказал он. — Продавай их военным, заработаешь не хуже, чем на золотых.

— Ой, спасибо огромное! Что бы я без вас делал!

Спустя час, выплатив положенные штрафы и забрав сильно помятого Михеля из подвала, компания в сопровождении местного знатока лесных тропинок двинулась наконец в сторону Льонаса. Рохлик так активно встал грудью на защиту недавних недругов, что староста на секунду засомневался, кто кому должен платить.

Впрочем, эта слабость быстро уступила место обычной прагматичности, и друзьям пришлось раскошелиться сполна. Скряга полуэльф пообещал, что проводник доведет компанию в целости и сохранности до самых городских стен. Обещание подкрепилось охранным амулетом, прикрепленным к поясу каждого путешественника. Гарб нашел магические свойства этих чаров весьма сомнительными, но понадеялся, что эльфийские патрули при виде пестрых ленточек хотя бы не будут стрелять без предупреждения.

Михель то ворчал, то читал успокоительные мантры, но выглядел даже здоровее Кавделя, если не считать пары ссадин и синяков, поэтому в путь тронулись в общем-то приподнятом настроении.

Каждый ожидал от эльфийского города чего-то своего, хотя в конечном итоге таинственные чудеса манили всех в равной степени. Даже монах на словах безразличный ко всему мирскому с нарастающим нетерпением предвкушал свидание с хваленными эльфийскими красавицами, о которых знал не понаслышке, а из вполне конкретного опыта.

Орка одолевали сомнения. С одной стороны, он добился своего: рукопись попадет в Академию. К тому же эльфийские прелестницы манили и его. С другой, лусиды никогда не отличались любовью к его народу, и воин с трепетом ждал завершения этого путешествия.

[1] По некоторым поверьям, ангел смерти (прим. авт.)

Вряд ли вам удастся найти среди эльфийских авантюристов и наемников стариков, если это слово вообще применимо к условно бессмертным эльфам. В основном лишь молодежь не старше ста с небольшим лет, снедаемая жаждой приключений, пускается в странствия. Как правило, в пожилом возрасте остроухих больше тянет на философию и поэзию, нежели на битвы и подвиги. Обычно эльфы, перебесившись романтикой больших дорог, возвращаются в родные края и начинают предаваться благородным занятиям: магии, юриспруденции, науке и искусствам.

Когда все идет гладко, это вызывает вполне обоснованные подозрения: вот-вот произойдет нечто нехорошее. У путников они зародились, как только назначенный старостой проводник, оплаченный, между прочим, задатком, довел их до какой-то подозрительной лесной развилки, махнул рукой в сторону правой тропинки и был таков. Его не соблазнили остаться даже щедрые посулы, что выглядело вдвойне подозрительно. Компаньоны без промедления пошли в указанном направлении, чтобы в случае чего успеть вернуться, догнать и хорошенько проучить.

Через десять минут пейзаж начал резко меняться: смешанный лес сперва приобрел черты березняка, потом стали преобладать грабы, в итоге обрадовав Каввеля переходом на знакомые ему с детства пальмы и песчанистую почву. Указатель на все более расширяющейся тропинке поведал, что до Льонаса осталось восемнадцать эльфийских льё. Сколько это в милях, вспомнить никому не удалось, но цифра восемнадцать обнадеживала.

Никто из компаньонов не знал, что один сухопутный эльфийский льё примерно равен одной сухопутной дворфийской лиге или трем милям. Идти предстояло еще долго.

Жара продолжала усиливаться, и все принялись поглядывать друг на друга в надежде, что кто-то первым предложит устроить привал. Первым сдался Гарб, не выдержав вида страданий Антонио, и потребовал срочно остановиться.

Самым главным на привале, кроме собственно отдыха, является употребление подкрепляющих силы припасов, поэтому Каввель извлек запасы съестного из волшебной торбы. Стоило спутникам начать трапезу, как из-за поворота выскочил всклокоченный эльф. Цветастый камзол висел на остроухом мешком, будто пресветлый лусид снял его с более упитанного собрата. Непременного атрибута эльфийской моды — шляпы с пером с прорезями для ушей — не было и в помине. Длинные волосы растрепались и выглядели плохо связанным пучком соломы.

— Мусьё, же не манж па до жур![1] — вскричал новоприбывший, учуяв длинным крючковатым носом еду.

Агрх медленно поднял голову на незваного гостя, с неохотой отрываясь от сладкой булочки, добытой в Торкиле.

— Так уж и до жур? — усомнился орк, владеющий эльфийским не хуже коренного обитателя Льонаса.

— До жур, у меня маковой росинки с утра во рту не было, — с дрожью в голосе подтвердил страдалец, разглядев наконец, с кем именно он разговаривает.

— А ты уверен? — спросил воин, пристально глядя на солидное брюшко высокородного.

Лусид перехватил его взгляд и с трудом сглотнул ком, застрявший в горле.

— Распух от голода, — поспешил заверить компанию эльф. — Дозвольте мне вкусить от вашей трапезы, а я после насыщения позволю вам выяснить у меня последние придворные сплетни и даже соизволю представить вас весьма влиятельным в Льонесе лицам. Только не ешьте меня, пожалуйста, — поспешно добавил он, попеременно взирая на страшные клыки Агрха и пиратскую харю Каввеля.

— Ладно, садись, вкушивай на здоровье, — разрешил минотавр. — А звать тебя как?

— Ой, где же мои манеры! — схватился за голову остроухий. — Меня зовут маркиз Мелдон Амбартур Лионель де Баранбас.

— Ого, целый маркиз! — присвистнул Каввель. — Ну, для эльфа сойдет. А меня зовут просто Каввель Исс-Брестон.

Минотавр пребывал в благодушном настроении, поэтому даже не стал заходить дальше ироничного подтрунивания. До проклятия эльфов он сильно недолюбливал, как и людей.

По очереди представились и остальные. Едва с формальностями было покончено, маркиз жадно набросился на еду. Активная работа челюстей прерывалась, только чтобы вдохнуть побольше воздуха и пожаловаться на неизысканность блюд. Свою порцию, тем не менее, он проглотил в рекордные сроки.

— Что же привело вас, маркиз, в столь плачевное состояние? — поинтересовался Гарб у титулованного собеседника.

По лицу эльфа пробежала тень удивления. Произношение у гоблина оказалось безукоризненным, как и построение фраз.

— Ах, и не спрашивайте, — горестно воскликнул де Баранбас. — На меня напали злобные разбойники, имеющие наглость величать себя академиками, и пытались лишить всего имущества и самое жизни. Лишь бег... то есть, тактическое отступление помогло мне спасти жизнь и честь. Больше, к несчастью, прихватить с собой не удалось. Но у меня остались связи в столице, надо только вернуться, припасть к ногам всемилостивейшего короля Миримона и упросить его покарать мерзавцев.

— А с чего бы эльфам нападать на эльфа? — удивился гоблин.

— О, вы разве не знаете? — всплеснул руками Мелдон. — В Академии состоят не только эльфы. Туда допускаются все желающие, сумевшие доказать ученому совету и Президиуму полезность своей научной деятельности.

При этих словах орк метнул на Гарба многозначительный взгляд. Тот понятиливо кивнул.

— Хотя так уж исторически сложилось, — продолжил щебетать маркиз, — что до сих пор это удавалось сделать только высокородным эльфам и подлым гномам, кои на меня и набросились, как дикие звери. Эти несчастные сами не ведают, что творят. Вбили себе в голову, будто мы эльфы украли какую-то их железяку, и требуют ее вернуть. Придумали одну штуковину, тычут ей во всех проходящих перворожденных на улице, и, если загорается зеленый огонек, словно с ума сходят. Их все боятся, а сделать ничего не могут. Жители Льонаса не любят воевать. Я это терпел до тех пор, пока они не набросились лично на меня. Вот я и отправился на запад в сторону Серебряного чертога — в столицу нашего славного королевства — за помощью.

Агрх слушал внимательно, разглядывая жующего лусида, как диковину на ярмарке.

— Постой, так у вас там гражданская война идет? — заинтересовался зеленокожий.

Возможность пограбить эльфийский городишко во время беспорядков он бы ни за что не упустил. Пришлось даже мысленно себя одернуть, что цель посещения совсем другая.

— Вовсе нет! Что вы! — замахал на него руками эльф. — Вышло небольшое недоразумение. До военных действий, хвала Триединой, не дошло. Просто академики немного похулиганили, но мы быстро накажем виновных, как только я доберусь до двора славнейшего Миримона.

— Фигово в любом случае, — с умным видом сказал Бурбалка. — В Академию-то нам все равно надо.

— И мне надо, — признался Мелдон, — переодеться, взять припасы на дорогу...

— Отлично! Значит, наши интересы совпадают, сухопутный, — перебил его Каввель. — Поможешь нам, а мы тебе.

— С превеликим удовольствием отблагодарю вас, если это будет в моих силах.

— Мы хотим представить научный трактат на обсуждение академиков, — сказал Агрх. — Это можно устроить?

Эльф округлил ясные голубые глаза. Это сборище инородцев само по себе вызывало противоречивые чувства, но никто из них точно не походил на ученого мужа, пишущего трактаты. Орк с минотавром выглядели слишком свирепо. Человек по уровню речевого развития тоже недалеко ушел от обитателей трупоб. Может быть, гоблин? Он похож на шамана и разговаривал с потугами на высокий научный стиль. Не исключен и такой вариант, но все равно сомнительно, учитывая расовое происхождение. Впрочем, Мелдон за свою длинную жизнь повидал всякое, поэтому сильно удивляться не стал.

— Совершенно невозможно, пока академики не примирятся! — отрезал он. — У нас все соискатели равны, и я бы с радостью представил вас Президиуму, но сейчас решительно некому собираться. В такое время академики отсиживаются по домам, дабы ненароком не лишиться мир своего блестящего ума, и выгнать их оттуда не представляется возможным.

— Тогда нам надо устранить причину разногласий и всех помирить, — заявил Гарб.

— Но мы не знаем, в чем состоит проблема! Мы не брали у презренных гномов их безделушку.

— Узнаем, — пообещал Агрх.

На орочьей роже читалась настолько отчаянная решимость, что никто не посмел усомниться в успехе предстоящего дела.

Мелдон уверенно довел компанию до самых стен Льонаса. Особого умения тут, правда, не требовалось — знай, иди себе прямо по дороге. С другой стороны, ни одного патруля так и не встретили. Виновато ли было в том присутствие эльфийского маркиза, или как-то повлияли приколотые на пояса ленточки, а может, простое отсутствие патрулей как таковых — никто не узнал. Только чем ближе была Академия, тем больше все нервничали. Особенно заметно руки начали дрожать у де Баранбаса.

— В чем дело, приятель? — спросил эльфа Каввель, когда дрожание пальмового листа на ураганном ветру стало казаться по сравнению с телодвижениями маркиза полным покоем.

— Я-я-я б-б-б-оюсь, — заклацал зубами Мелдон.

— Похоже наш провожатый что-то от нас скрыл, — спокойно заметил Агрх.

— П-п-п-ростите м-м-м-еня, — смог выдать из себя маркиз.

Эльфа ощутимо потряхивало.

— Это от-п-п-угиватель г-г-г-номов.

— Каввель, достань, пожалуйста, удерживатель магии, — попросил Гарб.

— Чего достать? — не понял минотавр.

— Жезл, который мы обнаружили в склепе.

Каввель извлек из торбы чар и отдал шаману. Гоблин дотронулся жезлом до эльфа, пробормотал несколько слов, и Мелдон тут же прекратил трястись, немедленно рассыпавшись в витиеватых эльфийских благодарностях.

— Отпугиватель сейчас действует только на эльфов, — пояснил он. — Это они так хотели не пустить в город наши подкрепления, ежели таковые появятся. Но и мы в долгу не остались и запустили «Сбивающий с пути». Теперь у нас ничья: их подмога бродит по лесу, а наши следопыты в панике разбежались.

Прежде чем жезл вернулся обратно в торбу, Агрх бросил на него несколько оценивающих взглядов, но ничего не сказал.

В город вошли через совершенно неохраемые главные и к тому же единственные ворота. Мостовые блистали чистотой, дома переливались всеми цветами радуги, повсюду росли цветы и деревья — словом, в Льонесе все радовало глаз случайно забредшего сюда путника. Несколько смущало только отсутствие на улицах хоть кого-то из жителей.

— Комендантский час, надо двигаться быстрее, чтобы нас не застукали гномьи патрули, — сообщил маркиз. — Давайте сперва зайдём в мои апартаменты, а потом я покажу вам, как попасть к этим проклятым карликам.

Резиденция маркиза занимала целое крыло в Академии. Мелдон оказался ни больше не меньше, чем председателем Президиума, и роскошью пользовался согласно своему статусу.

Здание Академии находилось ровно в центре города и было строго ориентировано по сторонам света, что способствовало астрономическим наблюдениям. Все башни, переходы, коридоры и прочие элементы планировки имели правильную геометрическую форму, а дверные проемы позволяли всем существам выше шести футов ростом пройти только пригнувшись.

«Гномы строили», — поморщился де Баранбас, упоминая этот прискорбный для лусидов факт.

Сменив платье, что заняло у эльфа около получаса, маркиз пригласил гостей отобедать с ним.

— Прошу! — лусид махнул рукой и первым прошествовал в трапезную. — Это моя персональная зала для приема пищи. Тесновато, но рисковать посещением общей столовой не хочется. Зато получится скромно и по-домашнему.

Гарб вошел следом и удивился. Насколько он знал, эльфы очень трепетно относятся к деревьям и никогда не рубят их. Однако вся мебель в действительно маленькой уютной столовой была деревянной. Осмотр внутренним зрением показал иную картину. Стол и стулья не более, чем зачарованные камни.

Невесть откуда взявшиеся слуги скоренько принесли «легкий перекус», удивив издавших виды пиратского капитана и монаха разнообразием. Даже Гарбу пришлось захватывать лапами челюсть обратно, когда он увидел отдельно стоящим свое любимое лакомство — жареных червей Каа.

— Я люблю покушать, — объяснил маркиз, видя удивление гостей. — У каждого должны быть свои маленькие недостатки. У меня этот. Я просто обожаю экзотическую кухню и не жалею на свое увлечение денег и магии. Сейчас в знак благодарности я осмелился предложить каждому из уважаемых гостей одно из традиционных блюд его народа.

Все остались довольны, кроме Аггрха. Он с пренебрежением поковырял вилкой слегка недоваренную говядину с кукурузной кашей. Кушание приготовили по всем правилам орочьего кулинарного мастерства. Вот только в горном племени он такого наелся вдосталь и теперь хищно поглядывал на Антонио, который с удовольствием чавкал запеченной с перцем каракатицей и запивал это изумительным красным вином.

Мелдон заметил недовольство гостя и щелкнул пальцами. Подошедший слуга понятливо кивнул в ответ на шепот маркиза, и через пять минут на столе перед орком оказались вполне человеческие блюда. Аггрх благодарно посмотрел на эльфа и набросился на угощение.

После непродолжительного застолья маркиз лично показал коридор, ведущий в гномье крыло, но провожать, по понятным причинам, не стал.

Ближе к середине коридора потолки и дверные проемы стали еще ниже, сделав передвижение некомфортным даже для людей. Минотавру с орком и вовсе пришлось сгибаться в три погибели. Путешествие, к счастью, оказалось недолгим. Очередной поворот под прямым углом привел компаньонов к низкой дверце, у которой дежурил светлолицый молодой гном.

— Какой леший вы тут забыть? — поинтересовался страж, окинув визитеров неприязненным взглядом.

Надо отдать выдержке коротышки должное — он и глазом не моргнул при виде живых орка, минотавра и гоблина, спокойно разгуливающих по Академии.

— Мы к господину Маусу фон Кляйне. Нам сказали, что ему требуется помощь в розыске пропавших ценностей, — хором ответили друзья отрететированной фразой.

— Айн момент, — бесстрастно изрек гном и скрылся за дверью.

Звук запираемого замка обозначил отношение к незванным гостям. Момент затянулся минут на пятнадцать. Друзья, предупрежденные Мелдоном о возможности такого поворота событий, терпеливо ждали, пока гномы проведут экстренное совещание. Наконец дверь открылась, и спутников проводили внутрь. Оружие велели сдать на входе под опись.

Аггрх как бы нехотя расстался с парой кинжалов, а остальные предварительно сложили все колюще-режущие в торбу и старательно делали вид, что являются пацифистами. Кроме того, к каждому вошедшему поднесли маленькую коробочку. На Михеля и Антонио прибор мигнул красным огоньком, на Гарба и Каввеля зеленым, а на Аггрха желтым.

Фон Кляйне принял посетителей в комнате для совещаний, сидя за массивным дубовым столом с резными ножками. В отличие от столовой Мелдона здесь мебель точно когда-то шумела листвой. Никакой магии, только топор лесоруба и мастерство столяра.

Гном оказался седовласым, лысеющим и весьма невысокого роста даже для своего народа. Ворот белой льняной рубахи хозяина кабинета был расстегнут из-за духоты, приоткрывая любопытным взглядам гостей мускулистую волосатую грудь. Бесконечно умные карие глаза Мауса по очереди внимательно изучили всех вошедших, затем он попросил их присаживаться и изложить суть дела.

— Вообще-то, мы хотели предложить свою помощь в расследовании вашей пропажи, о которой мы наслышаны, но детали хотелось бы узнать у вас, — сказал Гарб.

— Это очень интересно, с учетом того, что «уловитель» недвусмысленно дал нам понять, что как минимум двое из вас недавно имели непосредственный контакт с украденным у нас предметом. Вы все арестованы! Стража!

Из распахнувшихся дверей хлынули вооруженные коротышки. Неожиданный поворот

событий, однако, врасплох никого не застал. Друзья разом выхватили из карманов по два шарика. Один отправился в рот, а второй на пол. С пола повалил дым, и все гномы рухнули, как подкошенные. Вместе с ними упал и Каввель.

— Что с тобой? — бросился к нему Гарб.

— Я пилюли перепутал, — прохрипел обездвиженный минотавр.

— Ерунда, — сказал подошедший Михель. — Сейчас пройдет. У нас на тренировках так часто бывало.

С этими словами он капнул минотавру на язык четыре капли пурпурной жидкости из хрустального флакона, извлеченного из многочисленных складок монашьяго балахона.

Маус Кляйне лежал на столе, злобно вращая глазами, и очень неинтеллигентно выражался на цвергском. Гному стало чрезвычайно обидно, что его провели два человека на пару с какими-то полудикими варварами.

— Спокойно, уважаемый, — как можно мягче обратился к нему Гарб. — Мы не хотим причинять вам вреда, ваш паралич временный и скоро пройдет. Сделано это, чтобы вы не сомневались в наших добрых намерениях, ведь нам сейчас не составит труда вас всех прирезать, но мы этого не сделаем. Вместо этого мы настаиваем на том, чтобы помочь вам в поисках. Но предупреждаю: любое насильственное действие с вашей стороны вызовет асимметричную реакцию с нашей. Итак, вы согласны сотрудничать на равноправной основе без посягательств на жизнь, кошелек, здоровье и свободу друг друга?

— Чтоб тебя разнесло на мелкие клочки и неправильно собрало обратно! — грубостью ответил господин Кляйне.

— Последний раз формулирую свой вопрос, — ледяным тоном ответил Гарб. — Согласны ли вы сотрудничать?

— Согласен, — выдавил из себя гном.

— Поклянитесь, что согласны с нашими условиями.

— Будь ты проклят! Клянусь носом Румпеля. Доволен? Теперь снимите с меня паралич!

Клятва носом верховного бога гномов, покровительствующего изобретательству, вполне удовлетворила компаньонов. Просто так поминать самый крупный нос среди младших богов ни один уважающий себя гном не стал бы.

Глава института теоретической и практической магомеханики Льонасской Академии наук и изящных искусств барон Маус фон Кляйне никогда в жизни не подвергался такому унижению. Впрочем, гном был слишком разумным и логичным, чтобы надолго поддаваться эмоциям. В нем быстро возобладал здравый смысл, сдобренный фатализмом, который свойственен всем представителям его расы без исключения. Поэтому господину Кляйне хватило двух минут, чтобы после приведения мышц в тонус успокоиться, и еще одной для перехода к разговору по существу.

— Ладно, раз уж вы склонны сотрудничать добровольно, я введу вас в курс дела. Около года назад к нам в руки попал очень древний и невероятно ценный чар. Его происхождение поставило нас в тупик, так как ничего подобного мы не нашли ни в одном реестре волшебных предметов. Тщательный анализ его магической структуры позволил прийти к выводу, что он датируется как минимум временем Исхода. Очень может быть, что он создан даже раньше. Важно другое: этот чар блокирует магическое воздействие, направленное как на него, так и в определенном радиусе от него. Не просто отбирает возможность колдовать, как некоторые материалы, а полностью убирает магию. Надеюсь, вы понимаете важность подобной находки?

Компаньоны переглянулись, но ничего не сказали, поэтому академик продолжил.

— Узнав принцип действия этой штуки, мы смогли бы создавать машины для отражения магических атак — это же переворот в магомеханике! И мы были очень близки к разгадке, когда появился этот ушастый паразит, сцапал жезл и убежал прежде, чем охрана смогла остановить его. Больше всего нас возмутила даже не задержка в исследованиях или пропажа ценного предмета, а сам факт кражи. Такого в Академии не случалось уже тысячу лет! Мы подняли по тревоге всю службу безопасности, но тщетно. Тогда мы закрыли город. Сейчас в него можно войти, но нельзя покинуть.

Бурбалка издал смешок, принимая слова гнома как вызов. Он собирался непременно попробовать обойти гномью ловушку. С тех пор как дух вернул себе человеческий облик, энергия в нем бурлила, и он уже начал потихоньку экспериментировать с порталами. Гарб же почему-то вспомнил, что Мелдону все же удалось каким-то образом убежать, и даже отойти на приличное расстояние от Льонаса.

— Да, даже не пытайтесь! — сказал Маус. — Покинуть Льонас нельзя. Преступник заперт внутри, но возникла другая проблема. Мы точно не знаем, кто украл чар — все эльфы для нас одинаковы с лица. То есть буквально мы видим их точеные носы, заостренные подбородки, светлые локоны и больше ничего. Не иначе магия какая-то. Различаем разве что цвет глаз, но они выше ростом, сами понимаете. Каждому в глаза всматриваться не с руки, потому что они, видите ли, обижаются. Но у нас есть специальный прибор. Мы называем его уловителем. В нем содержится частица вещества чара, и он способен указывать на тех, кто с ним соприкасался. Мы попросили эльфов пройти поголовное обследование с целью найти преступника, но...

Гном в сердцах стукнул кулаком по столу.

— ...как вы, наверное, догадываетесь, высокомерные болваны на это не согласились. Тогда мы просто стали вылавливать их на улицах по одному и проверять с помощью прибора, а проверенным ставить особые метки, чтобы не проверять повторно. Мы не хотим никого обидеть, поэтому каждого просили очень вежливо, но остроухие настолько не терпят принуждения, что сразу же начинают убегать. Бегают они быстро, и мы не можем догнать.

— И как успехи? — поинтересовался Гарб.

— Да никак. Из всех, кого удалось поймать, только один эльф оказался замешан в этой темной истории — маркиз де Баранбас. И тот скрылся от наших патрульных и где-то прячется. К тому же у меня мало причин подозревать его в краже: преступник был слишком ловок и по комплекции значительно более худой. Хотя обвинение в пособничестве я бы ему предъявил — факты налицо: он держал жезл в руках, причем недавно. Ладно, рано или поздно мы его поймаем. А теперь объясните мне, как так выходит, что вы, пришедшие извне, уже успели прикоснуться к украденному чару.

— Каввель, доставай! — попросил Гарб.

Минотавр поворожил над торбой и достал жезл. Глаза у гнома загорелись.

— Это он! Но как вы его нашли? У кого вы его взяли?

— В том-то и дело, уважаемый, что это не он, — поспешил охладить его пыл гoblin. — Этот чар мирно лежал в одном могильном склепе еще месяц назад. Свойства у него схожие с описываемым, а всего их в природе существует четыре штуки. По крайней мере, о которых мне известно.

— Поразительно, — прошептал Кляйне. — Позвольте взглянуть.

Гарб протянул жезл гному. Маус протянул пухлую ладонь навстречу, и гoblin

неожиданно отдернул лапу и судорожно вцепился в реликвию. Его охватило странное желание ни в коем случае не отдавать чар.

Остальные встревоженно посмотрели на компаньона. Устыдившись своего странного поступка, он все-таки нехотя отдал реликвию. Фон Кляйне посмотрел на шамана исподлобья, взял жезл в руки и осмотрел.

— Вы правы, господа. Приношу вам свои извинения за подозрения. В вашем чаре отсутствует скол, который мы сделали, чтобы взять материал для анализа.

Жезл вернулся обратно в торбу.

— Но это значит, что у нас остается только один подозреваемый, и тот скрылся!

— Ну, где искать маркиза, мы знаем. Только вашего чара у него нет, и он утверждает, что никогда его не видел, — сказал Аггрх.

— Значит, будем продолжать хватать эльфов на улицах, пока не найдем виновного! — еще крепче приложился кулаком по столу гном.

— Вот некоторым делать нефиг, — подал голос Антонио. — Если не помогают уговоры, надо хитростью. Я тут придумал кое-че. Гарб, поможешь?

— Надеюсь, не очередной ритуал? — нахмурился Михель.

Бывший призрак в притворном испуге отрицательно замотал головой.

[1] Господа, я не ел два дня! (эльф.)

Эльфы основали Льонасскую Академию наук. Где-то через пару сотен лет появились гномы и быстро доказали остроухим, что не они одни могут считаться прирожденными учеными. Без гномьих хитроумных изобретений жизнь простого эльфа теряет изрядную долю комфорта, поэтому институты теоретической и практической магомеханики, магического сопротивления материалов и кафедру прикладных исследований безропотно отдали в полное распоряжение гордого народа цвергов.

Чтобы уговорить эльфа на что-то, чего он делать категорически не желает, нужно обладать изрядной долей терпения, ибо логически обоснованные доводы в большинстве своем разбиваются о капризную глухую ушастую стену. За долгие годы жизни эго большинства перворожденных обрастает практически непробиваемой броней упрямства, и если уж остроухому что-то взбрело в голову, то переубедить его по меньшей мере трудно.

Гоблину пришлось давить на больные места.

— Нет, нет и нет! — в сотый раз восклицал Мелдон, услышав очередной аргумент в пользу примирения с гномами. — Еще чего не хватало! Чтобы мы перворожденные шли на уступки этим подлейшим созданиям? Это возмутительно даже слышать! Да еще после того, как меня лично так оскорбили! А вы мне еще и гнусный обман предлагаете!

— Они готовы принести извинения и выплатить компенсацию, когда найдут виновного.

— Нам не нужны жалкие подачки гномов.

— Воцарится мир!

— Кому нужен мир такой ценой?

— А как же справедливость?

— Чихать я хотел на справедливость!

— Вы же светлый эльф!

— Да, я такой, но у меня есть и другие принципы.

— Ладно, тогда придется им сообщить, что вы отказываетесь. Пусть применяют свое секретное оружие.

— Какое еще оружие? — впервые заинтересовался разговором маркиз.

— Секретное. По секрету же можем сообщить, что оно лишит всех лусидов в городе возможности колдовать, и тогда вас возьмут тепленькими прямо в постелях.

На внезапно посеревшем лице эльфийского ученого отразилась целая гамма эмоций. Одно дело, когда в тебя тычут странным прибором, а другое — лишиться магии. Мелдон это представил и в ужасе зажмурился.

Магия для эльфа, что воздух для рыб: рыбы не дышат чистым атмосферным воздухом, но погибают, если он не попадает в воду. Эльфы также пользуются магией не напрямую, как волшебники других рас, а предварительно пропуская потоки Дэ через особый орган, усиливающий процесс волшебного обмена в организме. Орган называется роньо или собака на эльфийском.

Без магии перворожденные начинают медленно и мучительно угасать, будучи способными еще какое-то время поддерживать свое существование чарами. Особо опасных преступников эльфы подвергают процедуре удаления роньо. Казнь считается крайне жестокой и почти никогда не применяется.

— Вы блефуете! — взвизгнул маркиз.

— А какой нам смысл? Мы держим нейтралитет, помогать гномам я не вижу никакого смысла, — схитрил Гарб.

— Почему же тогда они до сих пор не применили свое оружие?

— Боятся последствий, но, если вы не согласитесь, их решимость окрепнет.

— Хорошо, я могу переступить через гордость ради моего народа, но вряд ли мне удастся уговорить остальных.

— Это очень мужественный поступок с вашей стороны, маркиз. Вы станете героем.

— Или изгнанником, — понуро ответил эльф. — Мне могут этого не простить.

— Чаю, чего покрепче? — вежливо предложил Маус коллеге.

— Ах, оставьте! — махнул рукой Мелдон.

Решимости хватило минут на пять, пока нога маркиза не переступила порог большого зала собраний. Там в присутствии вечного научного оппонента самообладание покинуло эльфа, и он принялся затравленно озираться. Фон Кляйне, впрочем, хватило такта, чтобы не нагнетать и без того напряженную атмосферу, и он даже пытался неуклюже шутить. Хотя было заметно, что и барон крепко нервничает, осознавая возможные последствия неудачной операции.

Цверг с лусидом заняли свои кафедры, а Гарб с компаньонами пост возле дверей. Зал некогда сконструировали таким образом, что попасть в него можно было только через один единственный вход. Гномы в свое время протестовали против такого вопиющего нарушения правил безопасности. Тогдашний глава Академии заткнул рот самым ярым критикам, просто наколдовав в зале мощную систему пожаротушения и продемонстрировав ее в действии. Вопрос тут же закрылся.

Приглашенные на совещание академики, не отличаясь особой пунктуальностью, стали прибывать кто на десять, а кто и на двадцать минут позже назначенного срока. Приказ председателя Президиума застал их врасплох: ученые мужи были свято уверены, что Мелдон не посмеет вытащить их из домов до завершения гномьего кризиса, но послушаться не решились.

Расфуфыренные лусиды оживленно беседовали, рассаживаясь по местам и недоумевая по поводу такой поспешности. «Неужели гномы будут извиняться?» — хихикнул один. «А может, официально войну объявят?» — тревожился другой. «Меня больше беспокоят дикари у входа», — говорил третий. — «Это явно неспроста!»

После того, как все места оказались заполнены, Мелдон продул рупор и обратился к собравшимся.

— Мусьё, вы все знаете о неприятностях, обрушившихся на наши головы за последнее время. У меня есть к вам огромная просьба: для преодоления кризиса и непонимания со стороны наших коллег, мы обязаны выдать им преступника, похитившего ценную вещь. Этот негодяй скрывается среди собравшихся в зале, и отсюда никто не выйдет до тех пор, пока виновный не будет найден!

Аудитория взорвалась криками негодования. Каждый кричал о том, что оскорбили лично его, и он требует сатисфакции немедленно. Мелдон устало включил магический усилитель, и его голос заглушил все крики недовольства.

— Это не обсуждается, коллеги. Хотите, режьте меня потом, но я не вынесу позора, если преступник не будет найден.

— А как мы его найдем, коллега? — насмешливо выкрикнул один из академиков. — И с чего вы взяли, что это один из нас? Какие ваши доказательства?

— Я поясню. Уважаемые гномы разработали устройство для обнаружения тех, кто недавно соприкасался с украденным чаром. К несчастью, между нами возникло некоторое недопонимание принципов работы прибора, поэтому ранее мы не соглашались подвергнуться, как нам казалось, унижительной процедуре проверки. Сейчас я лично убедился в правильности работы и безопасности данного устройства, поэтому...

— Что заставляет тебя думать, светлейший, будто мы согласимся проверяться какой-то гномьей штуковиной только по твоей просьбе? — громко спросил высокий и нетипично темноволосый для лусида академик.

— От тебя, моего заместителя, Идренион, я такого вопроса не ожидал, но ты меня не дослушал. Никому уже не нужно проверяться, потому что все уже и так прошли проверку прямо на входе. Устройство установлено в дверях, и мои друзья, на которых вы, вероятно, обратили внимание, сейчас точно знают, кто же из нас вор.

Академики застыли с разинутыми ртами. В их сознании не укладывалось, как председатель осмелился на подобную дерзость. Очень медленно поднялся один эльф, затем другой... третий с места молнией рванул к выходу.

— Не так быстро, дружок! — встретил его у выхода секирой минотавр.

Эльф сходу сделал сальто, перемахнул через голову присевшего от неожиданности Каввеля, в полете сшиб пытавшегося остановить его монаха и попятился, упершись в острие меча Агрха.

— Ням-ням, — облизнулся орк.

Глаза беглеца покраснели, а из рук выступили очень знакомые Гарбу костяные острия. Агрх вовремя махнул мечом, но не успел отвести летящий костяной кинжал достаточно далеко. Костяное острие оцарапало кожу, и орк тут же срубленным деревом рухнул на пол, а псевдоэльф побежал дальше, ловко избежав подсечки Антонио.

Гарб изо всех сил швырнул вслед убегающему негодяю склянку с красноватой жидкостью, но тот, даже не оборачиваясь, отвел ее в сторону локтем. Склянка разбилась вдребезги о колонну, оплавив содержимым ее мраморную облицовку. Пробегая по коридору, хапуг успел стукнуть по двум любопытным гномьим головам, высунувшимся посмотреть, по какому поводу шум, и был таков.

Мелдон сразу распорядился отнести раненого Агрха в лазарет, чтобы им занялись лучшие целители. Однако состояние орка продолжало ухудшаться даже после того, как над ним прочитали все полагающиеся в таких случаях молитвы: рана затянулась, но жар продолжал изматывать тело, и старший лекарь предположил, что пациент отравлен неизвестным ядом магического происхождения.

Поиски сбежавшего хапуга ничего не дали. Свидетели подтвердили, что указанный «эльф» пробежал по улицам, заходил к себе домой, а потом скрылся в неизвестном направлении. Маус и Мелдон организовали совместный следственный комитет для розыска беглого академика.

Примирение прошло бурно, со слезами на глазах, объятиями и заверениями в вечной дружбе. Эльф, правда, потом долго отмокал в ванной, а гном залился пивом по самое горло, но в целом шаткое равновесие восстановилось.

Эльфийская часть Академии побурлила немного да успокоилась. Маркиза де Баранбаса оставили в должности, решив, что он сделал все возможное для сохранения чести и

достоинства своих эльфийских коллег. Недоброжелателей у председателя, конечно, тоже прибавилось, но их голоса заглушились хором, поющим оду восстановителю мира и спокойствия. Научные руководители и лаборанты наконец вернулись к своим повседневным занятиям.

— Мелдон, а почему вы решили, что вором непременно окажется один из членов Президиума? — спросил Гарб, утопая в роскошном мягком кресле.

В следующие несколько дней после разоблачения шпиона шаман стал частым гостем в кабинете эльфийского аристократа. Гоблин и эльф обсуждали поимку вора, а заодно присматривались друг к другу. Гарб с живейшим интересом знакомился с эльфийским бытом и приобщался к странной культуре остроухих, основанной на почитании телесных удовольствий и священных деревьев.

Гоблину никогда не доводилось общаться с лусидами, но он много слышал об их заносчивости, и кровожадности. Любопытство в конце концов пересилило осторожность, но поначалу Гарб вел себя очень скованно. Маркиз был само дружелюбие, и лед недоверия постепенно растаял. Шаман до последнего не верил, что высокомерный эльф способен на дружеские чувства, но в итоге оказался приятно удивлен.

Мелдон тоже сперва осторожничал, но после первых же бесед восторженно погрузился в знакомство с гоблином. Его совершенно очаровали острый ум и образованность гостя. О длиннопалом народе существует масса стереотипов, и Гарб не вписывался ни в один из них. Разве такой развитый юноша может опуститься до каннибализма или других жутких пороков, приписываемых дикарям? А уж когда де Баранбас понял, что имеет дело с первоклассным магом-экспериментатором, его восторгам не было предела. Впрочем, эльф на всякий случай тщательно скрывал свои чувства.

— Ни у кого другого не было возможности посещать крыло гномов, чтобы тщательно изучить обстановку и выяснить, где и что они будут делать, — ответил маркиз. — К тому же этот молодчик и так был у меня на подозрении. Втайне я все же надеялся, что ошибаюсь, но факты свидетельствовали против него.

— Вы что-то знали? — удивился шаман.

— Да. После вашего рассказа меня озадачило, что гномий прибор указал на мой недавний контакт с украденной вещью. Позже я припомнил, будто встречал этого беглеца, Моротара, идущим по Академии. Я тогда поприветствовал его, а он спрятал руки за спину. У нас так не принято, но он был новичком в Академии, хотя и подающим надежды. Я сделал замечание, и он поздоровался со мной как положено за руку. Во второй он держал некий ничем не примечательный жезл, которым случайно прикоснулся ко мне. Других догадок у меня не было, а он бы стал отпираться и все отрицать, если бы мы просто предъявили обвинение. Сами понимаете, заставить родовитого эльфа что-то сделать очень сложно, а проверять уловителем его одного только на основании простого подозрения...

— А как ему удавалось так долго маскироваться? Ведь лусиды выдающиеся маги и не могли не чувствовать маскировочные чары.

Мелдон в ответ тепло улыбнулся, от чего на уголки глаз эльфа на мгновение напал выводок мелких морщин.

— Это весьма щекотливый момент, — убрав улыбку с лица серьезно сказал маркиз. — Дело в том, что очень многие перворожденные пользуются одним простеньким заклинанием, чтобы скрыть мелкие недостатки своей внешности. Какой-нибудь шрам,

например. Да, от Моротара исходили необычайно сильные эманации, но ничего необычного в нем не было. Высокопоставленный эльф должен быть красивым несмотря ни на что! Мало ли, что он мог скрывать — излишне крючковатый нос, кривые зубы или прыщи. Теперь нам, видно, придется пересмотреть всю концепцию безопасности. Кто бы мог подумать, что он окажется даже не одним из нас! Жаль, ему удалось уйти.

— Да, идея убрать гномий караул от дверей оказалось не самой удачной. И как его теперь ловить?

— Теперь, когда личность злоумышленника раскрыта, это вопрос времени. Город ему не покинуть — ловушка гномов действует исправно... Ох, дырявая моя голова! Как же можно такое забыть! Ведь я каким-то образом смог миновать эту ловушку, оставив гномий патруль бесноваться внутри городских стен. Они выйти не могли, а мне удалось!

Маркиз вскочил и забежал по кабинету, картинно обхватив голову руками.

— Может, вы просто талантливый маг? — польстил собеседнику Гарб, потягиваясь в кресле.

Такая мебель слишком расслабляла и навевала сон. Если бы ноги шамана доставали до пола, он бы непременно уснул. Поскольку подбирать их под себя не велел этикет, оставалось сидеть в неудобной позе, и только это не давало разомлеть окончательно.

— Я? Как мило! — остановился лусид и посмотрел на Гарба. — Конечно, я очень талантлив, иначе мне никогда не удалось бы занять такой важный пост. Только магия тут вовсе не виновата. Скорее наоборот! С меня тогда словно кожу живьем сняли, когда я через ворота пробежал. Это такое отвратительное ощущение, б-р-р.

— Когда остаешься совсем без магии? — поинтересовался шаман, припомнив собственные ощущения после ритуала у Сандро.

Силы начали понемногу возвращаться, но все еще бледнели в сравнении с былой мощью Гарба. Теперь он отчетливо понимал, что раньше был необычайно силен как маг, и даже сейчас не уступал среднему лусиду.

— Именно! — обрадовался эльф, найдя понимание у собеседника. — Я чуть сознание не потерял! А потом этот их отпугиватель заставил меня бежать, куда глаза глядят.

— Это все прикосновение жезла, — сказал Гарб. — Мы имеем дело с очень опасной вещью.

— А как же ваш жезл? Ты им меня тоже касался, — сказал не слишком убежденный Мелдон.

— Наш жезл, по всей видимости, ослаблен, поэтому его действие не столь глобально. А гномий чар, похоже, очень даже работоспособен. Хотя, конечно, дело может быть в чем-то другом. Кроме того... — Гарба внезапно осенило. — А кроме того, вас проверили уловителем. В нем содержится частичка жезла, это может быть связано.

— Ну, конечно! — хлопнул себя по лбу Мелдон. — Полярность, синергия, бимодульное комплексное воздействие! Тогда надо предупредить Мауса, пусть выставит охрану! — заволновался маркиз. — А то Моротар спокойно пройдет мимо ловушек.

Маркиз галопом помчался к аппарату прямой связи с фон Кляйне и принялся сбивчиво кричать в трубку.

Шпион издал тихий кашляющий смешок и осторожно убрал от стены подслушивающее устройство. Мало того, что он узнал, как отсюда выбраться, так еще и обнаружил местонахождение третьего скипетра. Быр-Хапуг сегодня явно благоволил своему

последователю. Наколдовав подменную личину, шпион преспокойно покинул стены Академии и отправился по адресу своего второго эльфийского «я». Первым пришлось пожертвовать, но второй — молодой лаборант — остался здравствовать, находясь вне подозрений. Дурачить простодушных эльфов не составляло никакого труда. Хваленые маги на самом деле редко замечают происходящее в двух шагах от них. Моротар шутя играл волшебными масками. Если бы этот позорный шаман не вмешался... Впрочем, все делается к лучшему. Гобхат-предатель получит свое, а Быр-Хапуг свое.

Мелдон предупредил Мауса, после чего с довольным лицом повернулся к Гарбу.

— Гном говорит, что там теперь и мышь не проскочит. Он выставит охрану, но считает это лишним, потому что в контур уже внесены нужные поправки.

— Господин Кляйне слишком верит в силу своих изобретений, — сказал гоблин. — Я считаю, что имея такой уникальный чар как Бир, любую волшебную ловушку можно нейтрализовать. У меня была возможность немного с ним поэкспериментировать, поэтому я знаю, о чем говорю. Магия жезла очень могущественна, и в умелых лапах способна на многое. Но если подумать, то никуда хапугу не деться.

— Почему?

— Его прибор не касался.

— В каком смысле? — не понял маркиз.

— В прямом. На входе в большой зал никакого уловителя не было. Вор сам себя выдал. И до тех пор, пока мы держим устройство подальше от него, из города Моротару не выбраться.

— Ты не перестаешь удивлять меня, — рассмеялся эльф. — Я даже начинаю верить, что все получится. Меж тем, друг мой, мы уже вполне можем собрать заседание Президиума для рассмотрения работы, про которую вы столько рассказывали. Думаю, собрание не займет много времени. Каков объем рукописи?

— Сорок три листа.

Эльф слегка изменился в лице.

— Это, как бы тактичнее выразиться, совершенно недостаточно для научной работы, — сказал он. — Этого хватит для преамбулы, но не для полноценного трактата.

— Но Агррх принес только первую часть. К несчастью, автор погиб, не успев закончить свой труд.

— Что же, только если в виде исключения и из уважения к вашим заслугам, мы рассмотрим это произведение. Но кто будет выступать докладчиком? Автор, как я понимаю, уже не может.

— Мог бы Агррх, но он сейчас в лазарете.

— А ты, мой юный друг? Ты самый разумный гоблин из всех, которых мне доводилось видеть. Не то чтобы я видел многих... Ты сможешь защитить трактат, я в этом уверен.

— Ну, я не знаю... — застеснялся Гарб.

— Решено! — хлопнул в ладоши Мелдон. — Заседание назначаю завтра после обеда, в четыре.

О гоблинском племени хапугов известно только, что сии твари отличались крайне свирепым видом и скверным характером. Причиной малой изученности служит почти полное его исчезновение вследствие захвата нашими доблестными войсками главной цитадели этих кровожадных варваров с последующим поголовным истреблением выживших. Такие меры последовали в ответ на похищение наследницы престола. Доподлинно неизвестно, что случилось с похищенной. Ее мужу, по слухам, гоблины в качестве издевки вместо супруги подложили в постель зомби. Несчастный заметил подмену только в самый последний момент и поклялся страшно отомстить.

Эльфийская хроника

Сандро никак не мог оправиться от потрясения. Его опять посадили в банку, чтобы он не надумал убежать, да еще и замотали куском ткани, дабы некромант не беспокоил своих похитителей криками. Место заключения в буквальном смысле стало темницей. Колдуна колотило, и он дал себе слово, что при первой возможности сменит смертную оболочку на бессмертную.

Часы заключения тянулись томительно долго. Человек успел восстановиться морально, возобновил свой магический резерв и даже от скуки начал мысленно играть в шахматы сам с собой. Партия успела войти в эндшпиль, прежде чем банку вскрыли и грубо вытряхнули ее содержимое на каменный пол.

Белый мрамор внезапно возник перед глазами Сандро, когда колдун уже загнал «вражеского» императора в угол и надеялся через два хода поставить мат при помощи двух кнехтов и олифанта. От неожиданности чародей рефлекторно вывалился из своей темницы в виде черного облачка и боли от жесткого приземления не почувствовал. Так же на рефлексах тело вернуло себе плотность, и пленник увидел, куда его принесли.

Зал со сводчатым потолком заканчивался тронем. Вдоль прохода рядами выстроились каменные колонны, а пол и купол над золотым престолом были искусно отделаны мозаикой с изображением батальных сцен. Во всем остальном, особенно в одежде, немногочисленные присутствующие придворные предпочитали практичность в ущерб роскоши.

На самом троне восседал маленький хапуг в короне, уже не младенец, но явно недостаточно поживший на свете, чтобы считаться взрослым. Он заливисто рассмеялся и захлопал в ладоши, когда Сандро вернул себе материальную форму.

— Еще! Еще хочу! — веселился маленький монстр.

Глок подскочил к Сандро с намерением заставить некроманта повторить фокус с превращением. В этом хапуг просчитался. Алехандро уже успел оправиться от шока и продумать план действий. Бутылка в руках мучителя брызнула во все стороны осколками стекла, а хапуг неожиданно для себя очутился в плотной пелене тумана. Через мгновение туман рассеялся, и на пол рухнул чисто обглоданный скелет.

— Это тебе за бутылочку, — мстительно изрек некромант. — Ну, кто следующий? — спросил он, обращаясь в основном к брату покойного, а не к многочисленной охране, расположившейся вдоль колонн.

Клок скромно потупил глаза и пошаркал ножкой. Он уже понял, что лучше предоставить возможность разбираться во всем повелителю, а брат сам нарвался.

Сандро все рассчитал верно, распознав в своих похитителях гоблинскую кровь: они уважают только силу с хитростью, и, если им продемонстрировать свои возможности, поостерегутся нападать и вступят в переговоры. Точно, охранники не сделали никаких попыток вмешаться, с любопытством взирая на происходящее. Маленький повелитель зааплодировал еще сильнее, почти захлебываясь восторженным каркающим смехом. Сандро вопросительно посмотрел на него.

— Я награжу тебя, Клок, за такую игрушку! — возвестил ребенок, когда смех прекратился. Хапуг в ответ изысканно поклонился. — Я не накажу тебя за то, что ты посмел явиться без Быра.

Клок поклонился еще, на этот раз значительно ниже.

— Мы нашли место, где находится Быр, о Великий Пуджар, но не смогли его оттуда достать. Там были скелеты...

— Ты удивляешь меня, охотник. Разве я лично не учил тебя обращаться со скелетами? — звонким голосом спросил малыш.

При этом в его словах зазвучал металл, и даже Сандро невольно поежился, хотя и не понял из разговора на гоблинском ни слова. Повелитель указал пальцем на то, что осталось от Глока. Скелет встал и подошел к трону, затем оторвал себе голову и начал подкидывать ее к потолку. Клок заворожено следил за движениями оживших костей. Наигравшись, его величество указал пальцем на Клока. Скелет швырнул голову в брата. Клок машинально выставил руку вперед, и череп упал, не долетев до цели два шага.

— Почему вас смогли остановить скелеты? — отрывисто спросил коронованный ребенок.

— Их было слишком много, несколько тысяч, и они продолжали вылезать из могил, — по лицу охотника было видно, что он может вот-вот потерять над собой контроль. — А вот он, — Клок указал на Сандро. — Еще и кормил их своей Дэ.

— Как интересненько, — повелитель одарил подданных клыкастой улыбкой. — Один жалкий человечиска смог поднять огромную армию скелетов и напугать ей двух моих учеников? Может, мне самому туда наведаться?

— О, Великий Пуджар, я не смею советовать. Там действовала неведомая мне сила и...

— А ты знаешь, что у любой силы есть вектор?

— Знаю, — пристыженно, словно нашкодивший подмастерье, ответил Клок.

— И ты должен знать, как любую силу обратить себе на пользу. Вот умру я, и что с вами бездарями станет? Ладно, тобой я займусь позже.

Пока темный властелин вычитывал провинившегося слугу, Сандро вполуха пытался понять, о чем идет речь, и попутно знакомился с обстановкой. Увиденное некроманта порадовало: похоже, ему повезло попасть не просто к коллегам по ремеслу, а к истинным мастерам своего дела.

Даже то, с каким размахом повелитель или его предшественник обустроили тронный зал, говорило о многом. Повсюду висели темные защитные заклинания убийственной силы, так что охрана находилась в помещении скорее для вида. Окна выходили с одной стороны на бездонную пропасть, а с другой на плац, на котором с десятков офицеров муштровали пушечное мясо.

В роли солдат выступали некроманты и просто маги — по большей части гномы и люди. Эльфов, дворфов и орков не было совсем. Во всяком случае на плацу. Офицеры выкрикивали команды, и солдаты использовали свою силу для поднятия трупов, судя по

всему, из числа тех же солдат. Тех, кто не справлялся, убивали на месте и далее использовали в качестве учебного материала. Другая группа отрабатывала боевые заклинания на провинившихся товарищах по несчастью. Пахло горелой плотью, грозой и тухлыми яйцами — неизменными атрибутами подобных забав.

— А мне у вас нравится, — сказал Сандро, заставив опешить даже короля хапугов.

Мальш продолжал вычитывать Клока да так и застыл на полуслове.

— Игрушка говорит без разрешения? — строго спросил король у побледневшего охотника.

Ответить тот, впрочем, не успел, потому что Сандро продолжил:

— Нравится мне тут, говорю. Я бы даже вашу жалкую армию возглавил.

— Почему ты считаешь себя достойным, червяк? — в голос повелителя прозвучало любопытство.

— Потому что я могу привести ее к победе, Ваше Величество, — поклонился Сандро.

— Покажи свои умения, раб, и я подумаю над твоими словами, — почти не задумываясь, ответил король.

Александр уже смекнул, что ребенком маленького хапуга назвать можно с большой натяжкой. Повелитель скорее был подростком, наверняка в достаточной степени хитрым, коварным и могущественным, чтобы наслаждаться абсолютной властью над своими подданными. Нарочито детское поведение являлось не более, чем удобной маской, за которой легко прятать быстрый ум, способный сходу принимать правильные решения.

В доказательство своих возможностей Сандро предложил дуэль: он один против всех солдат и офицеров на плацу. Его Величество повелел быть посему.

Приготовления не заняли много времени. Трое охранников проводили Сандро вниз, а король Сконм Железнорук III изволил наблюдать за ристалищем из тронного зала. Над плацем носились свинцово-черные тучи, обещая дождь. При внимательном рассмотрении они оказались не более чем умело сотворенной иллюзией: внутреннее зрение показывало высоко над головой вместо атмосферных явлений каменный потолок пещеры.

Александр окинул взглядом разношерстную толпу, стоящую перед ним. Все солдаты, и в особенности офицеры, просто излучали силу и мрачную решимость его уничтожить. Для них он просто сумасшедший колдунишка, и убившему его обещана награда. Тем лучше — жалеть никого не придется. За семьдесят с лишним прожитых лет, из которых он почти пятьдесят управлял городом мертвых, Сандро утратил большую долю человечности, но недавний обряд и возвращение молодости всколыхнули в нем былые чувства. Ему даже стало немного жаль недоучек, искренне считающих, что количество лучше качества.

Первым в обратном убедился самый надменный из офицеров. Он отстранил остальных, видимо, по праву старшинства, гаркнув на своем гортанном языке «смотрите и учитесь». Хапуг выставил настолько мощный щит мага, что воздух вокруг него аж засветился, а затем по всем правилам боевого колдовства метнул молнию. Звук громового раската сотряс плац, опрокинув на землю некоторых рядовых. Разряд кинжалом вонзился в Сандро, окутав тело некроманта синим электрическим вихрем. Искры немедленно всосались в кожу, оставив сверкать на кончиках пальцев маленькие фиолетовые огоньки. Колдун расхохотался в лицо противникам, потому что план удался на славу.

Еще возле кургана он почувствовал, как в него вселяется нечто, дарующее воистину сверхъестественные способности. Чужеродное присутствие ощущалось каждой клеточкой

тела, но не было слишком неприятным. Симбиоз от одержимости этим существом получился отменный. Сандро не знал, что именно оно получает от присутствия в его теле, но уже начал входить во вкус от новых головокружительных возможностей. Гость пользовался не Дэ, а каким-то другим источником силы. Сандро же успел научиться сочетать оба вида энергии.

Ответная молния испепелила хапугского мага, легко пробив все его защитные заклинания. Враги резко зауважали такого опасного противника, поэтому офицеры тут же выдвинули вперед рядовых, скомандовав им плести сеть Колеандра. Это легкое заклинание доступно для сотворения небольшому количеству магов, объединенных в один контур. Используют его для ловли вражеских волшебников, полностью сковывая их движения и не давая колдовать. Даже самые могущественные маги стараются избегать попадания в зону действия такой сети.

Для получения желаемого эффекта кругу обычно хватает пятнадцати секунд. Сандро и не подумал предоставить недругам так много времени. Один за другим пятнадцать волшебников схватились за горло и упали на землю, тщетно пытаясь вдохнуть хоть немного воздуха в отказавшие легкие. В спину Сандро ударил череп смерти. Попадая на кожу, этот магический эффект обычно оставляет выжженное пятно в виде черепа, убивая при этом жертву на месте.

Некромант лишь ухмыльнулся. Двое офицеров вскинули руки, послав в него ядовитые шипы. Костяные отростки пролетели насквозь, а Сандро рефлекторно вскинул руки в ответ, поразив обидчиков такими же шипами прямо между глаз. Остальные противники шарахнулись в стороны не столько в испуге, сколько в изумлении. Удивился и сам колдун.

— Довольно! — раздался у них над головами детский голос. — Теперь я вижу, что ты достоин возглавить мою армию.

Исполнительным органом Президиума Академии наук является Бюро Президиума Академии наук, осуществляющее в пределах своей компетенции оперативное решение научных и научно-организационных вопросов Академии наук. В состав Бюро Президиума Академии наук входят Председатель Президиума Академии наук, заместители Председателя Президиума Академии наук и главный ученый секретарь Академии наук...

Из устава Льонасской Академии наук

Гарб волновался, как адепт перед экзаменом на звание магистра, хотя изучил рукопись вдоль и поперек, так и не найдя в ней изъянов. Поджилки, однако, тряслись, и даже успокоительное зелье не спасало. Работа чужая и нужно просто озвучить основные положения. Профессиональные рецензенты потом изучат подробности и дадут свое заключение. Однако шаман все равно переживал за судьбу трактата, как переживал бы за свое собственное творение. Тем более, что они с Рэксом не один час потратили на редактирование и переписывание набело.

Большой зал был переполнен: поглазеть на то, как гоблин будет защищать научную работу полуорка, собрались даже не имеющие никакого отношения к науке жители города. Изначально не предполагалось, что кто-то узнает об авторе и докладчике больше, чем следует, но слухи все же просочились, и вскоре только ленивый не обсуждал предстоящее событие.

— Уважаемые члены Президиума, дорогие гости, вашему вниманию предлагается этнографическое и антропологическое исследование многоуважаемого Чериальда Д'Арвина. Докладчиком выступает соавтор работы достопочтимый гоблин Гарб... Гарбибаквас... трэшмусорчак, — с трудом прочитал председатель по бумажке.

Гарб с укоризной посмотрел на Мелдона, но тот уже ушел, освобождая место. Шаман занял трибуну, проверил работу рупора и начал излагать тезисы. Если публика поначалу еще шумела, то уже через несколько минут стала внимательно вслушиваться в слова выступающего. На отдельных остряков, пытающихся вставлять шуточные комментарии, зашикали, заставляя их замолчать. Гарб даже приободрился, радуясь вниманию.

Тишина оказалась обманчивой: как только гоблин закончил, раздался нестройный хор голосов, пытающихся опровергнуть или осмеять выводы трактата и даже приведенные факты. Председатель призвал всех к порядку, начав вызывать желающих высказаться академиков по одному.

Особенно усердствовали эльфы. Гномы отнеслись с пониманием к чужаку, который проходил через то, что однажды довелось пройти и первому гному-соискателю. Лусидское же высокомерие показало себя во всей красе, чуть не вызвав у Гарба истерику, и заставив сидящего в зале Каввеля играть от негодования желваками на скулах. Пират не мог взять в толк, отчего все эти попугаистые эльфы так рвутся сказать что-нибудь плохое про его друга.

В выражениях никто не стеснялся. Михель даже заподозрил, что в утонченных эльфах вселились дворфы. Гарбу поставили на вид и то, что работа написана не на эльфийском, как того требуют правила Академии, и несоответствие титульной страницы стандартам оформления, и неправильный размер отступов, и даже придрались к размеру букв. Прошлись также по сомнительности доводов, подозрительности источников и несурзности выводов.

Мелдон сразу предупредил, что готовиться надо к худшему, потому что большинство академиков являются высококлассными специалистами в своих областях, но мнят себя гениями во всем, поэтому будут из кожи вон лезть, чтобы их не сочли профанами. На деле, конечно, получится наоборот, но первую волну критики надо просто переждать.

— Значит, мусьё автор, вы утверждаете, что у многих орков есть такая черта, как благородство, а отсутствие ее проявлений вызвано лишь недостатком должного воспитания?

— Именно так, — отвечал Гарб. — В критической ситуации представители этой расы способны даже на самопожертвование ради других, чему я лично был свидетелем.

— Но это же полная чепуха! — вскричал оппонент. — Все знают, что орки отвратительные создания, и у них присутствуют только базовые инстинкты. О каком благородстве может идти речь, если в их рацион входит мясо представителей разумных рас?

Аудитория зашумела, выражая согласие с мнением академика.

— Общеизвестный факт, что орки созданы низшими враждебными нам богами, поэтому не могут иметь тех же положительных качеств, коими обладают расы, созданные богами высшими! — говорил другой академик.

— Абсолютной выдумкой являются даже намеки на якобы разумность этих тварей, — постулировал третий.

— Трудно поверить, будто у народа, у которого отсутствует своя письменность, могут рождаться хоть сколько-нибудь значимые ученые, поэты или великие маги. Да, военное дело у них на высоте, так ведь и волки с гиенами сбиваются в стаи, чтобы сообща нападать на своих жертв. Одно дело — грубая сила, а совсем другое — искусство ведения боя, тактика и стратегия. Не зря наши предки всегда их побеждали. Даже их шаманы никогда не могли конкурировать с нашими волшебниками, ведь для овладения серьезными заклинаниями требуются мыслительные способности, которые оркам и не снились.

Последняя фраза окончательно переполнила чашу терпения Гарба.

— Вы, наверное, и к гоблинам относитесь с таким же презрением? Приписываете им те же свойства, что и оркам?

— Разумеется, — подтвердил слова Гарба эльф.

— Значит, вы считаете себя более сильным магом, чем я?

— А что, в этом есть сомнения? — до крайности удивился академик.

— Осмелюсь заметить, что уважаемый Альмариан является магистром боевой магии, — вмешался в перепалку Мелдон. — И я не думаю, что есть необходимость выяснять, чей посох длиннее.

Друзья заметили на мордочке ловца духов мелькнувшую хитрую улыбку, но гoblin быстро убрал ее с губ.

— Благодарю вас, председатель, за пояснение, — ответил Гарб, слегка прищурив свои кошачьи глаза. — Тем не менее, у меня есть намерение доказать, что многоуважаемый магистр боевой эльфийской магии ошибается и не сможет со мной справиться.

— Этот гoblin хочет бросить мне вызов? — недоуменно спросил Альмариан, обращаясь к эльфам вокруг. — Это какой-то фарс? Комедия? Я же его убью! В лепешку размажу!

— Гарб, будь благоразумен, не надо! — горячим шепотом обратился Мелдон к шаману с соседней трибуны. — Он не просто специалист по боевым заклинаниям. Он лучший преподаватель Академии по школе воды!

— Да? — шепотом ответил Гарб. — Тем хуже для него. Я знаю, что делаю.

— Мусьё Альмариан, не соблаговолите ли вы пройти со мной на место для состязаний.

Предлагаю несмертельный поединок.

— Прямо сейчас?

— Да, прямо сейчас.

Несколько дней, проведенных вблизи источников силы, которых в любом эльфийском городе всегда предостаточно, позволили Гарбу полностью восстановиться от последствий магического истощения. Впрочем, и вполне здоровый гоблинский шаман как правило уступает любому эльфу, не говоря уже о магистрах, по части магии. Не в последнюю очередь это связано с наличием у эльфов роньо, делающего запасы энергии остроухих поистине огромными по сравнению с остальными расами. На что шаман рассчитывал, не могли понять даже его друзья. Слушать их предостережения он не стал, повторив то же, что сказал Мелдону. Правда, Гарб позаимствовал у Каввеля волшебную торбу, хоть и не сказал, для чего.

Мелдон взялся лично судить поединок, надеясь остановить Альмариана до того, как последний причинит Гарбу серьезное увечье. Председатель уточнил у противников, знакомы ли им правила дуэльного кодекса. Получив утвердительный ответ от обоих, развел их по краям арены на расстояние в пятьдесят шагов, убедился в отсутствии на дуэлянтах чаров могущественнее пятой категории и поспешил в укрытие судебной вышки, чтобы не попасть противникам под горячую руку.

Согласно кодексу, поединок проходит в несколько раундов, количество которых заранее оговаривается или по умолчанию считается равным трем. В каждом раунде один волшебник творит атакующее заклинание, а его соперник должен применить один из известных ему способов защиты. Допинг поощряется, но для несмертельных поединков существует ограничение по силе зелий, заклинаний и чаров, которые можно применять. По итогам всех раундов либо один из соперников соглашается с поражением, либо устраивается дополнительный раунд без каких-либо ограничений с единственным условием атаковать одновременно по сигналу арбитра. В случае такого исхода страховые фирмы обычно отказывают пострадавшим в выплатах.

Арена внешне очень походила на ипподром, и, вероятно, когда-то им и являлась. Длина одной стороны составляла несколько сотен футов, а ширина была примерно в два раза меньше. Зрительские места располагались вдоль длинных сторон, украшенных по бокам резными обелисками из розового мрамора. На некогда закольцованных беговых дорожках земля в вершинах овала оказалась перекопана, что делало проведение бегов в настоящее время невозможным.

На трибунах собралось чуть ли не все население города. Одно дело — скучные дебаты, в которых большинство все равно не разбиралось, и совсем другое — захватывающий поединок. Гномы единодушно болели за малютку гоблина, который собирался утереть нос заносчивым первородным. Они горланили песни, потягивали легкое янтарное пиво и размахивали флажками с изображениями шамана. Кто-то успел сшить изрядное их количество и выгодно распродать всего за пять минут.

Эльфы кучковались на противоположной трибуне и вели себя несколько более сдержанно, как и подобает истинным аристократам среди разумных существ. Пронырливые торговцы разносили напитки и сладости, в одном месте за руку поймали непутевого воришку; какой-то эльф оттоптал ногу другому, за что был удостоен пощечины, и в ответ

вызвал обидчика на дуэль.

Мелдон добрался до вышки и дал отмашку. Зрители стихли и замерли в ожидании, не забывая, впрочем, ставить сто к одному против Гарба. Альмариан высокомерно предложил гоблину начинать первым.

Шаман неторопливо расстегнул полы своего нового кафтана, сшитого у личного портного Мелдона под заказ и зачарованного самим председателем на пару с Гарбом. Из многочисленных внутренних карманов он извлек склянку с нужным зельем и залпом осушил ее. Горечь бурой маслянистой субстанции заставила желудок подпрыгнуть к горлу. Усилием воли гоблин вернул внутренности на место. Магическая энергия тотчас забурлила в крови, вызывая непреодолимое желание колдовать. Фонтан Дэ, переполняющей тело, стал рваться наружу: Гарб ощутил сильный зуд в подушечках пальцев. Когда эльф устал просто ждать и принялся насмехаться, а зудение достигла пика, шаман сплел самый простой огненный луч и направил его в Альмариана.

Эльфийский маг мгновенно среагировал, профессионально выставив ледяной блок. Луч прожег в блоке малюсенькую дырочку и оставил эльфу небольшой ожог в виде буквы «Г» на правой руке. Альмариан заскрежетал зубами от боли и досады, а поставившие на Гарба зрители разразились аплодисментами. Ответ не заставил себя ждать: ледяная стрела вспорола воздух, но не долетела до гоблинского шамана всего три фута, облачком воспарив над стеной огня.

— А этот дикарь — милашка, — шепнула на правой трибуне одна эльфийка другой. — Я бы с ним познакомилась поближе. Какая жалость, что Аль его сейчас убьет.

— И не говори, подруга, — томно вздохнула вторая, обмахиваясь веером.

Искусственные тропики, созданные пятьсот лет назад стараниями восьми архимагов, избавили эльфов от нужды отапливать город и рубить священные деревья, но порой доставляли определенные неудобства в виде жары и огромного количества кровососущих насекомых, обрадовавшихся внезапному теплу куда больше остроухих. Горожане уже двести лет регулярно носили Мелдону петиции об отмене заклинания, и каждый раз председатель торжественно обещал рассмотреть этот вопрос на следующем заседании Президиума. Потом дело спускалось на тормозах, поскольку архимаги давно покинули не только город, но и этот мир, а как хотя бы ослабить их заклинание, никто не знал.

Гарб тем временем пошептал в лапу, и на ладони появился маленький, но хорошо заметный издали огненный шарик, струящийся синим пламенем. Шаман подержал пламя в лапе, оценивающе посмотрел его на свет, а затем дунул в сторону противника. Альмариан дернулся и лихорадочно начал колдовать. Он сотворил ледяной вихрь, понесшийся навстречу медленно набирающему скорость синему сгустку пламени. Перед самым столкновением шар разделился на три части, две из которых благополучно обошли ураган ледяных осколков справа и слева, а третий растопил весь лед.

Оставшиеся шарики с ревом устремились к остроухому, которому пришлось плашмя упасть на землю, чтобы избежать прямого попадания. Под улюлюканье гномов, известный фронт поднялся, продемонстрировав всем посеревший от пыли наряд. Ярость исказила эльфийские черты лица, изрядно попортив дамам впечатление о красавчике. Улюлюканье перешло в хохот, когда обнаружилось, что у эльфа в довершение всех его бед сзади в том месте, где должны сходиться панталоны, зияет огромная прореха.

Пунцовый академик залатал дыру магией и без промедления начал атаку. Воздух вокруг Гарба сгустился незнакомым ему заклинанием. Шаман почувствовал слабость: ноги и руки

похолодели, голова закружилась, стало трудно дышать. Мысли беременными тараканами вяло закрутились вокруг своей оси в поисках способа противодействия.

— Тебе конец, выскочка! — злобно зашипел эльф.

Гарб с усилием поднес лапу к глазам. Конечность посинела и казалась страшно тяжелой. Одна из мыслей наконец узрела лазейку к логическому центру в мозгу и с боем пробила себе туда дорогу.

— Он пытается заморозить мне кровь! — мелькнула догадка и метнулась в центр принятия решений.

Альмариан уже торжествовал победу, а Мелдон приготовился экстренно останавливать бой, чтобы успеть откачать самонадеянного гоблина, как вдруг Гарб зашевелился. У шамана хлынула носом кровь — примененное заклятье справилось с заморозкой, но ловец духов не рассчитал силу, и содержимое артерий едва не закипело. Гоблин мягко осел на землю, но через минуту под аплодисменты зрителей встал, заявив о готовности продолжать. Внутренний голос при поддержке инстинкта самосохранения визжал о необходимости позорно бежать, но Гарб притворился глухим.

Оставался один раунд. В исходе поединка засомневались даже ярые поклонники Альмариана и сторонники превосходства эльфийской расы. Никто не знал, что выкинет на этот раз хитрый гоблин. Гарб не подвел, взорвав под противником маленький вулкан. Если бы на эльфе не было защитных амулетов, одним остроухим стало бы меньше в ту же секунду. А так академик от испуга не придумал ничего лучше, чем переместиться в сторону. Экранировать портал ему не хватило времени, и на выходе поток лавы все же успел ласково лизнуть свою жертву в спину.

Альмариан тяжело рухнул на землю. Даже на большом расстоянии зрители почувствовали приторный запах горелого мяса. Изнеженные эльфийки попадали в обморок, а Мелдон кубарем, что при его комплекции очень тяжело, скатился с судейской вышки и поспешил к неподвижно лежащему коллеге. Гарб добежал первым, вытащил из торбы жезл и поводит им над спиной академика. Затем достал из кармана флакон, сорвал с него крышку и выплеснул густую ядовито-зеленую массу на обугленную спину поверженного противника.

Подоспевший председатель невежливо оттеснил гоблина от коллеги и принялся водить руками, шепча заклинания. На помощь уже неслась целая армия целителей, и Гарб, осознав бессмысленность своего нахождения рядом, поплелся прочь, все еще сжимая в лапах жезл. Он намеревался применить Бир в третьем раунде, если эльф задумает использовать какое-нибудь по-настоящему сверхмощное заклинание, но вышло несколько иначе.

Неожиданно он услышал, как его окликнули по имени. Шаман обернулся, чтобы увидеть пошатывающегося эльфа. Мазь из выделений болотного слизня, вероятно, благотворно сказалась на самочувствии остроухого, хотя лазарет ему точно был необходим.

— Постой, друг, — Альмариану тяжело далось слово «друг», и выдавил он его из себя неохотно. — Я признаю твое превосходство. Спасибо за помощь.

С этими словами он упал на десяток подхвативших его рук и потерял сознание. Гарбу не позволили подойти ближе, и он просто пошел своей дорогой.

Далеко гоблину уйти не удалось. В подтрибунном помещении, которое надо было пересечь на пути к выходу, его остановил незнакомый эльф. На лице остроухого играла широченная улыбка.

— Позвольте выразить вам свое восхищение, мусьё! — попытался обнять шамана

незнакомец.

Гарб молча отстранился и пошел к выходу, но приставучий первородный и не подумал обидеться. Он засеменил следом, что-то радостно восклицая и все время хлопая шамана по плечу. Через три шага Гарбу это надоело:

— Что вам угодно? — резко обернулся он.

— Да так, самую малость, — будто бы засмутился эльф. — Позвольте ваш скипетр!

— Чего? — не сразу понял гоблин.

Чар все еще был зажат у него в ладони. Шаман посмотрел на него, затем перевел взгляд на собеседника и неожиданно догадался, кто перед ним стоит. Осознание пришло слишком поздно: хапуг зарядил Гарбу кастетом в морду, вырвал из слабеющей лапы Быр и дал деру, мерзко хихикая.

Гоблин схватился за разбитый нос и, прислонившись к стене, застонал. Адская боль словно прошла мозг насквозь. Наверное, лежащему в отключке Альмариану было проще, а у Гарба от шока потемнело в глазах. Сознание, правда, никак не желало покидать шамана, но навалившаяся слабость не позволила даже позвать на помощь. Через пару минут в помещение ураганом ворвался минотавр. За ним вбежали Антонио и Михель. Вся троица бросилась к пострадавшему. Тауросу попытался сходу взять малыша на руки, чтобы понести в госпиталь, но Михель отпихнул Каввеля, и остановил кровотечение молитвой.

— Спасибо, — сказал приободренный гоблин. — Надо его догнать!

— Кого его? — спросил Каввель.

— Хапуга! Он украл жезл.

Друзья выскочили на улицу, но негодяя и след простыл. Искать в толпе эльфов замаскированного шпиона бессмысленно. Отличить его от остальных всем, кроме Гарба, было бы сложновато, потому троица вернулась к «отдыхающему» у стены гоблину для составления плана действий. Ловец духов успел оклематься и принялся энергично раздавать поручения. После магического поединка его авторитет вырос настолько, что Каввель скромно уступил лидерство в группе. Гарб этого даже не заметил, сосредоточившись на поимке беглеца. Михеля он послал с весточкой к Мелдону, а Бурбалку к Маусу. Сам же вместе с минотавром поспешил к городским воротам.

Мелдон утверждал, что город можно покинуть, только пройдя через единственный выход. Напичканные ловушками стены убили бы даже самого способного мага за секунду. У ворот друзей встретил гномий караул. Старший смены, завидев заляпанного кровью гоблина, чуть было не приказал его арестовать. Вовремя одуматься его заставил неодобрительный взгляд Каввеля.

— Чем полезен гостям нашего города могу быть? — как можно любезнее поинтересовался поджарый гном в дорогой кирасе и шлеме, из-под которого выбивалась прядь белокурых волос.

Судя по заклепкам на доспехе, чином он был не ниже лейтенанта. Страж тайком проверил, хорошо ли выходит короткий меч из ножен. В отличие от Мауса образование служивого оставляло желать лучшего, и он говорил на всеобщем, строя фразы на гномий манер с глаголами в конце фраз. Позади, чуть ближе к воротам выстроились девять бравых вояк с копьями и алебардами, а сами ворота блокировали два боевых цельнометаллических голема гномьей конструкции. Створки оставались, однако, по-прежнему открытыми. Пространство у самого выхода едва заметно подрагивало, подсказывая опытному наблюдателю, что просто так покинуть город вряд ли получится.

— Тут никто не проходил, выйти наружу не пытался? — задыхаясь после пробежки, выпалил Гарб.

— Никак нет. Кроме вас, никого не было. И вам отойти подальше советую, а то не ровен час...

— Смотрите в оба, сбежавший вор очень опасен и может попытаться перехитрить вас.

— В этом сомневаюсь, — убежденно сказал гном. — Мимо нас мышь не проскочит.

Тем временем один из големов позади шеренги стражников поднял руку, выкованную в форме огромного меча, для замаха.

— Берегись! — крикнул гоблин.

Гномы разом обернулись и слаженно выполнили маневр под названием «ложись!». Меч просвистел поверх их голов, но не остановился и, сменив траекторию, понесся обратно в сторону лежащих коротышек. Гномы, однако, недаром славятся дисциплиной и выучкой. Раз — и меч со звоном упал на пустую мостовую. Два — бойцы каучуковыми мячиками подпрыгнули и приземлились на ноги. Три — и лейтенант активировал второго голема. Оружие взбесившейся машины еще поднималось, а голова уже катилась по булыжникам, снесенная могучим ударом более послушного агрегата.

— Данке, — пробормотал благодарность лейтенант, адресуя ее Гарбу. — Что же с ним могло приключиться?

Гном выглядел донельзя озадаченным. Рядовые с трудом оттащили корпус «обезбашенного» голема подальше. Между тем, второй гном повторил действия первого с тем же результатом. На этот раз причиной поломки машины стал топор Каввеля. Лейтенант пришел в ярость. Он ругался на цвергском, что-то доказывал подчиненным, а те растерянно оправдывались, показывая друг на друга, скорее всего пытаясь переложить вину на соседа по шеренге. Наконец присутствие чужаков слегка отрезвило коротышку.

— Меня простить прошу, — сказал он. — Вы представления не имеете, каково порядочному гному видеть, как его техника на глазах у представителей другой расы из строя выходит. Это позор.

— Ничего страшного, — попытался успокоить его Каввель.

— Ничего страшного? — взорвался лейтенант. — Да вы хоть понятие имеете, какая у этих големов система защиты есть? Такого просто не может быть!

Пока гном брызгал слюной, а внимание остальных было приковано к нему, мерцание в воротном проеме усилилось. Затем пелена разорвалась, пропустив наружу невидимый человекообразный объект. Выход дался гуманоидной фигуре с трудом. По мере ее медленного продвижения вперед, хапуг стал обретать видимость. В победно вскинутых руках лже-эльфа красовались два почти одинаковых жезла.

Каввель, стоящий мордой к воротам, первым увидел происходящее. Он рванулся вперед, но магическая завеса заискрила и отшвырнула обратно бросившегося в нее минотавра. Моротар успел полностью выйти за пределы городских стен, прежде чем Каввель спикировал на мостовую и тяжело рухнул рядом с им же раскуроченным корпусом голема.

— Бесполезно, — тихо произнес лейтенант, обреченно глядя вслед убегающему преступнику. — Только отключение всех систем пройти через ворота позволяет, и только из кабинета барона фон Кляйне это возможно сделать.

Лица на гноме не было. Видимо, он уже представлял, какое взыскание наложит на него Маус. Гарб помог Каввелю подняться и счел за благо увести друга подальше. По пути к Академии гоблин пытался сообразить, как же так вышло. Со щелчком в мозгу все встало на

свои места: два жезла в присутствии друг друга обретают исключительные свойства, превосходящие их изначальный потенциал. Сбежавший хапуг об этом каким-то образом догадался. Под заклятием невидимости он вывел из строя големов, отвлекая охрану, а сам прошмыгнул за ворота. Он бы вообще ушел незамеченным, если бы не присутствие Гарба с Каввелем. Но почему хапуг не стал ждать, пока все не успокоится, чтобы просто тихо исчезнуть из города? Непонятно.

*Ду, ду хаст михь! Бу, бухать бушь?
Гномья народная песня о любви к пиву*

Михель и Бурбалка появились с докладом почти одновременно: Мелдон с Маусом собрали экстренное совещание Президиума и сейчас что-то активно обсуждали. С гостями делиться ходом дебатов никто, видимо, не собирався, и людей на совещание не пустили.

— Что будем дальше делать? — спросил Бурбалка.

— Из города нам не выбраться, — ответил Гарб. — Каввель уже имел неосторожность убедиться в болезненности попыток. Остается ждать, пока академики насовещаются вдоволь, чтобы потом просить их отключить периметр.

— Но он же уйдет! Они там, говорят, часа на три засели! — возмутился Михель.

— Есть предложения? — не скрывая горькой иронии, поинтересовался гоблин. — Валяй, выкладывай.

— У меня есть! — заявил Антонио. — Я могу сгонять за ограду сам, и можно попробовать проделать то же самое с вами.

Все удивленно уставились на компаньона.

— Ты за борт выпал, юнга? — осторожно поинтересовался Каввель.

— Разок было, а че? — не понял вопроса бывший призрак.

— Просто думаю, не ударялся ли ты в падении головой. У тебя там все в порядке? Тебе же говорят — невозможно!

— Я уже так делал, в смысле уходил за стену и возвращался.

— Да, и каким же образом? — внимательно посмотрел на него Гарб.

Антонио довольно усмехнулся.

— Открывал портал здесь, а его выход ставил за воротами. Все просто.

— Не может такого быть! — подбоченился шаман. — Я исследовал стены и ворота, они не пропустят телепортирующуюся массу. К тому же у тебя силенок-то хватит?

— А я и не кидал прямой портал за стену, — прищурился Бурбалка. — Так, конечно, стена попросту прервет канал. Мой телепорт ведет сначала в шеольный мир, а затем уже на Лумею в нужную точку. Только проходить надо быстро: в Шеоле ворота очень быстро закрываются. А силенок хватит. Я на всякий случай у эльфов прихватил еще пару безделушек на память — как раз для такой оказии сгодятся, если че.

— Ну, ты гений! — с восхищением протянул Каввель.

— Портал прямиком в другой мир? — недоверчиво переспросил ловец духов. — То есть, перемещение материального тела, а не духа? Это уму непостижимо! Я думал, на такое способны только боги.

Спокойно стоящий до этого Михель аж подскочил.

— Шеол?! — с жаром воскликнул он. — Обиталище неприкаянных душ, почти адское место. Нас там может подстергать опасность.

Гарб заверил монаха, что бывал в шеольном мире сотни раз, и ничего плохого не случилось. Монах еще некоторое время побурчал, но потом согласился последовать за остальными, если таково будет их противоестественное и богомерзкое решение.

Место для прыжка Бурбалка выбрал вдали от посторонних глаз.

— На счет три, — строго сказал он после нудного пятиминутного объяснения, что делать, если они потеряют ориентацию в ином мире и не сразу увидят портал.

— Три! — сразу же крикнул Антонио.

Рядом со стеной в воздухе повисло темное овальное окно высотой в семь футов. Края портала пульсировали кроваво-красным светом, навевая мысли о бьющемся сердце. Внутренняя часть прохода между мирами тоже извивалась, как живая, закручиваясь по часовой стрелке в воронку, уходящую в бесконечность. Воздух с нарастающим свистом начал засасываться внутрь.

— Скорее туда! — скомандовал Бурбалка и первым прыгнул в непроглядную черноту.

За ним последовали остальные. Михель секунду помедлил. Он не желал связываться с чужим миром и преступать заветы ордена. Пришлось напомнить себе, что сам настоятель отправил его с этими чудаками, плюющими на все возможные запреты. В последний момент монах успел влететь в закрывающиеся края.

Створки сомкнулись, удивив одиноко бредущего по пустырю давно небритого гнома с глиняной бутылкой пива в руке. Коротышка увидел только мелькнувшие ноги и последовавшую за этим красную вспышку. Он протер глаза и, не узрев больше ничего достойного внимания, отхлебнул из горлышка, чтобы затем с ворчанием скрыться в чреве большого мусорного бака, служившего ему жилищем.

Первым из портала по ту сторону стены как ошпаренный выскочил Михель. Он последним прыгнул в портал на Лумее, но первым отыскал путь домой. Монах вознес хвалу Вседержителю и осенил себя серповидным знаменем. За ним из окна одновременно вывалились Гарб и Антонио. Оба надрывали животы от хохота, как сумасшедшие. И для Бурбалки, и для шамана такое путешествие в физическом облике произошло впервые, но в отличие от Михеля, им было, с чем сравнивать. Ощущения оказались куда интереснее, чем при перемещении сознания.

— Ты же говорил, что уже делал так! — еле сдерживая смешки, укорил компаньона Гарб.

— Я соврал, — признался парень. — На самом деле, порталы я открывал, кидал туда камешки, а потом смотрел, как они выпадают из выходного окна.

— А почему сам не испытал?

— Боялся сделать это в одиночку. Я в Шеоле столько лет провел, что брала оторопь, едва я думал о возвращении. Оказалось, не так уж и плохо. Шеол так не тянет силы у живых, как он это делает с духами. А где наш минотавр?

Словно в ответ на его слова поверхность порталного окна пошла рябью, и оттуда в буквальном смысле вылетел Каввель. Пират дрожал как осиновый лист. Из закрывающегося портала ему вслед потянулась призрачная рука, но потом резко втянулась обратно, и края окошка сошлись с тихим хлопком.

— Это она! — дрожащим голосом сказал минотавр, указывая пальцем на место исчезнувшей воронки.

— Кто она? — осторожно уточнил Гарб.

— Тень! — побледневшими губами прошептал пират.

— Знакомого встретил? — осенил его знаменем Михель. — Я же говорил, там опасно.

Мимика полорогого увальня сейчас вызвала бы зависть лучших актеров большого придворного театра в Серебряном чертоге. Минотавр секунд десять прят своим

единственным ухом, будто отгоняя назойливую муху, а потом выдал единственное гневное слово:

— Ты! — указал он на Бурбалку.

— Я?

— Да! Ты сказал, что уничтожил эту тень!

— Ну, мало ли, что я говорил. Я уже не помню.

— Нет! Ты клялся. Эта тварь не должна мне больше угрожать! Слышишь меня? — пиратский капитан тряс топором перед носом у остолбеневшего Антонио.

Казалось, еще минута, и у прославленного капитана начнется истерика.

— Ладно, — осторожно сказал Бурбалка, пытаясь отодвинуть потемневшее лезвие с пробегающими по нему искрами подальше от своего лица. — Больше не полезем в портал без крайней нужды.

— Договорились! — рявкнул удовлетворенный ответом Каввель.

Гробовое молчание сопровождало друзей первый час пути. Первым не выдержал Антонио:

— Откуда мы вообще знаем, куда побежал этот прощелыга? Почему идем в этом направлении?

— Спокойно, коллега, не суетись, — ответил шаман. — Каввель уже давно взял след, а я засек сильный магический отпечаток, оставляемый вором. У него сейчас, кажется, большие проблемы с Дэ. Так сказать, перебой с энергией.

— А если он ведет нас в ловушку?

— Я тоже об этом думал, — сказал Гарб. — Но преследовать его все равно надо, если мы хотим вернуть похищенное имущество. Так что всем быть настороже.

Каввель молча взял «под козырек» и пошел дальше, опережая остальных на добрую сотню футов. Он решил, если уж попадать в ловушку, то одному. Потрясение от столкновения с тенью выбило тауросу из колеи. Что-то до боли знакомое почудилось ему в очертаниях этого существа, и это пугало едва ли не больше, чем все остальное.

Поглощенный такими размышлениями, он не заметил, как за поворотом дороги ступил на хлипкую маскировку на широкой яме и провалился.

— Каввель, ты в порядке? — спросили сверху.

— Кажется, все кости целы, — ответил минотавр, ощупав себя. — Хорошо хоть колья не понатыкали.

— Ахтунг, коммунистен[1]! — раздалось где-то неподалеку.

Спутники оторвались от рукотворного провала в земле, чтобы упереться взглядом в отряд гномов, стоящих на дороге в боевом построении. Строй в стальных латах недобро ощетинился короткими копиями и не сулил чужакам ничего хорошего. Средние ряды усиливали впечатление десятком взведенных самострелов с оптическими прицелами. Позади гномьей роты маячило несколько механизмов, оборудованных катапультами.

— Здравсьте, — почему-то хихикнул Бурбалка.

— И вам того же! — отозвался из-за широкого прямоугольного щита гном с аккуратными седыми бакенбардами, стоящий в вершине клина. — Кто такие? Откуда-куда-зачем? Партизанен? — последнее слово он произнес с нажимом и почти утвердительной интонацией.

— Из Льонаса путь держим, вора ловим, — честно сказал Гарб. — Не повстанцы, не

наемники.

Старший гном подозрительно осмотрел троицу возле ямы.

— В яме кто есть? — спросил он.

— Друг наш, случайно упал.

— Ну, разумеется, он в нашу ловушку случайно попал. Странно ожидать, что кто-то это нарочно решит сделать, — гном вздохнул. — Что нового в Академии есть?

— Господин фон Кляйне находится в добром здравии, если вы об этом, — сообщил Гарб.

— Вы Мауса знаете? — заинтересовался гном. — Меня Мардер зовут, я его брат есть.

Бурбалка аж вытянул шею, пытаясь получше рассмотреть лицо гнома, частично скрытое шлемом.

— А я все понять не могу, на кого похож! — облегченно выдохнул он.

— Да, фамильное сходство — это наше все есть, — подобрел Мардер. — А почему вами гоблин командует?

— Никто никем не командует, — обиделся сразу за всех Михель. — У нас равноправие.

— Альзодох[2], равноправие у них есть, — неодобрительно пожевал торчащий наружу краешек бакенбарды гном. — Я вам, парни, вот что скажу — в отряде нужна дисциплина и жесткая командирская рука, иначе пропадете. Хорошо, по-другому спрошу. Почему у вас в отряде гоблин равные права с остальными имеет?

— То есть наличие у нас минотавра вас не удивляет? — искренне возмутился такому проявлению расизма Гарб.

В Льонасе он успел привыкнуть к хорошему отношению даже со стороны заносчивых лусидов. Поэтому слова Мардера неожиданно больно задели за живое.

Гном аж крикнул от неожиданности:

— В яме настоящий минотавр есть? Воистину, боги сегодня в шутовском настроении есть. Сначала уродца — не то эльф, не то жаба — поймали. Теперь вот минотавр с гоблином в одной компании на равных правах с людьми есть...

— Погодите, вы поймали такого красноглазого парня с острыми овальными ушами, у которого при себе было два жезла?

— Такого и поймали, вещдоки изъяли. Сейчас этот швайне в изоляторе сидит. Чуть троих наших при задержании не покалечил.

— Странно, что только чуть. Обычно хапуги более задиристые, — почесал затылок шаман.

— Он же всю магию растерял, пока выбегал из ворот, — донесся из ямы голос Каввеля. — Этот рыбий корм не только невидимости, но и маскировки, и всего остального лишился, как Мелдон, когда мы его нашли. Меня вытаскивать отсюда кто-нибудь собирается, или вы так и будете стоять и обмениваться подозрениями?

Совместными усилиями минотавра извлекли из ловушки, для чего потребовалось немало возни. Тауросу с его копытами решительно не нравилась идея карабкаться по веревочной лестнице, а от предложенного Бурбалкой портала он отказался категорически. Решили просто по старинке обвязать его веревкой и вытянуть. Совместный физический труд благотворно сказался на отношениях с гномами. Через полчаса все уже сидели возле костра в лагере коротышек, делились новостями и припасами.

Гномы плутали по «проклятому» эльфийскому лесу с самого начала кризиса — уже вторую неделю. Старший Кляйне послал брату почтового голубя с просьбой

незамедлительно явиться в Льонас с сотней крепких ребят, забыв, вероятно, упомянуть подробности. В результате сто гномов после трехдневного ускоренного марша добросовестно пытались продраться через эльфийскую магию на помощь братьям на протяжении целой недели. Когда стало ясно, что лес не собирается выпускать их из своих цепких объятий, Мардер принял волевое решение разбить лагерь и ждать, пока о них не вспомнят.

— Надежда, честно говоря, уже почти растаяла, — подытожил гном. — А тут сначала этот недоэльф, потом вы есть.

Гарб в свою очередь поведал Мардеру о событиях в Льонасе.

— Примирение уже состоялось, — сообщил он. — Теперь надо просто ждать, пока они там догадаются выключить свои отпугиватели и сбиватели. Есть, правда, еще один вариант...

— Если он попадание в город без задержек подразумевает, то я не против есть, — ухватился за слова шамана гном. — Что делать надо?

— Мне понадобятся чары, которые вы конфисковали у пленника.

— Занятные вещички, — сказал Мардер. — Это те, что вор из Академии унес?

— Они самые, только одну он украл у нас, а вторую у господина Кляйне. Я немножко поколдую и локально отменю действие ловушек.

— При всем уважении, — прыснул в кулак гном. — Это технически невыполнимо есть. Ловушки еще в позапрошлом тысячелетии проектировались. Говорят, маги тогда не чета нынешним были.

— А это мы сейчас поглядим, — уверенно возразил Гарб.

Мардер все же принес жезлы. Предводитель гномов не поленился сходить за ними лично. Проходя мимо клетки с плененным хапугом, цверг не удержался и подразнил его. Пленник злобно зыркнул красными глазами, но ничего не сказал.

Вручив чары Гарбу, Мардер выжидающе замер, готовясь либо узреть нечто необычное, либо насладиться фиаско самоуверенного шамана. Гоблин неторопливо взвесил жезлы в лапах, пошептал над ними, сплясал ритуальный танец, спел заунывную песню, потом пожонглировал.

— Долго еще? — не выдержал гном.

— Что? А, так все было готово еще десять минут назад, — с довольной мордой ответил Гарб. — Вы ждали красивых вспышек? Прошу извинений, если разочаровал.

Собравшиеся вокруг бойцы Мардера поскладывались пополам от хохота. Так над их суровым командиром еще никто не подшучивал. Над вытянутой физиономией младшего Кляйне посмеялся даже обычно невеселый Михель. Сам Мардер насупился, хотя тоже издал пару звуков, которые могли бы сойти за сдавленные смешки.

— На самом деле, эти штуки гораздо мощнее, чем я предполагал, — сказал шаман, когда все отсмеялись. — Боюсь, я немного перестарался и временно отключил вообще всю магию в радиусе десяти миль.

Гномы обернулись и посмотрели на свои механизмы. Те стояли недвижимо. Магия, приводящая их в движение, ушла, превратив боевые машины в груды бесполезного железа. Коротышки пришли в ужас. Более-менее совладал с собой лишь Мардер.

— Можно все как было вернуть? — спросил он.

— Боюсь, что я пока не умею, — признался гоблин. — Магия потом сама вернется.

— Нам нужно немедленно в Льонас попасть. Вы с нами идете, и это не обсуждается.

Если потребуется, я вас силой поведу! — сказал старый гном, сильно помрачнев.

— Мы пойдем сами, — заверил его Гарб. — У нас там друг в городском лазарете.

На том и порешили, хотя всю дорогу до городских стен, гномы «гнали» путников перед собой, цепью растянувшись на всю ширину дороги и не оставляя ни малейшей лазейки, через которую кто-то мог бы улизнуть. Пленного хапуга несли прямо в клетке, предупредив, что ему не поздоровится, если он вздумает выкинуть какой-нибудь фокус. Пленник, впрочем, то ли смирился со своей участью, то ли не видел способа сбежать, но вел себя на редкость смирно. На вопросы он, правда, отвечать тоже отказался. Мардер пообещал по такому случаю развязать ему язык попозже в более подходящей обстановке.

[1] Внимание, обнаружен противник! (гном.)

[2] Надо же (гном.)

Исследователи с древнейших времен спорят, как правильно называть верхние конечности гоблинов — лапы или все-таки руки. К единому мнению пока так и не пришли.

Энциклопедия разумных видов

Льонас встретил гостей гулом рассерженного улья. За ворота высыпало почти все мужское население. Оружия на всех не хватило, поэтому некоторые эльфы держали в руках даже кочерги, ухваты и метлы. Часть судорожно сжимала луки, шпаги и копья, но таких насчитывалось меньшинство. Зато все гномы блистали сталью доспехов и презрительно поглядывали на растерянных лусидов.

Во главе комитета по встрече стояли Маус и Мелдон. Главы Академии о чем-то препирались, и гном, судя по всему, одерживал в споре верх: в отсутствие магии маркиз чувствовал себя беззащитным и растерял изрядную долю уверенности.

Старший Кляйне первым увидел, что вновь прибывшие не представляют опасности, и скомандовал отбой. Ополчение разбрелось по домам. Гномы Мардера неторопливо принялись разбивать лагерь прямо напротив ворот. Их командир бросился навстречу брату, едва не затоптав при этом идущего впереди Каввеля. Родственники крепко обнялись и пожали друг другу руки.

— Как ты, малыш? — спросил младший старшего.

Маус действительно оказался на голову ниже своего родственника, и последний имел все основания называть брата таким прозвищем.

— Плохо, крепыш, плохо, — грустно ответил Маус. — Магия пропала, и мы не можем найти этому объяснение.

— Я знаю, братец, мы поэтому и смогли к вам попасть. И причину я знаю. Вон она за мной стоит, ножкой шаркает.

Маус посмотрел на Гарба, будто видел того впервые.

— Как это понимать, профессор Гарб?

— Профессор? — хором удивились компаньоны.

— Ах да, вы же не знаете, — извиняющимся тоном произнес де Баранбас, переминаясь с ноги на ногу. — Мы посоветовались и пришли к выводу, что, раз уж в Академии появилось вакантное место, надо его кем-то занять. Гарб доказал всем состоятельность исследований его покойного соавтора, и мы присвоили обоим профессорские звания. Соавтору посмертно, а Гарбу прижизненно. Первый гоблин в Академии, однако. Но я повторю вопрос своего коллеги, как понимать исчезновение магии, и какое вы имеете к этому отношение?

— Да! — поддержал коллегу Маус. — Все защитные сооружения к чертям полетели! Я уж молчу про големов — там теперь ремонта на сотни золотых. На эльфов, опять же, все запасы успокоительного перевели. У меня такие траты в бюджете не предусмотрены!

С пальмы, под которой стояла вся группа, на голову Мелдону упал пожелтевший лист. Он пожухлой тряпочкой замер на секунду и с порывом ледяного ветра сорвался и полетел в сторону Торкиля. Лусид вздрогнул и стал затравленно озираться по сторонам.

— Вот! Что я говорил! — вскричал барон.

— Видите ли, — начал шаман, — Я случайно обнаружил, что амплитуда антимагических колебаний обоих жезлов находится в обратно пропорциональной

зависимости от расстояния между ними. Вступая в непосредственный контакт, они, будучи поощрены к этому особым направленным заклинанием, резонируют, вызывая сильнейший гасящий импульс, приводящий к подавлению магической активности в радиусе, определяемом вектором и мощностью применяемой волшебной силы. Также у меня есть гипотеза, что сила и радиус воздействия чаров зависят от личностных качеств субъекта, направляющего заклинание, потому что хапугу не удалось добиться столь же мощного редуцирующего эффекта.

— Что он сейчас сказал? — непонимающе спросил Мардер у Мауса.

В отличие от брата, старший Кляйне понял все и выглядел крайне взволнованным. У Мелдона вообще начался нервный тик.

— Он сказал, что у него в руках оружие, способное разрушить мир, каким мы его знаем, и пока только он один может им правильно пользоваться, — угрюмо промолвил низкорослый гном. — Нужно как можно скорее уничтожить эти предметы, пока они не натворили новых бед.

— Э, уважаемый! — вмешался Антонио. — Это ваще-та наша собственность!

— Мне самому нелегко принимать такое решение, но вы должны понимать, какую опасность представляют эти безделушки. Я бы с удовольствием их исследовал, понаделал бы кучу полезных механизмов с их помощью. Но, зная, на что они способны... нет! Ни в коем случае. Вам придется смириться.

— Господин Кляйне, вы не понимаете, — твердо сказал шаман. — Это вовсе не безделушки. Это божественные творения!

— Слушайте гоблина, — услышали все голос, идущий от клетки с хапугом. — Он дело говорит. Быры уничтожать нельзя, а то всем плохо будет. Да вы и не сможете.

Мардер разочарованно повернулся к пленнику. В его глазах отразилась бездна сожаления, для выражения которой пожилой гном с большим трудом подобрал приличные слова.

— Вор до общения со следствием снизошел? — огорчился он. — Значит, пытки не нужны? Жаль. Очень, очень жаль.

— Не Быры, а Биры! — поправил Моротара Гарб. — Три ночи назад мне вновь было видение, и богиня подтвердила, что это они. Биры — части посоха Бирканитры. Нам надо срочно их собрать воедино.

— Врешь! — Моротар заревел из клетки так, будто его огрели кнутом по спине.

— Что, правда не нравится? — улыбнулся Гарб. — Бирканитра рассказала мне все. И как ее подлый братец сковал ее, и как посох у нее отобрал, и как племя ваше обманул. Быр-Хапуг даже обломки посоха назвал в свою честь Бырами, а не Бирами. Он вам, наверное даже сказал, что это он создал посох, но враги его украли и спрятали?

— Вранье! Неправда! — как резаный, верещал хапуг, стучась при этом головой о прутья решетки.

Изо рта пленника пошла пена.

— Что это с ним? — спросил Каввель, нахмутив густые черные брови. — На боевую ярость непохоже.

— Религиозный фанатик, — пояснил Гарб. — Любая мысль, противоречащая его догмам, вызывает у него агрессию или истерику.

— И все же, я настаиваю на уничтожении этих опасных штукенций, — напомнил о себе Маус.

— Подожди, — бесцветным голосом возразил ему Мелдон.

У маркиза тряслись руки, и он постоянно облизывал пересохшие и потрескавшиеся губы.

— Мы должны помочь собрать этот проклятый посох.

— Не понял! — возопил гном. — Я ради кого стараюсь вообще? Мне напомнить, кто из нас без магии и ста лет не протянет?

— Очень трогательно, благодарю за заботу, Маус. Но наш новый коллега прав. Если мы действительно имеем дело с частями посоха богини гоблинов, его нужно восстановить.

— Вы бредите, коллега, от отсутствия магии. Еще бы, такой стресс. Сходите в лазарет, там вам дадут хорошее снадобье...

— Я не брежу, — умоляюще произнес Мелдон. — Послушай, Маус... друг мой. Это важно!

Никогда прежде ни один эльф не называл гнома другом, и это слово произвело на фон Кляйне сильное впечатление.

— Хорошо, гут! Гут! Я слушаю, — цверг согласился, как обычно соглашаются со смертельно больным — лишь бы тот не капризничал.

Мелдон торопливо заговорил, будто боялся, что его вот-вот прервут, и он упустит нить — самое главное, и забудет это озвучить. Остальные сгрудились возле него. Станный душевный порыв заставил их внимательно слушать этого лусида, обладавшего знанием, от которого зависела их дальнейшая судьба.

— Мой прапрадед участвовал в штурме цитадели хапугов в девятьсот восемьдесят третьем году от Исхода.

Бурбалка присвистнул:

— Ого, это ж семь тыщ лет прошло!

— Я знал, что эльфы живут долго, но чтобы настолько... — пробормотал Каввель.

— Не перебивайте меня, сильвупле, — затараторил де Баранбас. — Да, мы живем по полторы тысячи лет, а потом добровольно покидаем этот мир, устав от его красот. Мне сейчас только четыреста восемнадцать. Так вот, мой прапрадед Бруинэтиэльль в числе первых ворвался в тронный зал. Он был изранен, но дрался как лев. От его руки пало немало врагов. Среди них был советник короля хапугов. Не помню, как его звали, да и неважно это. Важно то, что Бруинэтиэльль выхватил из мерзких лап этого существа драгоценнейший из свитков. В нем содержалась краткая история племени, и кое-какие размышления по поводу роли гоблинов во вселенной. Мой предок был ученым, как и я. Он расшифровал примитивную письменность хапугов...

Моротар от возмущения едва не разогнул прутья клетки и заорал, что есть мочи:

— Сам ты примитивный!

Мелдон демонстративно проигнорировал слова хапуга, злобно зыркающего красными глазами.

— ...и узнал любопытные факты, — продолжил академик. — В числе прочего там говорилось, что до Исхода у гоблинов в пантеоне было всего двое богов — брат и сестра.

— Бирканитра и Быр-Хапуг, — благоговейно прошептал Гарб.

— Именно, мой юный друг! — подтвердил его слова эльф. — Сестра занимала главенствующее положение, а брат был у нее на побегушках. Разумеется, Быр-Хапугу такое положение дел не нравилось. В процессе Исхода он каким-то образом пленил сестру, лишив ее силы, заключенной в могущественном чаре — посохе. Злобный братец разделил посох на

четыре части и спрятал в разных частях нового мира. Без посоха у Бирканитры не было ни единого шанса освободиться. Сам злой бог регулярно навещался в место заключения сестры, чтобы усилить источник, питающий заклинание, а заодно поиздеваться над ней.

— Какое отношение эта сказочка имеет к нам? — спросил Маус.

Мелдон зажмурился, словно отгоняя таким способом бранное слово, грозившее сорваться с языка.

— Самое прямое, коллега. Лет через триста после Исхода, Быр-Хапуг потерпел сокрушительное поражение от Триединого. Его воплощение сгорело в очищающем пламени, а мятущийся дух куда-то сгинул. Оставшиеся без богов гоблины стали поклоняться духам предков и одичали. Лишь хапуги не отвернулись от своего творца, за что и были награждены через несколько сотен лет.

Маус в отчаянии закатил глаза. Маркиз, видя нетерпение гнома, затараторил еще быстрее.

— Быр-Хапуг явился племени. Он узнал, что посох способен восстановить его оболочку, и теперь дело оставалось за малым — найти пропавшие части, собрать их вместе и вернуть воплощение к жизни. Явление злого бога непосредственно предшествовало войне с лусидами. В записях сказано, будто Быр-хапуг повелел своим подданным искать части чара, а чтобы облегчить поиски, наделил их небывалой волшебной силой и властью над мертвыми. Также он внушил им мысль, будто раса гоблинов способна скрещиваться с эльфами. Безумие, конечно, но хапуги поверили и принялись красть эльфийских женщин по всей Лумее. Наши предки не могли стерпеть такое и пошли на них войной.

— И? — спросил Маус, после таких пикантных подробностей наконец проявивший подобие интереса к рассказу коллеги. — Я все равно считаю, что этот чар должен быть разрушен. Неважно, по частям или целиком. Нет Биров — нет и проблемы.

— Ты не понял сути! Бирканитра была доброй богиней. Восстановив ее посох, можно вернуть ей силы, если найти темницу.

— И что? — продолжал упорствовать гном.

— Маус, мать твоя гномиха! — не выдержал Мелдон. — Ты еще не понял? Если вернуть богиню гоблинам, она примется делать из них нормальных цивилизованных существ. Мы избавим Лумею от проблемы гоблинских нашествий раз и навсегда! Не в обиду Гарбу, но он редкий алмаз среди кучи навоза. Притом он скорее единственный алмаз на всю кучу.

— Я польщен, — скромно сказал гoblin. — У нас сравнение с навозной кучей считается комплиментом. Навоз — это топливо и иногда еда.

Мелдон позеленел, но сдержался. Гном подвиг эльфа повторить не смог и расхохотался при виде реакции остроухого.

— Ладно, цивилизовывать гоблинов — святое дело для каждого гнома, — задумчиво изрек Маус, отсмеявшись. — Допустим, мы даже собрали посох, как будем искать темницу этой Нитры? И как убереем его от хапуг?

— За поиском тюрьмы дело не станет, — весело заявил Гарб. — Сложнее будет найти две недостающие части посоха.

— А хапуги?

— Что хапуги? — потряс секирой Каввель. — Мы их уже бивали.

— И сколько хапуг вам уже удалось победить? — вкрадчиво поинтересовался Маус.

В его голосе читался намек на продолжение вопроса.

— Этот второй, — честно признался Гарб.

— О том и речь, — довольно кивнул гном. — А если их будет не меньше сотни? А если тысяча?

— Тысяча хапугов? — усомнился Мелдон. — Мои предки их все-таки истребили.

— Семь тысяч лет прошло, коллега, — издевательским тоном произнес Маус. — За столько лет даже два уцелевших гоблина способны наплодить не одну тысячу потомков. Это ж не эльфы, у которых дети раз в пятьсот лет рождаются! А если при штурме цитадели выжило не две особи, а четыре или сорок?

Все умолкли, пытаясь обдумать услышанное. Мысль казалась жутковатой.

— Слышишь, Моротар или как там тебя? Большая у вас армия есть? — задал пленнику вопрос Мардер.

— Нам несть числа и имя нам легион, — напыщенно ответил хапуг. — Скоро повелитель всех вас обратит в рабство.

— О, что я говорил! — подхватил его слова Маус. — Эдак нам тоже понадобится армия, чтобы от них отбиться. А чем прикажете оплачивать накладные расходы?

— Если порождение тьмы в клетке сказало правду, нам скоро понадобится не одна армия, а объединенные силы всех окрестных земель, — заявил Михель. — И помощь Старого ордена тоже пригодится. Может быть, даже придется звать храмовников, но их услуги стоят больших денег.

Слова обычно молчаливого монаха прозвучали как-то слишком неожиданно, чтобы не посеять зерна сомнения даже в голове у оптимистично настроенного минотавра.

— Он что-то там бормотал насчет повелителя, — напомнил Гарб. — Что там за повелитель? Может, и про племя свое расскажешь? Вдруг мы добровольно вам присягнем?

Моротар, видимо, обрадованный возможностью прочитать будущим рабам лекцию на тему «Хапуги — пупы вселенной», встал в театральную позу посреди клетки и принялся вещать. Благодарные слушатели внимали с нескрываемым презрением, которое лектор и не подумал принять на свой счет.

По версии рассказчика выходило, будто давным-давно именно гоблины стали первой разумной расой, появившейся на свет. Вторыми пришли эльфы, а за ними уже вся остальная шелупонь полезла. Быр-Хапуг — великий прародитель всех гоблинов — вел племена на Лумею во времена великого Исхода. Однако на него напали и сломали его посох. Погоревал бог, но сильно не расстроился, так как могуч был непомерно даже без чаров. Избрал Быр-Хапуг племя хапугов своим оплотом на Лумее и повелел им плодиться, размножаться, а потом взять и завоевать все остальные племена и покончить с еретическим культом своей сестры Бирканитры, которая проповедовала матриархат и прочее мракобесие вроде любви к ближнему и сострадания. Потом Быр-Хапуг обещал отдать своим детям всю Лумею в безраздельное владение.

Подлые эльфы узнали о планах Бога, и натравили на него своих лже-божков. В неравной схватке против десяти противников бог хапугов лишился воплощения. А затем явились гадкие лусиды во множестве великом и устроили резню в племени. Спасти удалось немногим. Зато в числе спасенных оказался Сконм — верховный жрец Быр-Хапуга и самый могучий из гоблинов. Он единственный, кто умел общаться с божественным духом. Сконм и основал династию повелителей. Теперь племя окрепло настолько, что готово отомстить эльфам, а остальных просто жестоко завоевать и милостиво обратить в рабство.

— Теперь, когда вы все знаете, освободите меня из клетки, рабы, и я позволю вам

лобызать мои ноги, моля о прощении. Тогда я попрошу повелителя всех вас не казнить и отдать именно мне. Я буду добрым господином.

Моротар закончил монолог и с видом победителя сверху вниз посмотрел на слушателей.

— А как же женщины моего народа? Что вы с ними делали? — задал мучающий его вопрос Мелдон.

— Знамо чего, — заржал хапуг. — Род продолжали. Они так смешно извиваются и кричат, а потом рожают вполне здоровых детишек. У меня уже двое наследников есть, — похвастался Моротар. — Эльфийская кровь хороша! Здоровье, долголетие, магические способности, опять же... Мы бы, конечно, не стали скрещиваться с неполноценной расой, но на этом настоял наш бог.

— Ах ты гаденыш! — побелевший Мелдон бросился к клетке, явно намереваясь свернуть хапугу шею голыми руками — в отсутствие магии другого оружия при себе у главы Академии не было.

Моротар, вероятно, ждал немного другой реакции на свой монолог, потому что с визгом забился в угол клетки. Маус с братом оттащили взбешенного эльфа.

— Ну, будет уже, майн фройнд! — успокаивал барон коллегу. — Нам с ними воевать, еще оторвешься.

— Пусти! — извивался ужом Мелдон. — Это они похитили Аранель!

Разбушевавшегося председателя в итоге пришлось утихомиривать всей компанией. Гарб достал из торбы веревки с кляпом, но даже связанный по рукам и ногам с заткнутым ртом Мелдон продолжал яростно извиваться и свирепо мычать. Шаман плюнул и наложил на эльфа заклятие паралича. Как оказалось, на мага, применяющего Биры, их сила не действует.

Хапуга увели в городские казематы. Мардер все-таки выклянчил у брата разрешение применить к задержанному «методы усиленного убеждения» на случай, если тот поделился не всем, что знал. Мелдона осторожно перенесли в лазарет и привязали к кровати во избежание нежелательных последствий. На соседней койке лежал Аггрх. Почти сразу после «отключения» магии, орк пришел в себя и потребовал еды, питья и симпатичную сиделку. Зеленокожий явно шел на поправку и с большим удовольствием выслушал последние новости.

Когда Гарб рассказал ему про успешную защиту трактата Рэкса, воин даже пустил слезу. Рассказ про магический поединок вызвал скрежетание зубами, а повторное появление хапуга — клятвенные заверения в его скорой кончине.

— Ладно, выздоравливай, дружище! — пожелал орку Гарб.

Выходя, он взглянул на неподвижно лежащего эльфа. Взгляд у Мелдона был пустой, глаза смотрели в потолок, а губы беззвучно шевелились. Шаман сочувственно покачал головой, сокрушаясь, что не в силах ничем помочь.

В Эльфийском пантеоне насчитывается двенадцать божеств, из которых старшими считаются Троединый Меториэль и его жена Айенельдиэль, тоже Троединая. Оба являются смертным, чередуя свои воплощения, за что и получили такие прозвища.

Магия вернулась на следующий день. Эльфы на радостях устроили праздник, разукрасив весь город наколдованными на скорую руку флагами и воздушными шариками. Гномы присоединились к торжествам только после того, как отремонтировали всю вышедшую из строя технику. Защитный контур тоже восстановили, а «отпугиватель» и «сбивающий с пути» отключили за ненадобностью.

Гуляния продолжались до ночи. Тем временем Гарб с помощью зелий окончательно поставил на ноги Агррха, и друзья начали спешно собираться в путь: нужно было найти третью часть посоха. Орк знал, где ее искать, и собирался показать дорогу.

Спешить их заставили сведения, полученные Мардером от Моротара.

— Этот швайне сказал, что его повелитель Сконм лучших разведчиков и охотников за разными частями чара послал.

Судя по добытым сведениям, методы убеждения гнома оказались на редкость эффективными. Шпионы вроде Моротара проникали всюду, где имелся хоть малейший след Биров. Насколько далеко зашли поиски, Моротар не знал, но предположил, что как минимум один Бир уже вполне мог попасть в лапы Сконма.

— Надо спасти хотя бы третью часть посоха, — сказал Гарб на совещании с компаньонами и Маусом. — Потом, я надеюсь, с ее помощью будет легче добыть последнюю, даже если придется воевать.

— Давайте я с вами пошлю ребят Мардера? — предложил фон Кляйне. — С таким эскортом вам ничего не страшно, и биры эти ваши будут в порядке.

— Нет уж, — решительно воспротивился Агррх. — Маленький мобильный отряд куда незаметнее целой неповоротливой армии. Без големов и катапульт ваши гномы, при всем уважении, бойцы неважные, а с ними идти будем долго и шумно. Большой отряд еще и кормить нужно. Вы денег на это дадите? И, наконец, если нас выследят и окружат превосходящими силами, произойдет катастрофа. А нас непременно выследят.

В конце концов гном сдался, не сумев противопоставить чистой логике ничего, кроме своих опасений.

— Ладно, — нерешительно кивнул Маус. — Может, тогда хотя бы оставите мне один Бир в Льонасе? Я бы его пока поизучал немножечко.

На этот раз протестовать начал Гарб. Делал он это так решительно, что даже сам себе удивился.

— Нет! — вскрикнул он излишне громко.

На мордочке шамана появилось страдальческое выражение.

— Извините, но... не могу, — добавил гоблин, слегка запинаясь. — Во мне что-то прям... противится этому. К тому же чем больше частей у меня будет с собой, тем более сильное заклинание я смогу применить, чтобы отбиться от врагов.

В ловце духов медленно начал пробуждаться фанатичный слугитель Бирканитры, хотя он еще не в полной мере отдавал себе в этом отчет. Даже малейшее движение в сторону

торбы с чарами вызывало у новоявленного жреца неприкрытую агрессию. Он после каждого раза долго извинялся, но поделаться с собой ничего не мог.

Волшебную сумку Гарб забрал в единоличное пользование еще после дуэли с Альмарианом, и никто не решался завести с ним разговор про то, что вещица вообще-то принадлежит Каввелю, а внутри находятся и другие, кроме Биров, пожитки.

Перед самым отправлением пришла неожиданная и не очень радостная весть.

— А, вот вы где есть! — заглянул в кабинет Мардер. — У меня проблема есть. Дыба сломалась.

— Только одна? — осторожно поинтересовался Маус. — По твоему лицу мне показалось, что есть не меньше трех проблем.

Он знал брата слишком хорошо. Если тот заговорил об испорченном имуществе, значит, будет продолжение.

— Ты прав есть, — кивнул младший фон Кляйне. — Дыба вместе с задержанным сгорела.

— Продолжай, — упавшим голосом подбодрил брата Маус.

— Хапугу капуг. Этот ваш больной эльф его сжег и дыбу мне испортил. Она новенькая совсем была! Я буквально на минутку по нужде отлучился, а когда вернулся, только пепел нашел. Дыбу очень жалко.

Из пленника к тому времени удалось добыть все более-менее интересные сведения, так что пользы от него все равно уже не было. Сам безумный эльф бежал из города, а охрана ворот пропустила его без лишних вопросов, поскольку их никто не предупредил, что глава Академии свихнулся. На его поиски отрядили нескольких вернувшихся патрульных следопытов, но особых иллюзий по поводу поимки опасного беглеца живьем никто не питал — слишком уж могущественным чародеем был маркиз.

Отряд выступил под покровом ночи, когда пьяные горожане расползлись по домам. Никто не должен был видеть, куда отправились искатели приключений. Никто, в общем-то, особо и не интересовался. Если в городе и прятались другие шпионы хапуг, то они никак себя не проявили. В отсутствие мешающих ориентированию гномьих изобретений Агррх легко вывел компанию из зоны ответственности следопытов и уверенно направился на север, словно повинувшись внутреннему компасу.

Двигались по ночам, избегая больших дорог и дневного света. Людям и минотавру, видевшим в темноте значительно хуже орка и гоблина, путешествие давалось тяжело, но они почти не жаловались. Лишь изредка в ночной тиши раздавалось сдавленное проклятье, иногда сопровождаемое звуком падения тела.

Костры не разводили, питаясь припасами из котомки. Кое-кто в отряде, конечно, считал такие меры предосторожности излишними, но перечить противоположному мнению Гарба и Агррха не пожелал даже Каввель.

Как-то Бурбалка поинтересовался, далеко ли осталось идти. Агррх в ответ посетовал на отсутствие лошадей, которые пугались минотавра, из-за чего их и не взяли из конюшен Академии. Вопрос так и остался без ответа, хотя Антонио начал смутно подозревать, что ногам предстоит поработать на совесть.

Вот уже четвертый день отряд продирался через ельник. Антонио недоумевал, как лошади могли бы пригодиться в таком непролазном лесу, если, конечно, не пускать их на мясо. Огромные деревья макушками царапали небо, скрывая от путешественников своими

густыми черными лапами любые намеки на солнечный свет. В этом елям с большим удовольствием помогали тяжелые грозовые тучи. Ветер с радостным воем гонял их над головами путников, периодически выжимая облака досуха и проливая вниз озера воды.

Аггрх пару раз карабкался на деревья, спускался, поплотнее заворачивался в кожаный плащ и молча шел дальше. Меры безопасности, он, однако, разрешил ослабить — идти стали днем, поскольку все равно видно ничего не было. Атмосфера путешествия начинала тяготить всех без исключения, и Антонио с Михелем уже были готовы предъявить ультиматум по поводу разведения костра, когда между деревьями наметился просвет, а в отдалении послышался странный гул.

Компаньоны вышли на небольшое плато. Шагов через сто глазам путешественников открылась величественная картина: с трехсотфутовой высоты со скалы низвергался водопад. Огромная радуга разноцветной аркой перекинулась с одного берега широченного водного потока на другой, стыдливо пряча свои края за лесом. Плато располагалось чуть сбоку от места падения воды. Река протекала примерно в ста пятидесяти футах над головами, вызывая трепет перед возможностями Создателя, способного творить такие чудеса, и преклонение перед его художественными талантами.

— Да, в такие моменты хочется жить, — восхитился Михель, большую часть жизни проведший либо в городе, либо в обители монахов.

— Это что, вот я помню на Мелканских островах... — начал Каввель и осекся, замороженный не меньше Михеля.

Водопад был пусть и не самым высоким, из виденных минотавром, зато точно самым широким. Полоса падающей воды, казалось, простиралась бесконечно далеко, и лишь вдали смутно угадывался ее край, скрытый водяной пылью.

— Здесь находится заброшенное святилище Триединых, — пояснил Аггрх. — Нам туда! — указал он наверх.

Все задрали головы и увидели почти у самой вершины отвесной скалы вход в полуразрушенный храм эльфийской архитектуры начала четвертого тысячелетия. С такого расстояния точно датировать постройку не вызвался бы даже Гарб, но он знал, что примерно в это время эльфы вдруг перестали строить новые святилища и даже забросили часть старых. Осталось сопоставить и сделать вывод.

— И как мы туда попадем? — спросил Каввель, нервно топая копытом. — Гарб, ты как насчет левитации? В портал не полезу.

— Не надо порталов, — ухмыльнулся Аггрх. — Апре ну ле делуж! — торжественно произнес он загадочную фразу на старозельфийском.

Кусок стены плавно отодвинулся в сторону, открывая за собой прочную на вид лестницу из красного порфира.

— После вас, — блеснул Антонио знанием этикета.

— А тебя первым никто и не пустит, — не остался в долгу Аггрх. — Знаю я твои загребушие ручонки. Там мой тайник.

Орк первым вошел в проход, нажал на что-то на стене, и яркий желтый свет, льющийся из одинаковых по размеру сфер на потолке, больно резанул путникам по глазам.

— Умели эльфы колдовать, — одобрил освещение Гарб.

— Им могли помогать гномы, — ответил орк. — Хотя, задумка в любом случае хорошая.

Ровно сто одиннадцать ступеней привели к грязно-серым колоннам, за которыми

угадывалась серебристая дверь.

— Почти неразрушимый мифрил, — уважительно пояснил Агррх. — Говорят, его даже расплавить можно только с большим трудом. И при этом он легче пуха. Эх, доспех бы из такого добыть!

— Дворфы как-то плавят, — сказал Гарб, — но никому не продают. Если бы и продали, такой доспех стоил бы, как целое королевство. А здесь должно быть столько паутины?

Орк побледнел. Его рука как-то странно дернулась к оружию, а сам он начал пристально вглядываться в то, что издали сливалось по цвету с дверями.

Пространство между колоннами действительно оказалось затянуто многослойной паутиной сетью. Какие бы существа тут ни похозяйничали, но сработали они добротнo — меч орка с противным «чвяк» вошел в гущу паучьей работы, и застрял. Сеть оказалась качественной и меч не выпустила. Дергать его изо всех сил, находясь в двух шагах от края глубокого ущелья, Агррх посчитал неразумным и беспомощно оглянулся на гоблина.

— Дай-ка я, — понятливо пришел на помощь Гарб.

Он вызвал огонек, скользнувший с его ладони на паутину. Пламя с веселым потрескиванием оставило от преграды только горелые следы на колоннах. Даже не нагретый меч выпал из ловушки прямиком в подставленную руку владельца.

— Спасибо, — сказал Агррх. — Пошли выясним, какие твари тут так здорово потрудились.

— Арахнеа Апостата, — услужливо подсказал Бурбалка. — Паук-отступник. Только одна зверюга плетет такую огромную паутину. Выяснить ничего не надо. Надо просто убить, пока нас не запасли на зиму для детишек. Эти пауки ведут свой род от демонов, поэтому такие крупные. А еще они известны своей ядовитостью и способностью самок размножаться без участия противоположного пола.

Орк впервые уважительно посмотрел на Антонио и осторожно потянул за ручку мифрильной двери. Стоило ей отвориться, как изнутри выпала сушеная паучья конечность, заставив могучего гладиатора подпрыгнуть на месте и начать остервенело тыкать мечом в темноту.

— Эй-эй, Агррх, успокойся! — воскликнул шаман и спросил. — Ты боишься пауков?

— Странно, да? — с кислой физиономией ответил воин. — Все же знают, что орки не ведают страха. Только это бравада для чужаков и еще немного пережиток веры в Одноглазого. Бурхан же завещал, что только бесстрашный попадет в его царство, вот все и делают вид, что ничего не боятся. Еще как боятся, только старательно скрывают. Смерти боятся, темноты, высоты, неизвестности... Вот и я боюсь. Их.

Орк поежился, как будто от холода.

— Тебя никто не упрекает, — мягко сказал Гарб, — но не стоит идти первым, если это доставляет тебе дискомфорт. Никто не обидится — мы все понимаем.

— Да! — вклинился Каввель. — Давай я пойду первым! Секира лучше, чем рука, если бить ей паука!

— Иди уже, п-о-э-т, — немного расслабился Агррх.

Минотавр немедленно воспользовался предложением и легкой походкой скользнул в святилище. Тут эльфийский свет не работал. Каждый зажег себе по факелу, взятому из кучи в углу при входе. Лишь Каввель отказался, предпочитая свет своего верного боевого топора. Секира едва заметно потрескивала, освещая путь голубоватыми искрами, тауросу старательно крался, периодически замирая и прислушиваясь. Идиллию шпионского

антуража нарушало только постукивание по каменному полу. От звука цокающих копыт минотавр, к своему большому сожалению, не мог избавиться даже когда обматывал подошвы толстым слоем ткани.

Узкий коридор уводил вглубь скалы. За первым чуть поодаль медленно следовали остальные. Последним, поминутно оглядываясь, с мечом в руке двигался орк. Агррх знал этот храм как свои пять пальцев, но до сих пор никто, кроме дерзкого орка, не нарушал покоя древних стен. Больше всего его пугала даже не возможность встречи с арахнидами, а то, что пауки пробрались туда, куда простым неразумным тварям хода не было.

Высокий потолок играл тенями в переменчивом факельном свете и давал волю фантазии путников. Воображение каждого рисовало картины одну страшнее другой. Любой шорох заставлял сердце замирать, и компаньоны изрядно переволновались, еще даже не столкнувшись с реальной опасностью.

Натянутые как струна нервы Бурбалки заставили издать его протяжный верещащий звук, когда на парня сверху свалился паук размером с собаку и попытался впрыснуть ему в руку яд. Паучьи хелицеры прошли насквозь и схватили только воздух. Михель, шедший следом, проворно заехал членистоногому пяткой в головугрудь. Паук отлетел в сторону и растерянно попытался вскарабкаться на стену.

— Врешь, не уйдешь! — заорал Агррх и, отбросив всякую осторожность, пригвоздил членистоное мечом к полу. Паук издал почти человеческий стон, немного подергался и затих.

— Это вообще нормально? — спросил Гарб у дрожащего Антонио, рассматривая потускневшие глаза арахнида.

— Что именно?

— Ну, они должны так стонать перед смертью?

— А ты у них сам спроси, — посоветовал Бурбалка. — Их тут сейчас много будет.

Действительно, где-то вдаль раздалось шуршание множества коготков, сопровождаемое сочными морскими проклятиями Каввеля. Друзья поспешили пирату на выручку. Оказалось, минотавр в помощи особо не нуждался: он размахивал секирой, будто перышком, создавая вокруг себя стальной вихрь. Пауки, пытавшиеся пробиться сквозь него, моментально лишались конечностей, хотя и не прекращали попытки напасть на несговорчивый обед сзади и сверху. Потеряв несколько особей, арахниды ретировались, оставив убитых сородичей на милость победителя. Оный стоял, тяжело дыша, весь забрызганный паучьей лимфой, но выглядел совершенно счастливым.

— Прямо как при абордаже, — радостно сообщил он, заметив подоспевших компаньонов.

— Эльфийских зоозащитников на тебя нет, — рассмеялся Агррх. — Знаешь, как они переживают за каждую убитую тварь?

— Я думаю, лусиды возражать не станут. Пауки все-таки захватили их храм, — заметил Гарб. — Дальше куда?

Коридор заканчивался разветвлением: один путь уходил вниз, а другой поворачивал влево.

— Нам налево, мой склад там, — ответил орк.

— А внизу что? — поинтересовался Бурбалка.

— Там храмовая сокровищница, — сказал Агррх. — Если хочешь принять кислотный душ или получить ледяным осколком в глаз, можешь сходить.

— Гарб? — позвал Антонио.

— Чего? — ответил шаман.

Ему совсем не понравился тон Бурбалки.

— А давай потом туда заглянем? Ты ловушки распознаешь, а я их обойду и возьму пару вещичек на память.

— Слушай, ты точно был учеником чародея? — подозрительно спросил Гарб. — У меня такое чувство, что профессия вора подошла бы тебе просто идеально.

— И не говори ты, — притворно вздохнул Антонио. — Господин Велмсли меня выкупил у палача, когда мне уже собирались отсечь руку за воровство. Я тогда даже в гильдии состоял.

— Все ясно, — коротко сказал гоблин.

— Так ходим? — с надеждой спросил Бурбалка.

— Нет! — отрезал шаман, получив в ответ целую серию уговоров, просьб и даже угроз.

— Я сказал нет! — вышел из себя Гарб, но Антонио молчал после этой вспышки не больше минуты.

Продолжить уговоры ему, правда, не дало появление новой волны пауков, так что парень ограничился визгом. На сей раз арахниды пришли подготовленными: их передние лапы были покрыты слоем какого-то блестящего материала. Компаньоны быстро поняли, для чего это паукам понадобилось, потому что теперь и секира Каввеля, и меч Агррха, скрепящаяся с паучьими лапами, издавали металлический звон.

— А чего искорки-то не работают? — пыхтя, удивился Каввель после десятка парированных ударов. — Обычно же работают!

Ситуация поменялась, и теперь уже арахниды принялись теснить двуногих по коридору, возбужденно пощелкивая хелицерами. Михель и Бурбалка приняли посильное участие в отражении нападения, стараясь не мешать орку с минотавром. Гарб наколдовал огненный шар и бросил его в гущу паучьих тел. Пахнуло паленым, и на полу остались валяться еще несколько пауков. Остальные поспешили убежать.

— Эдак у меня скоро Дэ кончится, — пошутил гоблин.

Остальные юмор не оценили, встревоженно на него посмотрев.

— Дальше пойдем или вернемся и передохнем снаружи? — поинтересовался Агррх, пряча испуг за маской безразличия.

— Не бойтесь, друзья! — приободрил всех шаман. — Мы идем дальше, а для демонических паучков у меня есть сюрприз.

Сюрприз, однако, был заготовлен не только у ловца духов. Паучья королева, видимо, раздраженная гибелью своего потомства, решила собственноручно встречать гостей. Ее чудовищная туша с трудом вылезла из внушительного логова, любовно свитого в алтарном зале, протиснулась в неф и намертво застряла телом в нартексе — прихожей храма.

Когда королева приползла сюда впервые, проход показался ей куда более широким. Видимо, превосходное питание, которым ее обеспечивали детки, сыграло злую шутку. Паучиха уперлась лапами и попыталась проползти вперед, только усугубив свое положение. Она дернулась назад, но не сдвинулась с места. Королева выдохнула и снова дернулась. Попытка не удалась и на этот раз. Во всех восьми глазах застыл ужас осознания безвыходности ситуации. Паучиха гордо вскинула передние бронированные собственной паутиной лапы и приготовилась защищаться от подошедших врагов до последнего.

— Ты глянь, какая здоровенная! — поразился размерам туши минотавр и попытался

пощекотать застрявшее тело лезвием секиры.

Лапа вскинулась, и секира со звоном отлетела в сторону.

— Смотрите, как мы деремся, — засюсюкал осмелевший орк и попытался вонзить в королеву свой меч.

Паучиха сумела отбить выпад, заставив клинок полететь на пол, а орка схватиться за руку и заорать от боли.

— Пойдите! — поднял лапу Гарб, останавливая друзей, уже готовых напасть всем скопом. — Разве вы не видите, что она разумна?

— И что с того? Нам жезл-то все равно нужен, — возразил Каввель.

— Ладно, тогда попробуй ее убить, а потом вытащить тело из прохода.

Минотавр озадаченно почесал между рогами. Концепция оказалась слишком сложной для его обычной тактики «сначала бей, потом спрашивай».

— И что ты предлагаешь? — поинтересовался он.

— Попробую договориться.

Гарб подошел к паучихе. Та внимательно осмотрела пришельца и подпустила к себе ближе, не обнаружив в нем угрозы.

— Ты меня понимаешь? — спросил шаман.

Королева опустила одну лапу и принялась что-то корябать на пыльном полу. Гарб присмотрелся и воскликнул:

— Какая прелесть! Нет, вы только подумайте!

— Что? Что там? — заинтересовались переговорами остальные.

— Только не приближайтесь, а то контакт испортите, — предупредил гоблин. — Она пишет древнеэльфийской клинописью, только на современный манер.

— Что-то не похоже эти закорючки на эльфийское письмо, — сказал Аггрх. — Я знаю эльфийский, и это не он.

— Конечно, — пояснил Гарб. — Ты знаешь современный рунический алфавит, пришедший на смену клинописному письму шесть тысяч лет назад. Клинопись куда древнее, и эльфы пользовались ей задолго до появления собственной азбуки. О ее происхождении сведений нет. Да и не любят остроухие распространяться на эту тему. Хотя в их библиотеках еще можно встретить старинные глиняные дощечки с такими вот символами.

Аггрх скептически посмотрел на гоблина.

— А ты откуда все это знаешь?

— У меня были хорошие учителя в мире духов, — пошаркал тот ножкой. — Но вернемся к нашим паукам. Она пишет, что ее в эти края принесли еще совсем молодую тринадцать лун назад. Оказывается, здесь похозяйничали темные эльфы-троу. Ах, вот почему клинопись! Они до сих пор ей пользуются. Как консервативно! Кстати, знаете, почему их называют троу?

— Почему? — спросил Каввель.

— Это самоназвание. На древнеэльфийском трове значит темный, только и всего. Так вот, ее зовут Милена, и она их питомец. А еще, она потерялась или ее забыли, я точно не понял. Язык троу для меня немного странен, и пишет она неразборчиво.

— Как это грустно, — притворно смахнул слезу с глаз Каввель. — Что делать-то будем?

— погоди, — шикнул на него Гарб и обратился к паучихе. — Ты все понимаешь, что я говорю?

Королева даже перестала нервно пощелкивать челюстями, когда увидела, что ее не

собираются убивать и накарябала на полу символ согласия.

— Отлично! Сейчас я немного поколдую, и ты сможешь выскользнуть, — весело объявил Гарб.

Затем гоблин достал из торбы Биры и дотронулся ими до паучихи. Ничего не случилось. Шаман хмыкнул, потрогал одним Биром другой и повторил попытку. Никаких изменений не произошло. Гоблин озадаченно почесал нос.

— Маленькая техническая заминка, — пробормотал он и сотворил уменьшительное заклинание.

На пол шмякнулась миниатюрная копия королевы пауков в масштабе один к ста и, шустро перебирая лапками, поползла к выходу.

— Не так быстро! — сказал Агрх и попытался придавить ее сапогом.

— Не смей! — крикнул Гарб, сбив орка с ног заколдованным порывом ветра.

Обычно шаману это заклинание удавалось с трудом, но не огнем же было жечь компаньона. Паучиха убежала, а орк надул губы, словно обиженное дитя, у которого отобрали любимую игрушку.

Дальнейшее продвижение вперед не представляло сложностей. Пауки спаслись бегством в отверстие, когда-то служившее витражом, а теперь просто позволяющее членистоногим беспрепятственно выползать поохотиться на поверхности. Гнездо Гарб на всякий случай сжег вместе со всеми яйцами, не обращая внимание на мстительные намеки Агрха в стиле «и кто из нас теперь живодер?».

— Она разумна, а ее дети не очень, и они опасны, — осадил шаман орка.

Воин не нашел достойного ответа и замолчал. Зато вспомнил, зачем, собственно, они тянулись в такую даль, и нащупал в потайной нише алтаря свои пожитки. При виде такого количества ценностей у Антонио загорелись глаза. Орк мрачно на него посмотрел и извлек из груды золота завернутый в холстину Бир.

— Уф, слава Бирканитре, они его не нашли! Давай скорей сюда! — обрадовался Гарб.

— Они его и не искали, — заметил Агрх вполголоса, чтобы не портить гоблину праздник. — Это трофей из одного монастыря.

Михель при этих словах напрягся всем телом, но орк ничего не заметил.

Заполучив в лапы заветный чар, Гарб тут же достал два других. Повозившись с ними пару секунд, шаман совместил три обломка так, что получилась длинная деревянная палка — найденная часть оказалась связующей для двух других.

— Ну как? — спросил он, любуясь резной поверхностью.

Посох лежал в лапах как влитой.

— Одобряю, — кивнул минотавр. — Можешь им мое проклятие снять?

— Да, что ты теперь можешь им делать? — спросил и Михель.

— Хорошие вопросы! — ответил шаман. — Надо будет проверить при случае.

Отсутствие Антонио обнаружилось у самого выхода.

— Ну, и где теперь искать этого проныру? — громко возмутился Гарб.

— А оставить его тут мы не можем? — с надеждой поинтересовался Агрх.

— Он наш друг и член команды, поэтому придется возвращаться, — важно заметил минотавр. — Линьков ему потом всыплем, если попадем, конечно.

Обыскав все закоулки и заново выгнав из храма пауков, компаньоны в недоумении остановились.

— Ну, раз моя сокровищница не тронута, стоит поискать его в эльфийской, — высказал предположение орк.

Спуск к храмовому подвалу много времени не занял. Внизу царили промозглая сырость и лютый холод. В конце лестницы обнаружилась дверь, покрытая густым ковром зеленой плесени. Свежие отпечатки человеческих ног в вековой пыли недвусмысленно давали понять, что Бурбалка пришел сюда, немного потоптался и... исчез.

— Этот прощельга ушел через портал! — ахнул Гарб.

— Или просто просочился сквозь дверь, он же у нас весь такой неосязаемый, — добавил Агрх.

— Будем ломать? — спросил Каввель.

— Ключа у меня нет, если ты об этом, — ответил орк.

Гарб поводит руками над плесенью.

— Никаких ловушек я не чувствую, но на всякий случай отойдите.

Спутников уговаривать не пришлось, поскольку все трое слышали истории про коварные эльфийские западни. А если их помножить на разрушительную силу гоблинского шамана... Ловец духов тоже отошел подальше, сосредоточился и создал небольшой огненный шарик. Сгусток пламени сжег всю плесень, оставив при этом саму дверь в целости и сохранности.

— Мифрил, — разочарованно сказал Агрх. — Сломать не получится.

Гоблин наморщил лоб и наколдовал шарик поменьше, но более насыщенного цвета. Огонь точечным ударом расплавил металл, оставив стены нетронутыми. Серебристая лужица растеклась по полу и начала медленно застывать. Гарб ускорил процесс, сгустив над остатками двери небольшой дождик, и довольно заявил:

— Я всегда говорил, что все дело в правильно подобранной температуре. Попрошу всех за мной — идем след в след. Чтобы никого не пришлось отскребать от стен, руками ничего не трогать и в стороны не расходиться.

Орк восхищенно посмотрел на гобхата и мысленно поклялся слушаться его во всем.

Внутри взгляду открылась большая комната, заставленная сундуками. Часть из них была распахнута, и алчный взор с трудом мог оторваться от беспорядочно наваленных золотых самородков, гор изумрудов и рубинов. Каввель протянул руку к одиноко валяющемуся на полу камушку, но был вовремя одернут бдительным орком.

Гарб уверенно прошел через все помещение, огибая сундуки по только ему понятным траекториям. Проход в следующее хранилище загораживал искореженный скелет. К счастью, не человеческий, а эльфийский. Шаман хмыкнул, пробормотал что-то вроде «дилетанты» и пошел дальше, спокойно отпихнув ногой в сторону еще крепкие кости. Иногда он замирал, прислушиваясь к магическим завихрениям, а в одном месте отпрыгнул назад, едва избежав острых игл из сверхпрочного адаманта, резко выскочивших из своих пазов в полу на добрых два фута вверх.

— Пока было несложно, — многообещающе подмигнул он товарищам, у которых готовность уйти уже давно пересилила и любопытство, жажду приключений и даже желание разжиться древними эльфийскими чарами.

В следующей зале путники миновали залежи драгоценного оружия, доспехов и щитов. Агрх невольно залюбовался одним отличным образчиком древнего оружейного искусства, но потрогать так и не рискнул. Из всех «храмовых воров» только Михель остался безучастным к сокровищам Триединых, видимо, не считая достойным последователя

Вседержителя осквернить себя «чахлым золотом мертвых эльфов».

Заключительный зал встретил компаньонов большим застекленным коробом у дальней стены и каменными статуями возле него. Изваяния протягивали к витрине руки, будто пытаясь дотянуться до камня, лежащего на подставке за стеклом. Самоцвет правильной формы размером с куриное яйцо переливался всеми цветами радуги, хотя преобладали зеленые и голубые тона.

— Лапис арденс философум, — негромко сказал гоблин.

В ответ на его слова философский камень запульсировал сильнее, а цвета приобрели более теплый оттенок — от красного до оранжевого. Гарб без опаски подошел к витрине полюбоваться величайшей из созданных руками эльфов ценностей. Приблизились и остальные. Чар завораживал, заставляя смотреть на него и жаждать им обладать, суля взамен бессмертие, бесконечное богатство и скромно умалчивая о цене.

Шаман с трудом оторвался от созерцания прекрасного и посмотрел на статуи. Они могли бы считаться совершенными — подобного сходства с живой натурой не смог бы добиться даже самый гениальный скульптор. Большинство изваяний изображали эльфов, и только одно — человека. Человеческая фигура особенно заинтересовала Гарба: в ее изгибах смутно угадывались знакомые черты.

— Бурбалка! — непроизвольно вырвалось у шамана.

Компаньоны даже не обернулись, продолжая смотреть на сокровище.

— Эй, хватит тарашиться! У нас тут чрезвычайное происшествие!

— А, что? — спохватился первым Михель.

— Посмотри на эту статую!

— Гм, определенно сходство есть.

— Это он! Все, кто дотрагивается до стекла, обращаются в камень!

Последнее слово, видимо, каким-то образом запустило скрытый механизм воздействия на воров, потому что Каввель и Агрх одновременно потянулись к стеклу, дотронулись до него и отпрянули. На глазах Гарба и Михеля их товарищи одновременно покрылись слоем камня и застыли в одинаковых позах.

Михель критически осмотрел получившиеся скульптуры.

— Недурно, — сказал он. — Я бы такое запечатлел на холсте в масле.

Из статуй донеслось приглушенное мычание.

— Они живы! — воскликнул Гарб.

Шаман быстро сплел заклинание для снятия магического окаменения и направил на Каввеля. Каменная плоть даже не подумала осыпаться с тела минотавра, хотя это просто обязано было произойти.

— Здесь какая-то особая энергетика что ли? — раздосадовано стукнул кулаком по статуе Бурбалки гоблин.

Эта скульптура тоже отозвалась мычанием. Михель пожал плечами.

— По идее, такое возможно. Это все-таки храм, посвященный верховным богам, эльфийским к тому же. Законы магии могут здесь исказиться.

— Сейчас посмотрим, как законам магии понравится это! — с этими словами Гарб достал из торбы три совмещенных Бира.

Он прикоснулся посохом к каменному Бурбалке. По залу пронеслась волна ледяного воздуха, едва не задув факелы, и прошла противным холодком по спине. Изваяние не шелохнулось. Шаман отчаянно метнулся ко второй статуе, к третьей, касаясь их посохом и

шепча волшебные слова — все попусту. Михель молча наблюдал, скрестив руки на груди. С каждым прикосновением посоха к статуям налетал порыв ледяного ветра, и роба монаха флагом развевалась под волшебными дуновениями. Наконец гоблин бессильно опустил лапы.

— Попробуй помолиться, — подсказал Михель.

Гарб недоуменно посмотрел на монаха.

— Попробуй-попробуй! Ты ведь теперь жрец своей богини, не так ли? Она не откажет тебе в помощи. К тому же посох ведь ее. Я думаю, что чем больше частей собрано вместе, тем теснее он связан с богиней, и тем труднее управлять его силой без ее помощи.

— Ты думаешь?

— Я уверен. Если уж ты взялся выполнять божественное предназначение, будь добр верить в то, что делаешь. К тому же силу искренней молитвы трудно переоценить. Мне всегда помогает.

— Но я верю! — возразил Гарб. — Я что, плохо верю?

— Нет, зачем сразу плохо. А если ты просто не облек свою веру в нужную форму? Ты веришь в богиню, ты уверен в ее существовании, но до конца не понимаешь всю ее сущность. Может быть, тебе будет проще осознать свою веру, если ты придашь ей понятный для тебя вид? Пусть это будет молитва. Какие-то простые слова, обращенные к твоему божеству. Пускай они будут тем символом, который заставит тебя почувствовать единение с тем, что выше тебя.

Гоблин стоял, сильно сторбившись и глядя на свои поношенные сапоги. Мысль оказалась неожиданной. Он всю жизнь предпочитал разумный подход ко всему, а монах предложил просто поверить. Понять через веру, а не осознание.

В голове ловца духов происходило маленькое совещание. Гобхат никогда никому о таком не рассказывал, но он всегда обдумывал важные вопросы как бы коллегиально. Внутри в этот момент шаман разделялся на множество «я», оживляя и облекая в форму разных гоблинов страх, любопытство и другие черты характера.

— Ну, я не знаю. Попробовать можно... — сказал он наконец.

Одно из его «я» напомнило про песенку, которую бабушка напевала, когда Гарб был совсем маленьким. Неожиданно гоблин понял, что те звуки были вовсе не колыбельной, как ему тогда казалось.

— Знаю! — радостно закричал он. — Я теперь знаю!

Перехватив посох поудобнее, новоиспеченный жрец запел простые, но очень важные слова. Память с трудом вытаскивала из детских воспоминаний строчку за строчкой, гоблин прерывал пение, вспоминал и дрожащим голосом продолжал. Когда он закончил, Михель сказал:

— А теперь попробуй еще раз.

Темные не иначе есть порождение злых духов и скверны.

Из разговора в Льонесе

Да что они вообще о себе возомнили?

Темные эльфы о светлых

Оживление необычных экспонатов прошло без сучка и задоринки. Прикосновение намоленного посоха теперь легко стряхивало с застывших фигур оцепенение. Три легких касания — три живых существа вместо мертвого мрамора. Спасенные компаньоны наперебой принялись благодарить за избавление из каменного плена. Досталось и Антонио на орехи за самовольную отлучку в опасное место.

— Есть вопрос, — прервал их изливания монах. — Этих оживлять будем?

Гарб посмотрел на группу каменных эльфов и с сомнением покачал головой.

— Они тут уже больше года стоят. Надо ли?

— Они все же живые, — настоял Михель. — Можно хотя бы попробовать.

Гоблин дотронулся посохом до одной из статуй. Камень осыпался, обнажая темную, почти синюшную кожу, неестественно белые волосы, заостренные черты лица и мантию мага, расшитую звездами. Протянутая к витрине рука бессильно опустилась, но тут же вскинулась, выпуская смертельное заклинание. Магия отразилась от витрины и вернулась к автору, обратив его в кучку пепла.

— Вот и поговорили, — огорчился Михель. — Давай следующего.

Посох коснулся второй статуи. Оживший темный эльф встрепенулся, дико завращал глазами и бросился бежать, не обращая внимания на крики компаньонов, предостерегающие об опасности. В соседнем зале остроухий столкнулся с древним доспехом и упал. Из открывшегося в потолке люка на несчастного обрушился поток какой-то зеленой жижи. Предсмертный крик бедняги звоном отозвался в голове каждого из друзей.

— Может, их после оживления сразу по голове бить? — предложил Каввель.

— Кости черепа тонкие, можно не рассчитывать, — ответил Гарб, — но идея хорошая. Буду на них следом паралич накладывать.

Посох прошелся по третьему экспонату. Едва подопытный сделал первый вдох, шаман сковал его заклинанием. Светлый эльф рухнул на каменный пол и посмотрел на своих спасителей — взгляд у него был совершенно безумный.

— Пьер, — сказал он.

— Гарб, — представился шаман.

— Пьер! — повторил эльф. — Пьер, пьер, пьер, пьер...

— По-моему, это не его имя, — усомнился Агррх. — Пьер на их языке означает камень. Похоже, он бредит.

— Он свихнулся, пока торчал тут каменным болваном, — робко подал голос Бурбалка. — Я тут пробыл час, не больше, и то чуть крыша не поехала.

— Ценное замечание, — прокомментировал Гарб. — Последнего оживлять будем или смилостивимся?

— Надо попытаться, — не сдался Михель.

— Будь по-твоему, — сказал гоблин и оживил четвертую статую.

Этот темный эльф несколько отличался от своих собратьев троу: наряд и экипировка выдавали в нем представителя одной из древнейших профессий — барда. На кожаном ремне у него с плеча свисала лютня. Она печально тренькнула, упав вместе с хозяином.

Распластавшись на полу после наложения паралича, троу не стал причитать. Напротив, его слегка косящие красные глаза принялись с интересом рассматривать странную компанию, а рот при этом не издал ни звука.

— Ты в порядке? — спросил его Михель.

— В настоящий момент испытываю легкий дискомфорт от общения с вами, а так мне немногим лучше, чем в качестве каменной статуи. Теперь я хотя бы могу говорить, как рыбы перед обедом.

— Прошу прощения за паралич, но это вынужденная мера, чтобы мы могли убедиться в вашей нормальности, — сказал Гарб.

— Вы всерьез считаете, что в этом безумном мире кто-то может считаться нормальным? Я, например, законченный псих.

— Э-э-э, — смутился шаман.

— Все барды немного сумасшедшие, — пояснил Аггрх.

Лежащий на полу эльф издал безумный смешок и, насладившись реакцией компаньонов, подтвердил слова орка.

— Истинная правда. Мое естественное безумие уберегло меня от полной потери разума. Мне повезло в отличие от бедняги Вельбуэна, который сейчас что-то бормочет про свой ненаглядный камень. Лично мне этот булыжник порядком опротивел, пока я тут год стоял и пялился на него. И это притом, что я сюда шел, чтобы написать про него балладу! Вы, конечно, скажете, что я мог бы придумать балладу, пока был заперт в мраморе. А я вам на это отвечу: черта с два! Я больше не горю желанием развлекать публику пением, как дятел белку. По крайней мере, пока, но балладу так и быть напишу. Они мне для себя нужны. Так меня освободят от этого проклятого паралича, или вы меня оживили, чтобы поиздеваться?

Гоблин снял чары, и троу поднялся на ноги.

— Позвольте представиться! — сказал он, отряхиваясь от пыли потертый коричневый камзол и проверяя, цела ли лютня. — Меня зовут Адинук Хельвиафин, хоть я и не слишком жалую свое родовое прозвище, — бард, алхимик, изгой.

— Значит, свой в доску, — подмигнул остальным Аггрх. — Мы тут все такие отщепенцы.

После краткого знакомства троу попытался набиться компании в попутчики.

— Мы бы, может, и взяли тебя с собой, Адинук, но мы выполняем важную миссию, — тактично попытался отвести его Гарб.

— Пфф, — фыркнул бард. — Все на свете заняты миссиями той или иной степени важности, но это не мешает мне путешествовать то с одними бродягами, то с другими.

— Мы не уверены, можно ли доверять кому-то из народа троу, — высказался минотавр.

— А, предрассудки, — понимающе улыбнулся Адинук. — Тогда вам нужно было убить меня сразу, как свирепая гадюка убивает зайца, а то ведь по обычаям моего народа я могу вас отравить на привале или всадить в спину кривой нож, смазанный ядом чешуйчатого скорпиона или пещерной многоножки.

— Давайте его оставим, он смешной, — предложил орк.

— А давайте, — согласился Михель. — Вы же взяли меня, а этот эльф ничуть не хуже. К тому же чуется мое сердце, что он не предаст.

— Ты давно записался в провидцы? — поинтересовался Бурбалка. — Я просто к тому, что если ты ошибаешься...

Гарб склонил голову набок. Он понимал, что все ждут именно его решения.

— Ладно, пошли с нами, но учти, что мы идем в Льонас, — сказал Гарб.

— Город заносчивых, самодовольных, спесивых и задиристых светлых эльфов? Мне все равно, где именно меня не любят. Может быть, я даже соизволю им спеть, если они будут докучать мне своей ненавистью слишком сильно, — легко, но многословно согласился Адинук.

— А что делать с твоим приятелем? — спросил Михель.

— Он не мой приятель. Я пришел сюда в одиночестве, — ответил троу.

— Но ты же назвал его по имени! — попытался уличить барда во лжи Каввель.

Троу хитро прищурился.

— Э, нет. Ты вот знаешь, как зовут владыку Серебряного Чертога?

— Миримон, вроде, — ответил минотавр.

— Вот, ты знаешь его имя, но разве он твой приятель? — сделал невинные глаза Адинук.

Получилось плохо из-за яркого красного цвета радужки.

— Ладно, расскажу. Я тут первый очутился. Троу потом пришли, но я слышал их разговоры, пока стоял каменный. Этот вообще лусид. Пришел после темных. Следил, наверное, за ними. Я сразу понял, что он псих похлеще меня. Разговаривал сам с собой в третьем лице, все время упоминал свое имя и повторял что-то про его прелесть.

Троу умел убеждать.

— Все, сдаюсь, — поднял руки тауросу.

— Так что с ним все-таки делать будем? — обратился ко всей компании монах.

— Если у вас не хватит здравого смысла и сострадания его прирезать, можете просто оставить тут, — посоветовал бард. — Он очухается от паралича, прилипнет к своему ненаглядному камушку и снова станет мраморным. Не пропадет, короче, как прошлогодние яблоки в желудке медведя.

— Я думаю, надо его все-таки вывести наружу, может к нему сознание вернется, — сказал Михель.

Сомнения разрешил сам сумасшедший. Пока вокруг его персоны шли дебаты, он потихоньку начал шевелиться, а потом в самом разгаре спора вскочил и потянулся к витрине. Адинук сделал театральный жест в сторону новой каменной статуи, как бы говоря «Вуаля!». Гарб посчитал такой поворот событий перстом судьбы и решил не перечить.

Процесс возвращения из хранилища занял больше времени, чем вторжение в него. Во-первых, у Гарба прибавилось ведомых, а во-вторых, Адинук нагло наплевал на инстинкт самосохранения. Троу напихал в карманы золота, ловко увернувшись от всех пакостей, коих в сокровищнице было предостаточно. Захватил он с собой и прекрасный длинный лук из тисового дерева с полным колчаном стрел, и меч с ножнами. Клинок стоил темному большого куска уха и моментального насмешливого сравнения с Каввелем со стороны языкастого Агрра. Троу, впрочем, даже был польщен и сказал, что они теперь с минотавром похожи, как братья. Минотавр поморщился, но промолчал: последние месяцы научили его терпимости и некоторой снисходительности.

На выходе из святилища эльф остановился, пошевелил здоровым ухом и позвал:

— Милена! Выходи, негодница! Я знаю, что ты здесь!

Из темной глубины лестничного провала выползла огромная паучья туша — действие заклинания уже прошло — и несмело, словно не веря своему счастью, подползла к Адинуку и потерлась о его ноги. Бард ласково потрепал паучиху по голове.

— Знакомьтесь, это Милена, моя любимица! — сказал он, обращаясь к спутникам. — Детка, да ты, кажется, подросла!

— Мы знакомы, — сухо произнес Агррх. — Оно что, пойдет с нами?

— Миленочка очень послушная девочка, — ответил троу, — но, если вас не устраивают ее размеры, мы что-нибудь придумаем.

С этими словами темный эльф открыл холщовую заплечную сумку и поманил паучиху. Милена подползла поближе к котомке, подобрала лапы и прыгнула. В полете она резко уменьшилась, так что в момент приземления ее размеры не превосходили птицеяда. Паучиха залезла в котомку, а та отправилась за спину. Гарб с Каввелем понятливо переглянулись, а Бурбалка показал большой палец. Михель поджал губы, но ничего не стал говорить.

— Все? Трогаться можем? — улыбнулся Адинук.

— Угу, — пробормотал орк, не сводя глаз с сумки. — Если эта твоя любимица захочет оттуда вылезти, пусть пеняет на себя.

— Конечно, сударь! Иначе и быть не может, — беззаботно согласился с ним бард.

Обратный путь до Льонаса прошел с теми же мерами предосторожности, что и путь к храму. Разговаривали мало — все, кроме барда. Адинук трещал без умолку, вызывая у орка приступы раздражительности. Агррх уже был совсем не рад, что предложил взять темного эльфа с собой. Его речь, пестрящая странными сравнениями, вызывала головную боль.

Из непрерывного монолога троу компаньоны узнали множество ценных сведений о кулинарных пристрастиях обитателей подземного мира, о видах пыток, применяемых к изменникам, устном народном творчестве черных гномов, повадках и брачных играх пауков. Бурбалка с Каввелем забились на спор, иссякнет ли этот поток красноречия до города или нет. Антонио спор проиграл и получил от минотавра пять щелбанов, четыре из которых прошли сквозь лоб проигравшего.

Гарб переживал, каково будет темному эльфу среди светлых, но Адинук бесстрашно вошел в ворота и прошелся по центральной улице, широко расправив плечи и щурясь от яркого полуденного солнца. Горожане пялились ему в спину и провожали барда тревожными перешептываниями. Впрочем, стоило троу обернуться, как они поспешно отводили взгляды, всерьез опасаясь сглаза.

— Ну что, господа, — сказал Агррх, когда компаньоны подошли к Академии. — Я так понимаю, пришло время прощаться.

— Почему это? — не понял Каввель.

— Наш уговор соблюден, я вам больше не нужен, а значит, мне пора вас покинуть.

— Ах, вот оно что, — огорчился гoblin. — Может, останешься? Не скажу за всех, но я к тебе привык, и ты хороший собеседник.

— Нет, моя судьба быть вечным скитальцем, а вас я буду стеснять.

— Так ведь и у нас нет дома! — возразил Антонио.

Орк смерил человека взглядом и снизошел до ответа.

— У вас есть цель в жизни, а у меня ее нет.

— Как это нет? — возмутился Гарб. — А кто собирался искать убийцу сына?

— Я и один справлюсь, а вас ждет своя великая миссия.

— Давай, пусть наша миссия станет твоей, — предложил Каввель.

— Думаете, я всерьез смогу посвятить себя собиранию какого-то посоха, чтобы пробудить им какую-то богиню, гоблинскую к тому же?

У Аггрха начало заканчиваться терпение. Он просто собирался расстаться культурно, а такие уговоры не входили в его планы. Ему действительно нравилась эта компания. У людей он был рабом. Среди орков всегда оставался человеческим выкормышем. Здесь же бывший гладиатор не чувствовал себя чужим. Тем обиднее оказалось получить такое заманчивое предложение, потому что он уже принял решение уйти и менять его не собирался.

— А что тебе помешает? — неожиданно подмигнул ему троу, до этого молча стоявший поодаль и делавший вид, что разговор его не касается.

— Ты-то что понимаешь, седовласка? Лезут тут всякие, — нахмурился орк.

Эльф и так уже давно не вызывал у него симпатии, а если он еще и с советами приставать будет...

— Больше, чем ты можешь себе вообразить! — резко ответил Адинук.

Не ожидавший такого отпора Аггрх промолчал.

— Говорят тебе, начнешь поклоняться забытой богине — получишь плюшку... или плюшкой — это уж как повезет.

— Он сумасшедший, — опрометчиво махнул на него рукой орк.

Успевший подойти ближе троу перехватил руку и легким движением уронил Аггрха на мостовую. Михель по-новому взглянул на безумного барда, оценив чистоту проведенного приема и узнав школу своего ордена. Видать, эльфа знатно помотало по белу свету.

Орк вскочил и, бешено вращая глазами, бросился на Адинука. Троу изящно ушел от захвата, и зеленокожий оказался на газоне возле одного из домов. Каввель сунулся было разнимать драчунов, но Михель остановил его, предоставив им выяснять отношения один на один. Аггрх падал еще трижды, прежде чем выхватил меч. Темный эльф и не подумал достать из ножен свой, ловко уворачиваясь от ударов и изредка бросая едкие замечания по поводу танцевальных навыков оппонента. В конце концов Аггрх выдохся, бессильно опустился на траву и горестно понурил голову.

— Послушай теперь меня, — нравоучительным тоном сказал троу.

В его интонациях появились новые нотки, неволью заставляющие как минимум обратить внимание на произносимые слова.

— Сотню лет назад я, как и ты, отчаянно нуждался в вере. Я устал от злобы богов моего народа и сбежал в поисках смысла существования. Мне довелось скитаться в разных местах, и я многое понял. Вера жизненна необходима таким, как мы, чтобы выжить. Я свою нашел и был вознагражден. А ты?

— Я верю в Одноглазого, — устало отозвался Аггрх. — Пытаюсь верить.

Его ярость ушла, оставив в душе полное опустошение. Орк взглянул на себя со стороны и устыдился: проиграть схватку безоружному троу при свете дня! Троу же бояться открытых пространств и солнечного света! После такого задумаешься о смысле жизни.

— В верховного бога орочьего пантеона, — усмехнулся троу. — Это такой вечно злой и вечно обиженный на остальных богов за какие-то прошлые дела? Поговаривают, что Триединый ему как-то знатно навалил и как раз тогда глаз-то и выбил. Вот он вас на наш род и пытается все время натравить. А к тебе твой Одноглазый добр? Добр ли он вообще к кому-нибудь?

— Он награждает сильных и прогоняет слабых, — глухо ответил орк.

Агрх и раньше думал о своей вере, но всегда считал, что все уже давно предопределено, и изменить заведенный порядок нельзя. Сейчас он с ужасом понял: ведь действительно, в орочьем пантеоне нет ни одного доброго или хотя бы мирно настроенного бога.

— Но на самом деле он ведь тебе не нравится?

— Не нравится.

— Так становись защитником Бирканитры! Будешь ее первым чемпионом — защитником и ревнителем веры.

— Я орк, а она гоблинская богиня.

— Ты расист что ли? Так с этого надо было начинать! Тогда сиди и скули дальше, что у тебя нет цели и тебе суждены вечные скитания в одиночестве. Я, например, поклоняюсь Хьялти Златобородому.

— Это же бог дворфов! — изумился Агрх.

— О, да! — подтвердил троу. — Он так удивился, что у него есть почитатели не из их числа, что наделил меня своей силой, ловкостью и мудростью. Хорошо хоть бородой не наделил. За это ему отдельная благодарность. Только представьте меня с бородой!

Понять, лжет Адинук насчет мудрости, бредит или говорит правду, было невозможно. Агрх, однако, предпочел поверить ему на слово — свежие синяки от падений были слишком веским аргументом.

— Хорошо, убедил. И что мне нужно делать? Принести клятву верности?

— Ничего особенного. Просто продолжай помогать гоблину. Ну что, мир?

— Мир, — не слишком охотно согласился орк под одобрительные возгласы друзей.

Помирившаяся компания проследовала к гномьему крылу, чтобы встретиться с Маусом. Адинуку попытались намекнуть, что предстоящий разговор слишком секретный для его ушей, но доставучий троу не ведал чувства такта и тут же разъяснил, почему его присутствие необходимо. Складывалось впечатление, будто темнокожий бард всерьез считает себя нянькой, а в качестве подопечных рассматривает весь отряд. Впрочем, его доводы убедили Гарба: Адинук был прекрасно осведомлен о том, кто такие хапуги, и обещал поделиться своими знаниями с остальными.

Гном принял друзей у себя в кабинете и с нетерпением принялся расспрашивать о результатах экспедиции, подозрительно косясь на темного эльфа. Гарб рассказал про поиски третьей части посоха и неожиданную находку. Пока гоблин описывал сокровищницу, глаза Мауса алчно заблестели, и не потухли даже, когда гоблин нарочно преувеличил силу ловушек.

— Это ничего, — еле слышно прошептал профессор. — Главное, камень достать.

— Эльфам пока ничего не говорите, — уже громче добавил он и обратился к Адинуку. — Так значит, темные еще забредают на поверхность?

— И, как всегда, строят козни, — поклонился троу.

— А вы уверены в своем новом друге? — спросил гном, повернувшись к гоблину.

— Мы уверены, — поспешно сказал Гарб, боясь осложнений на почве расового недопонимания.

— Как можно быть уверенным в том, что завтра будет солнце, а не дождь? — ухмыльнулся Адинук.

Маус странно на него посмотрел, но промолчал.

— Ладно, шутки в сторону, — посерьезнел эльф. — Путем несложных умозаключений я понял, что вы, ребята, серьезно влипли.

— Что же заставляет вас так думать, любезный троу? — холодно поинтересовался Маус.

— На самом деле, меня сложно заставить что-то сделать против моей воли, но это ненужные подробности. Хапуги — ваша проблема. На нашем языке они называются инс-огглин — хитрые враги. Светлые могут сколько угодно тешить себя мыслью, будто им удалось избавиться от этого племени. На самом деле после разрушения своей основной цитадели, выжившие просто перебрались под землю и до поры до времени наружу не высывались. В Подземье к моменту их появления сложилось хрупкое равновесие между различными королевствами троу и черных гномов. Появление чужаков встретили прохладно, мягко говоря. Однако инс-огглины оказались вовсе не легкой добычей, как все думали поначалу. Где обманом и хитростью, а где лестью и подкупом, они нашли себе союзников, стравив подземных жителей между собой. Это вылилось в многолетнее противостояние.

Адинук остановился перевести дыхание, а затем затараторил дальше.

— Когда дым сражений рассеялся, оказалось, что хапуги захватили достаточно территорий, чтобы считаться ровней остальным народам. Снова установилось равновесие, нарушаемое только мелкими приграничными стычками. Потом начали пропадать наши женщины. У троу женщины занимают главенствующее положение в Домах. Ну, вы же знаете, наверное, что мы так называем династии матрон с дочерьми и подданными? Так вот, между матерями и дочерьми идет постоянная борьба за первенство, поэтому поначалу никто не стал беспокоиться — Подземье опасный мир, там все время кто-то пропадает. Когда мы поняли, в чем дело, было уже поздно. Хапуги однажды опытным путем выяснили, что могут скрещиваться с эльфами. Вам, пожалуй, не стоит знать подробностей.

— Мы, кажется, в курсе, — шепнул Гарб.

— Воровать эльфиек с поверхности у них получалось плохо, поэтому они переключились на наших женщин, — кивнул эльф. — В итоге теперь нам придется иметь дело с новой расой. Полутроу или полугоблины — значения это не имеет. Важно то, что получившиеся твари стократ злобнее самого злобного троу, при этом они куда более искусные маги. Особенно хороши они в некромантии, как сороки в воровстве блестящих предметов.

Рассказ Адинука не стал откровением для присутствующих — кое-что о происхождении и повадках хапугов они уже знали. Частично из собственного опыта, частично из «показаний» Моротара.

— Спасибо, за исторический экскурс, но я не уловил сути, — прервал рассказчика Маус.

— Суть в том, что их разведка наверняка уже доложила повелителю о ваших находках. Хапуги — прирожденные шпионы, так что в этом я не сомневаюсь. Сейчас я готов руку дать на отсечение, что к стенам города движется целая армия. Когда инс-огглины чего-то хотят, они это обычно получают.

— Льонас взять невозможно, — уверенно сказал Маус. — К тому же мы всегда можем попросить наших коллег включить «Сбивающий», и армия врага просто помрет от голода в лесу.

— Посмотрим, — коротко ответил троу.

«На Лумее никогда не было недостатка в шакалах, жаждущих попить на чужих поминках».

— *Адинук, темный эльф*

Если что-то может пойти неправильно, оно обязательно пойдет неправильно. Чрезмерно уверенный в своих возможностях гном убедился в этом практически сразу после совещания. Он вышел из кабинета и отправился напрямиком к Идрениону, исполнявшему обязанности исчезнувшего Мелдона.

Этот сухопарый академик слыл редкостным гордецом и занудой и не стеснялся подкреплять репутацию словом и делом. Маус, привыкший иметь дело с более покладистым де Баранбасом, не стал заводить разговоры о погоде и самочувствии собеседника, как того требовал эльфийский этикет, а сразу перешел к делу. Идренион рассеянно выслушал гнома, после чего заявил, что не имеет намерения прислушиваться к рассказам какого-то проходимца, имея в виду, конечно же, Адинука. Фон Кляйне, однако, приняв высказывание на свой счет, пришел в ярость. После короткой словесной перепалки барон в бешенстве покинул эльфийскую часть Академии, заявив, что ноги его там больше не будет.

— Ничего! У нас еще есть отпугиватель! — крикнул он в закрывающуюся дверь и помчался напрямиком к своему кабинету.

К своему ужасу, гном обнаружил, что чар не работает. Кто-то намеренно вывел его из строя. Маус пришел в неопишемую ярость и понизил в званиях всю охрану. Отпугиватель это не вернуло, но душу барон отвел и немного успокоился.

Следующие три дня гномы самоотверженно готовились к обороне, а эльфы усиленно над ними насмехались. В итоге на защиту двадцатитысячного города оказалась готова подняться только горстка бойцов — двести гномов, три их боевых голема и Гарб со своими друзьями. Маус послал весточку брату, чтобы тот срочно явился со всеми доступными силами и обратился за помощью к островным гномам-мультиблам. Проживающие там родственники фон Кляйнов наверняка могли бы помочь войсками. Помощь эта, впрочем, могла подойти минимум через неделю, а Мардер со своим отрядом подоспел бы дней через пять.

Гарб ходил к Идрениону и чуть ли не на коленях умолял того если не начать приготовления к войне, то хотя бы уведомить обо всем Серебряный Чертог. Тщетно! Упертый как баран эльф и слышать не хотел о каких-то там хапугах. «Это ваши с гномами разборки, — твердил он. — А если и придут к нам какие-то враги, в наших стенах заклинаний столько, что даже армия магов будет не в силах преодолеть этот рубеж».

Единственным остроухим, предложившим свою посильную помощь оказался Альмариан. В один из дней он отвел гоблина в сторонку подальше от чужих длинных ушей.

— Мусьё, — сказал он без всяких предисловий, — я весьма благодарен за преподанный мне урок и хочу вернуть долг.

— Как ваша спина, коллега? — осторожно поинтересовался гоблин, гадая, что же от него понадобилось лусиду.

Мелдон позволял себе по-дружески общаться с представителем «низшей» расы. Для остальных эльфов гоблин оставался в лучшем случае забавной зверушкой. В худшем они

просто демонстративно переходили на другую сторону улицы или коридора, стоило им заметить кого-то из компаньонов. Все уже знали, что именно чужаки виновны в пропаже магии.

— Побаливает, — поморщился академик, — но я уже годен к строевой службе. Я и мои ученики в вашем распоряжении, если возникнет угроза. Пришлите мне гонца сразу, как только я понадобится. Только раньше времени никому ничего не говорите, а то прочие коллеги не разделяют моего к вам доверия и засмеют.

Для исполняющего обязанности председателя Президиума появление в прямой видимости города несметных полчищ нежити оказалось сюрпризом. Идренион только успел закончить свой утренний туалет и еще даже не приступил ко второму завтраку, как в его покои ворвался следопыт в потрепанном одеянии, совершенно недостойном благородного перворожденного.

— На нас напали! — с порога заорал оборванец.

Идренион наморщил лоб, смутно припоминая, что где-то уже видел этого бродягу. Выглядел тот авторитетно, но был слишком молод, чтобы оказаться кем-то из академиков.

— Ты же капитан лесных стражей, не так ли? Как твое здоровье? — вежливо спросил профессор.

Память его не подвела, и Идренион был очень ей доволен, как и своими безупречными манерами.

— Как мое здоровье? — невежливо проорал капитан. — Всех наших убили, только мне удалось укрыться за воротами!

— Ах, какое досадное известие! — искренне огорчился Идренион, и скривился при виде крови, сочащейся из левой руки стражника прямо на дорожку ковер. — Друг мой, придется вам какое-то время побыть вдали от дорогих вашему сердцу лесов. Зато вы будете в полной безопасности под защитой этих стен.

— К Иблису ваши стены! — снова закричал капитан. — Они их уже штурмуют!

Именем одного из верховных демонов ругаться не принято просто на всякий случай. На академика такой речевой оборот произвел впечатление.

— Как штурмуют? — побледнел Идренион. — Это невозможно! На них же столько заклятий!

— Сами полюбуйте! — указал на окно рейнджер, обессиленно опускаясь в кресло.

Заместитель главы академии выглянул в свое любимое двустворчатое окно, выходящее на городские ворота. Обычно из него открывался потрясающий вид, но сейчас всюду, куда ни падал взгляд, эльф видел только толпы оживших мертвецов, лезущих на стены. Их било молниями, поливало кислотой, шпарило кипятком, разрывало на части острыми шипами и жгло огнем — зомби не обращали на это внимания, продолжая выполнять волю своих хозяев.

Мертвецы цеплялись друг за друга и по своеобразной неуспокоенной лестнице ползли все выше, пока верхние «звенья» не переваливались через гребень стены. Внизу их уже поджидали отважные гномы, но на смену первым мертвецам ползли новые. Зомби падали со стены, вставали и шли на врагов. К тому же координирующие атаку некроманты быстро смекнули, что защитников у города мало, поэтому живые трупы рассредоточились вдоль всей стены и полезли на штурм сразу в нескольких местах.

Многие перепуганные горожане, еще недавно потешавшиеся над гномами, теперь в

панике повыскакивали на улицу, только чтобы быть разорванными на куски ордами кровожадной нежити. Более благоразумные забаррикадировались в домах и остались живы — зомби целенаправленно пытались прорваться к Академии и не обращали на другие строения никакого внимания.

Осажденные героически оборонялись против численно превосходящего противника, но положение усугублялось тем, что каждый павший гном немедленно поднимался, чтобы наброситься на своих еще живых товарищей. Спасали только големы, косившие мертвяков своими огромными мечами, тогда как безоружные зомби не могли причинить железнякам никакого вреда.

Каввель орудовал топором в самой гуще схватки, Агрх разил мертвецов своим клинком. Сзади Гарб, накачавшись зельями, швырял в толпу врагов огненные шары. Михель то работал ногами, то прибегал к экзорцизму, выводя из строя сразу по несколько противников. Слабо приспособленный для ближнего боя Антонио подбадривал остальных криками и иногда добивал добравшихся до него неуспокоенных. Адинук ловко вскарабкался на крышу одного из двухэтажных домов и безучастно взирал на творящийся внизу хаос. Порицать его было некогда, и про него просто забыли.

Через пятнадцать минут после начала штурма подоспело подкрепление в виде Альмариана. Маг привел с собой с десятков учеников, и они вместе принялись отрабатывать на мертвецах заклинания стихии воды — замороженные зомби начали феерично разлетаться на мелкие кусочки, но их общее количество все равно продолжало неуклонно расти.

Сражение складывалось явно не в пользу осажденных, и Маус приказал отступить к Академии, когда зомби сумели повалить на землю всех големов. Магомеханические создания не смогли подняться на ноги самостоятельно и стали бесполезны.

— Где же эти хваленые эльфийские маги со своей хваленой эльфийской магией? — пыхтя крикнул Каввель, снося голову очередному труп.

— Попрятались крысеныши! — ответил ему Агрх, нанося рубящие удары направо и налево. — Вот я болван, что молот не взял с собой! Сейчас бы молот, уж я бы развернулся!

— А ты еще бросить нас хотел! — укоризненно пропыхтел минотавр. — Пропустил бы все веселье!

До здания Академии добрались десятков пять гномов и пятерка забрызганных дурно пахнущими внутренностями друзей. Адинук так и остался сидеть на облюбованной им черепичной крыше, а Альмариан телепортировал себя с учениками в неизвестном направлении. Когда последний гном зашел внутрь и прочные мифрильные створки закрылись, мертвецы начали ломиться в дверь.

Гарб с Маусом поднялись наверх оценить обстановку: площадь перед Академией напоминала бушующее море, только вместо волн колыхались головы.

— Похоже, пока ничья, — вслух подумал гном. — Внутри им не пробиться.

— Им не пробиться, — сказал гоблин. — А как насчет него?

Маус посмотрел в указанном направлении и обомлел: с внешней стороны к стене подходил самый настоящий великан. Внешне он напоминал дворфа за исключением того, что дворфы не бывают тридцати футов ростом и не обладают шевелюрой ярко красного цвета. Исполин был мертвенно бледен, что, скорее всего, объяснялось полным отсутствием в нем жизни. Гигантский зомби подошел к стене, поднял руку с боевым молотом невероятных размеров и нанес удар по каменной кладке. Маус рефлекторно зажмурился, боясь увидеть, что за этим последует.

Шваркнуло так, что во всем городе стекла повывлетали из окон, а с ближайших к месту взрыва домов осыпалась штукатурка. Гном с трудом отлепился от стены, куда его швырнуло ударной волной и выглянул в окно. То, что открылось его взору, повергло Мауса в уныние: в стене зияла огромная дыра, означавшая полное отключение защитного контура.

Охающий Гарб тоже дополз до окна, чтобы оценить масштаб разрушений. Если гнома больше беспокоила стена, то гоблин прежде всего обратил внимание на тех, кто бросился в открывшийся проход. Великана, конечно, там не было, но опытный взгляд шамана сразу разглядел в нападающих магов. Хапугов, правда, среди них было немного, но вполне достаточно, чтобы считать новую угрозу серьезной.

— Вы собираетесь хоть что-то предпринять? — обрушился Гарб на Идрениона, после того как некроманты вместо нападения прокричали ультиматум — выдать им имеющиеся в Академии Быры.

После этого они обещали покинуть город и увести с собой всех мертвецов, способных к передвижению. В противном случае они поклялись разметать Академию по камушку.

— Я думаю, надо отдать им то, что они хотят, — не раздумывая, ответил эльф.

— Вы с ума сошли! — поразился гоблин. — Нас тогда вообще ничто не спасет!

— Вы, коллега, предлагаете что-то другое? — высокомерно спросил Идренион. — У них там целая толпа зомби, и стоит им открыть хотя бы один из входов в здание, как нас разорвут на части. К тому же помимо мертвецов нам предстоит иметь дело с большим количеством колдунов.

— А вы сами колдовать не умеете? Я вообще не понимаю, как так получилось, что пока мы там сражались, нам никто из магов Академии не пришел на помощь.

— Мой юный друг, — горестно сказал заместитель Мелдона. — Со стороны, конечно, может показаться, будто каждый лусид является первоклассным волшебником, а целый город первородных способен дать отпор любому врагу. Вынужден вас разочаровать — боевых магов у нас в лучшем случае наберется не более пятнадцати. Из них семеро в командировках, Мелдон в бегах, Альмариан только сиганул в портал и был таков. Это уже девять. Еще трое отсиживаются у себя по домам.

Гарб удивленно уставился на эльфа. Лусид только что окончательно сломал стереотип о прекрасном народе в голове гоблина.

— А остальные?

— Я нахожусь здесь, — продолжил эльф. — Одного моего заместителя съели на улице, когда он вышел посмотреть на причину шума. Еще один сейчас где-то в Академии, но его еще надо найти.

— Ясно, — сказал шаман. — Так что, остальные колдовать совсем не умеют? На меня же во время защиты трактата набросилось почти пятьдесят ваших!

— Ах, к несчастью, безвозвратно ушли те времена, когда Академия занималась только боевой стихийной магией. Сейчас мы больше уделяем внимание развитию изящных искусств и целительству. Кстати, я не показывал, какие превосходные картины можно писать с помощью волшебства? Я не переживу, если эти работы погибнут.

— Тогда я не вижу другого способа нам помочь, кроме отключения магии, как я это уже делал.

Идренион побагровел, вскочил на ноги и нервно забегал по кабинету.

— Не вздумайте! Если вы посмеете сделать это еще раз, я вас лишу ученого звания и

прикажу арестовать!

— А вы попробуйте мне помешать! — с угрозой в голосе ответил маленький шаман и выбежал вон.

Эльф со злости зарядил кулаком по стене и взвыл от боли, отчаянно махая поврежденной кистью

Хапуги на площади сбились в кучку и огородили себя со всех сторон магическими щитами. До сих пор штурм проходил по намеченному Сандро сценарию, но он приказал ни в коем случае не вредить зданию Академии, чтобы случайно не сдетонировало взрывоопасное содержимое многочисленных магических и алхимических лабораторий.

Силы осажденных тоже были пока неясны, и вдобавок ко всему уже целый час какой-то партизан регулярно выпускал по командирам некромантов стрелы с белым оперением. Семеро погибших за такое короткое время — это слишком. Поймать таинственного стрелка пока не удалось — он снайперски поражал цель и бесшумно уходил по крышам. Хапуги начали нервничать.

— Давайте просто высадим дверь и натравим на них зомби! — предложил один из них.

— Это было бы слишком просто, я предчувствую ловушку. Все-таки это Академия волшебства и магии, а не институт благородных эльфиек, — отвечал ему второй.

— Правильно, надо дождаться, пока не выйдет срок ультиматума. Вдруг они согласятся, — предложил третий.

— Ага, пока мы ждем, резерв наших солдат тает на глазах. Хочешь своей Дэ поддерживать в рабочем состоянии эту прорву мертвечины? — сказал четвертый.

— Значит так, — подвел итог мрачный хапуг, одетый в черную мантию. — Выбиваем дверь издалека и бросаем на прорыв зомби. Потом, если все будет тихо, заходим сами и убиваем все, что движется. За работу, олухи!

Гарб бежал по запутанным петляющим коридорам и лестницам Академии, чтобы предупредить друзей. Сбегая по очередной лестнице, он услышал мощный взрыв, сотрясший здание. «Опоздал!» — мелькнула в голове мысль. Он с удвоенной скоростью понесся к центральному входу, на бегу доставая из торбы посох. Последняя на пути лестница привела к широкому коридору, именовавшемуся парадным. Его глазам предстала картина ожесточенного сражения: зомби наседали, друзья пока отбивались, а через раскуроченную дверь уже входил слегка поредевший командирский состав хапугов.

Гоблин изо всех сил ударил посохом оземь, чтобы отвлечь врагов от друзей. Недруги разом подняли на него свои красные глаза и, увидев искомые Быры, не сговариваясь вскинули руки, метнув в маленького шамана ядовитые шипы. Гарб выставил щит мага, и костяные отростки упали на ступени лестницы, ударившись о невидимую преграду.

— Отдай Быры, предатель! — крикнул командир хапугов. — Отдашь сразу — умрешь быстро.

— Фиг тебе, сын совы! — ответил шаман на гоблинском, не ослабляя щита.

Оскорбление подействовало. Враги сосредоточили все свое внимание на ловце духов.

Для молитвы Бирканитре требовалось время, и гоблин прикинул, что сделал глупость, не проведя обряд где-нибудь в более безопасном месте.

— Хотя бы друзья еще живы, — подумал он, с ужасом наблюдая внутренним зрением, как вокруг хапугов разрастается аура смерти.

Враги творили неизвестное Гарбу темное заклинание, и помешать им ловец духов уже не успевал. Гоблин зажмурился, взывая к своей богине и искренне надеясь, что щит выдержит. Прошла секунда, воздух наполнился воем тысячи глоток — по крайней мере, так показалось шаману. Он открыл глаза и увидел корчащихся от боли некромантов — они ползали по полу, судорожно хватали ртом воздух, и извивались, как отвратительные гигантские черви.

Щит был целехонек, но причиной такого их поведения стал не он: у входа стоял Мелдон и старательно закупоривал магией поврежденную дверь, перекрывая поток мертвецов. Когда командир хапугов, преодолевая боль, попытался встать, маркиз сделал резкое движение рукой, и обладатель черной мантии впечатался лицом в мозаичный рисунок, изображающий победу Триединого над каким-то адским змеем.

Компаньоны и еще живые гномы встретили появление председателя радостными криками — подмога пришлась весьма кстати, так как мертвецы уже теснили защитников Академии к стенам, и отступить дальше было некуда. Гарб бросился было колдовать, и тут его постигло разочарование: он растратил остатки Дэ на усиление магического щита, и сейчас ничем не мог помочь гибнущим товарищам.

Мелдон тем временем заделал дверь, повернулся к Гарбу и приветливо помахал ему. Затем шаркающей походкой подошел к валяющимся некромантам, вытащил из ножен стилет с узким трехгранным лезвием и принялся методично втыкать его в разные части тела ближайшего беспомощного врага. Ненавидящий взгляд эльфа был настолько страшен, что еще живые хапуги отчаянно завопили, призывая слуг на помощь. Маркиз только усмехнулся и огородил пространство вокруг себя и своих жертв высокой огненной стеной. Часть зомби попыталась прорваться сквозь пламя и осыпалась на пол кучками пепла.

Гарб попытался докричаться до Мелдона.

— Не делай этого! — попытался воззвать шаман к голосу разума. — Так нельзя без суда! Тебя навсегда изгонят из королевства!

Ревущее пламя и шум схватки свели все попытки гоблина на нет. Тогда шаман принял единственно правильное, на его взгляд, решение: воспользоваться посохом Бирканитры.

Слова молитвы сорвались с губ, сплетаясь в единое целое с элементами заклинания и формируя нечто доселе невиданное на Лумее. Беззвучная силовая волна прошла по залу, опрокидывая на своем пути всех, кто стоял на ногах, и гася любые проявления магии: зловонными кучами попадали зомби, потухла стена волшебного огня, погасли волшебные рисунки на стенах, а за ними растворилась часть самих стен — монолитные каменные блоки, составлявшие основу конструкции, исчезли, оставив вместо себя только самую обычную кирпичную кладку. Кирпич в ней выглядел ветхим и грозил вот-вот развалиться под собственной тяжестью.

К Гарбу подошел шатающийся от усталости Михель. Его роба была мокрой от пота.

— Я вижу, твоя вера окрепла, — хрипло сказал он.

— Это точно, — ответил Гарб, потрясая посохом. — С таким-то символом!

— Мне кажется, ты пугаешь понятия, — устало поправил его монах. — Твой символ веры не магическая штучка, а молитва, с помощью которой ты можешь творить чудеса. Без молитвы этот посох практически бесполезен.

— Не начинай сейчас, — слабо улыбнулся гоблин. — Поговорим об этом позже.

Тем временем Мелдон ошарашенно смотрел на руку, сжимающую рукоять стилета. Оружие, до этого мерцавшее бледным фиолетовым светом, превратилось в потускневший

орызок ржавого металла, выглядывающий из треснувшей крестовины костяной рукояти.

— Мерд! — выругался маркиз.

Шок от отсутствия магии частично вернул ему здравость рассудка.

— На что же тогда способна эта штука, если к ней добавить четвертую часть?

Выяснить, какой мощью наделен полностью собранный посох, Мелдону не довелось. Командир хапугов воспользовался исчезновением заклинания, вынуждавшего его дожидаться смерти, лежа ничком на холодном полу, подкрался к эльфу сзади и одним движением свернул ему шею. Тело профессора еще падало на пол, а хапуги уже выбрались из Академии, созывая уцелевших рабов.

Потрясенного Гарба, на глазах которого все произошло, сгреб в охапку Каввель и вынес из здания вместе с посохом. Следом начали выбегать остальные. Всего набралось не более пятнадцати гномов, и Мауса среди них не было. Михель и Агрх, по счастью, оказались невредимы, а вот Бурбалка предстал перед друзьями в несколько ином виде: знакомое полупрозрачное облачко снова танцевало в воздухе, словно и не было обряда, едва не стоившего Гарбу жизни.

Последним из Академии выскочил взлохмаченный Идренион в сопровождении десятка других эльфов. Как только они отбежали подальше, здание обрушилось, погребая под обломками тела мертвецов. Кирпичная крошка брызнула во все стороны и дождем осыпала весь город. Густое облако измельченной штукатурки, перемешанной с пылью, накрыло площадь, заставив всех судорожно закашляться и спрятать лица в ладонях или складках одежды.

— Ты за это ответишь! — яростно потряс пальцем лусид перед мордой гоблина, когда пыль немного осела.

Видя, что опасность миновала, из домов начали выходить горожане, осторожно переступая через тела мертвецов.

— Это он привел к нам врагов! — не унимался исполняющий обязанности председателя Президиума несуществующего более вместилища наук. — Хватайте его! Он уничтожил Академию!

Толпа зашумела: в отсутствие ходячей нежити эльфы осмелели, и теперь, осознав масштабы разрушений и потерь, жаждали покарать виновных или хотя бы кого-нибудь. Агрх сунул Идрениону под нос меч, но это лишь подстегнуло толпу. Будь на месте орка Маус, обладавший в среде остроухих большим авторитетом, конфликт если бы и не был улажен на месте, то мог бы быть перенесен на рассмотрение в суд Серебряного чертога. А так лусиды лишь похватали камни и другое подручное оружие, чтобы угрожающе двинуться на гоблина. К друзьям сквозь толпу протиснулся Адинук с полупустым колчаном за спиной и лютней в руке.

— Что за потеху вы тут удумали без меня? Мне кажется, пришла пора спеть! — троу небрежно откинул назад пепельную челку, упавшую на глаза, и ударил по струнам.

Эльфы встали, будто зачарованные, не в силах пошевелиться, хотя магии в этом никакой не было и быть не могло. Просто остроухие узнали во вступлении древний, как сами перворожденные, мотив.

— Если у вас нет хоть какого завалящего плана, советую быстро его придумать, — шепнул Адинук компаньонам, затягивая песню, восхваляющую эльфийских богов. — Я эту чушь долго играть не смогу. Нервов не хватит.

Лусиды оказались морально не готовы услышать из уст темного барда хвалу светлым

богам, и многие расплакались. Некоторые и вовсе впали в оцепенение.

Пока остроухие приходили в себя, друзья придвинулись поближе, чтобы обсудить положение. Эльфы окружали их плотным кольцом, и многие из них держали оружие. Идти на прорыв рискованно, да и убежать от легконогих лусидов еще мало кому удавалось. Магический резерв Гарба все еще годился только для показа балаганных фокусов, так что и на него рассчитывать не приходилось.

— В Шеол портал не открывается, — замогильным голосом сообщил Бурбалка, — но я могу открыть в другое место. То самое, куда у меня в первый раз получилось.

— На какие магические шиши? — удивленно поинтересовался гoblin. — Магия, кажется, не просто пропала, а... не понимаю, что с ней вообще случилось.

— Все просто — ты не отключил магию, как в прошлые разы, ты как бы вернул ее назад во времени, — пояснил Бурбалка. — Заколдованные предметы утратили магию, а я, как существо частично магическое, перешел в исходное состояние. С полным запасом энергии, попрошу заметить.

— А почему я снова не стал быком? — спросил Каввель.

— Торгарон его знает, — ответил призрак. — Может, твои превращения замешаны на воле богов, а не на магии? Ну что, давайте решать!

— Я согласен, — сказал Каввель и поспешно добавил. — Только чтобы никаких теней!

Адинук закончил пение, и брезгливо сплюнул на землю, словно пытаясь избавиться от неприятного привкуса только что вылетевших из его рта слов. Толпа начала понемногу оживать. Притихшие эльфы вспомнили, зачем они тут собрались, и стали сжимать кольцо, хоть и не так напористо, как раньше.

— Давай! — подбодрил духа Гарб. — Действуй!

В шаге от компаньонов в воздухе развернулась пульсирующая воронка багрового портала.

— Ой, не нравится мне это, — изрек Каввель.

— Как я тебя понимаю, — вздохнул Михель. Порталы нужно уничтожать, а не открывать новые.

Тем не менее отставать от друзей он не собирался. Шестерка компаньонов прыгнула, а набежавшие остроухие столкнулись лбами.

Глава заключительная, но не последняя

«Ой, то не ветер ветку клонит, то в темнице кто-то стонет».

Из песен Адинука, темного эльфа

Каввель выпрыгнул первым и осмотрелся. Куда ни глянь, всюду простиралась бесплодная пустошь, испещренная рвами и карьерами. Неподалеку виднелись разрушенные остатки какого-то города. Портальный способ перемещения все еще был для него внове, и минотавра мутило. Немного спасал прохладный сухой воздух, хотя витавшие в нем запахи вряд ли способствовали пищеварению — пахло, как на тлеющем возле вулкана скотомогильнике.

— Ты понял, куда нас занесло? — спросил он у вынырнувшего следом Бурбалки, сдерживая свой желудок.

— Место незнакомое, — честно ответил призрак. — Энергию из меня вроде не тянет, значит, не Умбра и не Шеол, потому что в него я прыгнуть и не мог.

Из портала вылетел Агрх, ловко приземлился и принялся.

— Пахнет серой, кровью и еще какой-то тухлятиной, — высказался он.

Адинук и Гарб явились одновременно.

— Дом, милый дом, — нараспев проговорил трою и, выхватив стрелу из колчана, спустил тетиву.

Компаньоны проследили за направлением полета снаряда, и обнаружили стрелу торчащей в груди невысокого гуманоида с крыльями, заостренным хвостом и очень острыми когтями на лапах. Чешуйчатое тело забилося в агонии и завалилось набок.

— Ты знаешь, где мы очутились? — поинтересовался Гарб.

— Понятия не имею, просто это место очень похоже на Подземье — так же опасно, — заявил Адинук, отправляя в полет еще одну стрелу, чтобы подбить вторую чешуйчатую тварь.

Из передних лап этого экземпляра местной фауны выпали вилы, что наводило на мысли о его возможной разумности.

— Тогда зачем ты стреляешь, вдруг они мирные? — задал вопрос Михель.

— Я желание напасть на меня за милую чую, — ответил темный эльф. — Этот хотел нас сожрать. Ты сам не понимаешь, что ли?

— Боюсь, что слишком хорошо понимаю, — мрачно произнес монах.

Гарб повернулся к Бурбалке.

— Ты куда нас забросил? — строго спросил он.

— Дык это, у меня ж только одни координаты были, и я наугад открывал. Каввель вон не хотел теней, так их тут и нету, — заюлил дух.

Если бы он все еще был материальным, то наверняка бы покраснел, но вместо этого ограничился пируэтом.

— Открыть другой портал сможешь?

— Ну, я типа всю Дэ потратил...

— Понятно, — оборвал его Агрх. — Значит, будем искать более дружелюбных местных. У них и спросим, где мы и как отсюда выбраться.

— Надеюсь, всеобщий они знают, а то у меня складывается впечатление, что мы вовсе не на Лумее, — сказал Гарб. — Ладно, идем.

Искать местных пришлось недолго. Правда, о гостеприимстве у аборигенов были какие-то свои представления, поскольку двое крупных крылатых гуманоидов без предупреждения напали на компаньонов. Изучение их изрубленных рогатых трупов выявило, что погибшие предположительно относятся к классу рептилий, крылья им нужны скорее для защиты, нежели для полетов, а хвост является третьей рукой. От летающих собратьев они отличались большим размером, отсутствием шипов на хвосте и зачарованным оружием в лапах.

— Ну, по крайней мере, их можно убить, — вздохнул Михель. — Меня терзают смутные сомнения насчет того, где мы очутились.

Рассказать про свои сомнения монах не успел. Из рва неподалеку стали вылезать «ожившие куски мяса» — более точного сравнения подобрать никто не смог. Адинук сразу выстрелил в ближайшее существо. Стрела вонзилась точно в середину монстра и вошла в его тело по самое оперение. Существо проигнорировало ранение, медленно двинувшись в сторону друзей. За ним потянулись и остальные — еще около двух дюжин таких же омерзительных созданий. Органов чувств, судя по внешнему виду, у них не было. Тем не менее, они безошибочно поменяли направление движения, когда компаньоны отбежали подальше.

— Так, мне это начинает надоедать! — воскликнул орк.

Он выхватил меч, подбежал к одному из комьев мышц и с размаху всадил в него клинок. Мышцы напряглись и «выплюнули» несъедобный предмет. Агрх подобрал оружие и попытался рассечь мясной ком надвое ударом сверху. Закаленная сталь справилась с задачей наполовину: мясо поддалось только до середины. Орк с отвращением выдернул меч и вернулся к друзьям. Недобитая тварь продолжила свой неспешный ход, но стало ясно, что просто так от этих врагов не отделаться.

— Гарб, ты как насчет поколдовать? — спросил Михель. — Я не настаиваю, но у нас, похоже, нет другого выбора.

— Не могу вас ничем порадовать, — всплеснул лапами шаман. — Мой резерв еще не восстановился. Нужно хотя бы часа четыре, чтобы я что-то смог с ними сделать. Разве только посохом опять попробовать.

С этими словами он достал из торбы свое оружие, но компаньоны наперебой принялись его убеждать не делать глупостей, не забывая при этом быстрым шагом удаляться от преследователей.

— Мин ‘ант? Каюф васалат ‘иилаа хуна, надра? Халь туфхмуни? — услышали друзья незнакомый хрипловатый, но приятный голос.

Резко обернувшись, они узрели еще одного гуманоида. Если бы на лбу у него не красовались аккуратные маленькие рожки, а козлиные волосатые ноги не оканчивались копытами, его можно было бы принять за эдакого экзотического полуэльфа. Огромный рост и красный цвет кожи, а также нечто неуловимое в правильных чертах симпатичного лица подсказывали, что родом он далеко из-за пределов Лумеи.

Темные волосы на ногах и голове были тщательно завиты колечками и, кажется, напомажены. На поясе у существа висела набедренная повязка, составляющая единственный предмет его гардероба, если не считать блестящих металлических наручей и таких же поножей. Незнакомец не проявлял агрессии, и рассматривал компанию скорее с искренним любопытством, чем с недружелюбием.

— Мы не понимаем тебя! — ответил Гарб.

Гуманоид сделал ладонью жест, по идее, должный означать ожидание, и на секунду задумался.

— А так понимаете? — спросил он. — Меня зовут Муфад'ал, гости мои дорогие. Не удивляйтесь, ведь мой народ владеет искусством передачи мыслей на расстоянии, и сейчас вы думаете, что понимаете меня. На самом деле, каждый из нас говорит на своем языке.

— Удобно, — позавидовал такой интересной способности гоблин. — Осторожно!

Гуманоид обернулся и увидел в футе от себя подползшие куски мяса.

— Шу! — сказал он, и странные существа развернулись и поползли в сторону ближайшей канавы. — Не обращайтесь внимания, это всего лишь слуги.

Затем незнакомец рассмотрел посох в лапах у Гарба и вздрогнул.

— Интересную штучку вы с собой принесли, — подмигнул он шаману. — С такой здесь можно многого добиться. Может быть, вас даже примет сам аршидук. Кстати, зря вы убили тех несчастных. У нас жизнь бессмертных священна, и каждая такая смерть — невосполнимая утрата.

— Они хотели убить нас, — возразил Михель.

— Прискорбно, — вздохнул гуманоид, но вы-то, кажется, не бессмертные.

Монаха аж передернуло.

— Можно у вас поинтересоваться, где мы находимся? Где это здесь? — вкрадчиво проговорил человек, втайне надеясь услышать более приемлемый ответ, чем тот, что последовал.

— Так вы до сих пор не поняли? О, бедные мои отвергнутые, вы в седьмом круге! Добро пожаловать в Эльжахим!

Продолжение следует...

Больше книг на сайте - Knigoed.net